

ISSN 2074-9848
e-ISSN 2310-0532

БАЛТИЙСКИЙ РЕГИОН

2015
3 (25)

Калининград
Издательство
Балтийского федерального университета имени Иммануила Канта
2015

БАЛТИЙСКИЙ

РЕГИОН

2015

3 (25)

Калининград :
Изд-во БФУ
им. И. Канта, 2015.
174 с.

Журнал основан
в 2009 году

Периодичность:
4 номера в год
на русском
и английском языках

Учредители:

Балтийский
федеральный
университет
им. Иммануила Канта

Санкт-Петербургский
государственный
университет

Редакция

Адрес: 236000, Россия,
Калининград,
ул. Зоологическая, 2.

Выпускающий редактор:
Кузнецова
Татьяна Юрьевна
tikuznetsova@kantiana.ru
Тел.: +7 4012 59-55-43
Факс: +7 4012 46-63-13
www.journals.kantiana.ru

Точка зрения авторов
может не совпадать
с позицией
учредителей

© БФУ им. И. Канта, 2015

Редакционный совет

А. П. Клементьев, д-р полит. наук, проф., ректор БФУ им. И. Канта — сопредседатель (Россия); *К. К. Худoley*, д-р ист. наук, проф., зав. кафедрой европейских исследований факультета международных отношений СПбГУ — сопредседатель (Россия); *В. Г. Барановский*, д-р ист. наук, акад. РАН, проф., член дирекции ИМЭМО РАН (Россия); *Й. фон Браун*, директор Центра изучения развития, проф. Боннского университета (Германия); *К. Ляхто*, проф., директор Пан-Европейского института высшей школы экономики, г. Турку (Финляндия); *В. А. Мау*, д-р экон. наук, проф., ректор РАНХиГС (Россия); *А. Ю. Мельвиль*, д-р филос. наук, проф., декан факультета социальных наук НИУ — ВШЭ (Россия); *Р. М. Нуреев*, д-р экон. наук, проф., проф. департамента прикладной экономики НИУ — ВШЭ (Россия); *А. О. Чубарьян*, проф., акад. РАН, директор Института всеобщей истории РАН (Россия).

Редакционная коллегия

Г. М. Федоров, д-р геогр. наук, проф., директор Института природопользования, территориального развития и градостроительства БФУ им. И. Канта — сопредседатель (Россия); *Н. В. Каледин*, канд. геогр. наук, доц., зав. каф. региональной политики и политической географии СПбГУ — сопредседатель (Россия); *В. В. Воронов*, д-р социол. наук, ведущий исследователь Института социальных исследований, Даугавпилсский университет (Латвия); *Т. Р. Гареев*, канд. экон. наук, доц., проректор по развитию и стратегическому планированию БФУ им. И. Канта (Россия); *Ю. М. Зверев*, канд. геогр. наук, зав. кафедрой географии, природопользования и пространственного развития БФУ им. И. Канта (Россия); *М. В. Ильин*, д-р полит. наук, проф. кафедры сравнительной политологии МГИМО (У) МИД РФ (Россия); *В. А. Колосов*, д-р геогр. наук, проф., зав. лабораторией геополитических исследований Института географии РАН (Россия); *Ю. В. Косов*, д-р филос. наук, проф., зам. директора, зав. кафедрой международных отношений Северо-западного института управления РАНХиГС (Россия); *Г. В. Кретишин*, д-р ист. наук, проф., проф. кафедры истории БФУ им. И. Канта (Россия); *Н. М. Межсевич*, д-р экон. наук, проф. кафедры европейских исследований факультета международных отношений СПбГУ (Россия); *Т. Пальмовский*, д-р географии, проф., зав. кафедрой географии регионального развития Гданьского университета (Польша); *Э. Спиряевас*, д-р географии, проф., директор Центра трансграничных исследований, Клайпедский университет (Литва); *А. Е. Шаститко*, д-р экон. наук, зав. кафедрой конкурентной и промышленной политики, МГУ им. М. В. Ломоносова (Россия).

ISSN 2074-9848
e-ISSN 2310-0532

BALTIC REGION

2015

3 (25)

Immanuel Kant Baltic Federal University Press
2015

BALTIC
REGION
2015
3 (25)

Kaliningrad :
I. Kant Baltic Federal
University Press, 2015.
174 p.

The journal
was established in 2009

Frequency:
4 issues
in the Russian and English
languages per year

Founders

Immanuel Kant Baltic
Federal University

Saint Petersburg
State University

Editorial Office

Address:
2, Zoologicheskaya str.,
Kaliningrad, Russia 236000

Executive secretary:
Tatyana Kuznetsova,
tikuznetsova@kantiana.ru
Tel.: +7 4012 59-55-43
Fax: +7 4012 46-63-13
www.journals.kantiana.ru

The opinions expressed
in the articles are private
opinions of the authors
and do not necessarily
reflect the views
of the founders
of the journal

© I. Kant Baltic Federal
University, 2015

Editorial council

Prof. *Andrei Klemeshev*, rector of the Immanuel Kant Baltic Federal University, Russia (co-chair); Prof. *Konstantin Khudolei*, head of the Department of European Studies, Faculty of International Relations, Saint Petersburg State University, Russia (co-chair); Prof. *Vladimir Baranovsky*, member of the Directorate of the Institute of World Economy and International Relations (IMEMO), Russian Academy of Sciences, Russia; Prof. Dr *Joachim von Braun*, director of the Center for Development Research (ZEF), Professor, University of Bonn, Germany; Prof. *Aleksander Chubaryan*, director of the Institute of World History, Russian Academy of Sciences, Russia; Dr *Kari Liuhto*, director of the Pan-European Institute, Turku, Finland; Prof. *Vladimir Mau*, rector of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Russia; Prof. *Andrei Melville*, dean of the Faculty of Social Sciences, National Research University — Higher School of Economics, Russia; Prof. *Rustem Nureev*, prof. of the Department of Applied Economics, National Research University — Higher School of Economics, Russia.

Editorial board

Prof. *Gennady Fedorov*, director of the Institute of Environmental Management, Territorial Development and Urban Construction, Immanuel Kant Baltic Federal University, Russia (co-chair); Dr *Nikolai Kaledin*, head of the Department of Regional Policy & Political Geography, Saint Petersburg State University, Russia (co-chair); Dr *Timur Gareev*, vice-rector for Development and Strategic Planning, Immanuel Kant Baltic Federal University, Russia; Prof. *Mikhail Ilyin*, prof. of the Department of Comparative Politics, Moscow State Institute of International Relations (MGIMO University), Russia; Prof. *Vladimir Kolosov*, head of the Laboratory for Geopolitical Studies, Institute of Geography, Russian Academy of Sciences; Prof. *Yuri Kosov*, head of the Department of International Relations, North-West Institute of Management Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Russia; Prof. *Gennady Kretinin*, Department of History, Immanuel Kant Baltic Federal University, Russia; Prof. *Nikolai Mezhevich*, Department of European Studies, Faculty of International Relations, Saint Petersburg State University, Russia; Prof. *Tadeusz Palmowski*, head of the Department of Regional Development, University of Gdansk, Poland; Prof. *Andrei Shastitko*, head of the Department of Competitive and Industrial Policy, Moscow State University, Russia; Prof. *Eduardas Spiriajevas*, head of the Centre of Transborder Studies, Klaipeda University (Lithuania); Dr *Viktor Voronov*, Leading Research Fellow, Institute of Social Studies, Daugavpils University, Latvia; Dr *Yuri Zverev*, head of the Department of Geography, Environmental Management and Spatial Development, Immanuel Kant Baltic Federal University, Russia.

СОДЕРЖАНИЕ

Экономика и образование

Клемешев А. П. О совершенствовании политики подготовки кадров и обеспечении экономико-демографической сбалансированности развития Калининградской области 7

Жуковский И. И. Эволюция моделей международного научно-образовательного сотрудничества в контексте современных внешне-политических стратегий 23

Экономико-географические аспекты развития регионов СЗФО

Романова Е. А., Виноградова О. Л., Фризина И. В. Эффект сжатия социально-экономического пространства в условиях приграничья (на примере СЗФО) 38

Лачининский С. С., Семенова И. В. Позиционирование мирового приморского города Санкт-Петербурга в Балтийском регионе..... 62

Мякиненок В. М., Спириин П. П., Вязилова Ю. С. Модельная структура и содержание комплексного морского плана на примере Калининградской области..... 76

Поподько Г. И., Нагаева О. С. Возможности и ограничения реализации крупномасштабного инвестиционного проекта в новых экономических условиях на примере морского порта Усть-Луга..... 90

Экономика Калининградской области

Кузнецова А. Л. О направлениях создания устойчивой и динамичной экономики в Калининградской области..... 108

Солдатова С. Э., Волошенко К. Ю., Огнева Н. Ф. Матричное представление показателей системы региональных счетов Калининградской области: экспериментальная разработка и перспективы моделирования..... 126

Общие закономерности пространственной организации России

Сафронов С. Г. Современные тенденции трансформации этнического состава населения России 138

Часовский В. И. Основные тренды территориально-отраслевых изменений в промышленности России 154

CONTENTS

Economics and Education

Klemeshev A. Improving Human Resource Training Policy for the Balanced Economic and Demographic Development of the Kaliningrad Region 7

Zhukovsky I. Evolution of International Research Cooperation models in the Contemporary Foreign Policy Environment 23

Economic and Geographical Development of the Russian Northwest

Romanova E., Vinogradova O., Frizina I. Social and Economic Space Compression in Border Areas: the Case of the Northwestern Federal District..... 38

Lachninsky S., Semenova I. Saint Petersburg as a Global Coastal City: Positioning in the Baltic Region..... 62

Myakinenkov V., Spirin P., Vyazilova Yu. Model Structure and Content of a Comprehensive Maritime Plan: the Case of Kaliningrad..... 76

Popodko G., Nagaeva O. Opportunities and Challenges of Large Investment Projects in the New Economy: the Port of Ust-Luga..... 90

Economy of the Kaliningrad Region

Kuznetsova A. Towards a Stable and Dynamic Economy in the Kaliningrad Region..... 108

Soldatova S., Voloshenko K., Ogneva N. Matrix Representation of the Kaliningrad Regional Accounts System: Experimental Development and Modelling Prospects 126

Russian Spatial Development: General Patterns

Safronov S. Russian Population Ethnic Structure: Trends and Transformations..... 138

Chasovsky V. Key Directions of Sectoral and Spatial Changes in the Russian Industry 154

УДК 911.3

О СОВЕРШЕНСТВОВАНИИ ПОЛИТИКИ ПОДГОТОВКИ КАДРОВ И ОБЕСПЕЧЕНИИ ЭКОНОМИКО- ДЕМОГРАФИЧЕСКОЙ СБАЛАНСИРОВАННОСТИ РАЗВИТИЯ КАЛИНИНГРАДСКОЙ ОБЛАСТИ

А. П. Клемешев*

* Балтийский федеральный университет
им. И. Канта
236041, Россия, Калининград,
ул. А. Невского, 14

Поступила в редакцию 15.05.2015 г.

doi: 10.5922/2074-9848-2015-3-1

© Клемешев А.П., 2015

Сбалансированное экономико-демографическое развитие играет большую роль в обеспечении динамичного и пропорционального развития регионов. Между тем в России в целом и в эксклавной Калининградской области в особенности накопились значительные диспропорции между спросом и предложением рабочей силы. Цель статьи — оценка степени сбалансированности компонентов системы «демография — образование — экономика» в регионе и обоснование мер по устранению выявленных диспропорций. В исследовании использована модифицированная концепция региональной экономико-демографической обстановки с добавлением компонента «образование» в традиционные исследования взаимосвязей демографических особенностей населения и экономики региона. Выявлены диспропорции, имеющие как количественные (избыток или дефицит кадров), так и качественный характер (соответствие уровня и профессиональной структуры подготовки кадров потребностям экономики). Значителен перевес в подготовке вузами специалистов гуманитарных профилей по сравнению с инженерно-техническими. Недостаточны объемы подготовки квалифицированных рабочих. Частые изменения специализации экономики затрудняют надежный прогноз потребности в кадрах. Для устранения диспропорций необходимы развернутые, охватывающие все территориальные уровни и регионы, междисциплинарные исследования в системе «демография — образование — экономика», позволяющие обеспечить надежный прогноз развития каждого элемента системы.

Ключевые слова: трудовые ресурсы, профессиональное образование, экономика, экономико-демографические проблемы, эксклавный регион, сбалансированное развитие

Введение

Изучение роли образования в экономическом развитии регионов (особенно развитие междисциплинарных исследований в системе «демография — образование — экономика») становится все более важным направлением научных исследований. Это направление, в котором должны быть объединены усилия демографов, экономистов, социологов, географов для того, чтобы обеспечить пропорциональное, сбалансированное развитие социально-экономических систем всех уровней — от уровня страны до регионов и муниципальных образований. Задачей является обоснование сбалансированных рекомендаций для каждого компонента системы, в том числе для регионального уровня.

Экономико-демографическая проблематика составляла важную часть докладов и дискуссий на прошедшем в Калининграде научном симпозиуме им. Т. И. Заславской «Социальные вызовы экономическому развитию» 26—27 мая 2015 г. Большое внимание уделялось территориальным различиям в уровне, темпах и особенностях социального развития в тесной связи с экономическими и иными факторами. В данной статье рассматриваются материалы об актуальных региональных проблемах сбалансированности системы «демография — образование — экономика» Калининградской области, подготовленные автором в процессе написания доклада к выступлению на симпозиуме.

Актуальность междисциплинарных исследований в системе «демография — образование — экономика»

Экономико-демографические связи начали изучаться в нашей стране достаточно давно, еще в 1920-е гг., их становление связано с работами С. Г. Струмилина [14]. Большой прогресс был достигнут в 1960—1980-е гг. благодаря трудам, выполнявшимся под руководством Н. Т. Агафонова, А. Я. Боярского, Д. И. Валентя, И. Г. Вишневого, Б. Ц. Урланиса и др. Но в 1990-е гг. такие исследования практически прекратились, и только с начала 2000-х гг. они вновь начали проводиться в рамках развивающегося направления исследований — экономической демографии [12]. Однако образовательный компонент в них учитывается недостаточно, тем более в региональном аспекте. К числу исключений можно отнести работы под руководством М. П. Карпенко, где с регионально-демографических позиций рассматривается развитие (прежде всего высшего) образования [10]. Комплексная геодемографическая типология развивается также в БФУ им. И. Канта [19].

Сложившаяся в изучении связей «демография — образование — экономика» ситуация вообще характерна для современных социальных исследований в России. Чаще всего изучаются узкодисциплинарные темы, плохо скоординированные с исследованиями не только в смежных науках, но и в отдельных направлениях одной и той же науки. Поэтому практическое использование результатов таких исследований часто приводит к се-

рьезным диспропорциям в региональном социально-экономическом развитии: решение одних задач неизбежно порождает другие, часто более сложные. Применительно к теме нашего исследования речь идет о том, что в результате слабого развития междисциплинарных исследований в стране в целом и ее регионах в частности возникают диспропорции в системе «демография — образование — экономика». Демографические компоненты не сбалансированы с образовательными (причем общее образование недостаточно скоординировано с профессиональным), а профессиональное образование не соответствует функционально-отраслевой структуре и темпам развития экономики¹.

Проблема несоответствия уровня и отраслевой структуры профессионального образования потребностям развивающейся национальной экономики становится в России все более актуальной. И пути ее решения кажутся достаточно тривиальными: во-первых, оценка состояния и прогноз направлений развития экономики и, во-вторых, опрос работодателей о современной и перспективной потребности в рабочей силе. Однако ни тот ни другой путь не дают ожидаемых результатов. Стратегии и программы социально-экономического развития, разрабатываемые научными организациями, даже если их основные прогнозные параметры оказываются достаточно близкими с реальными цифрами, не дают достаточно детализованных перспективных оценок профессиональной структуры занятых и, соответственно, потребности в подготовке соответствующих кадров. Опросы предпринимателей позволяют в какой-то мере оценить спрос на данный момент времени, но не на перспективу, даже ближнюю.

Но даже если бы удалось определить количественные параметры спроса на работников определенного уровня подготовки и профессионального состава, препятствием к подготовке рабочих и специалистов с необходимыми компетенциями мешает отсутствие профессиональных стандартов, хотя образовательные стандарты, по которым готовятся кадры, не только существуют, но и достаточно часто (если не сказать чрезмерно часто) меняются. В последнее время работа по подготовке профессиональных стандартов активизировалась, но до ее завершения еще далеко. Тогда, видимо, придется вновь и достаточно кардинально менять образовательные стандарты, приближая их к потребностям сферы производства.

Отечественная система образования, созданная в советский период, в основном соответствовала потребностям государственной распределительной экономики. Но в рыночных условиях, когда рабочая сила

¹ Понятно, что полной сбалансированности не должно быть в связи с межрегиональным значением многих учреждений профессионального образования (особенно национальных и федеральных университетов) и миграционной подвижностью работников. Однако эта подвижность должна иметь определенные пределы, а учреждения профессионального образования должны в первую очередь удовлетворять потребности в квалифицированных работниках тех регионов, где эти учреждения находятся.

стала товаром, она стала несостоятельной. Наибольшие трудности испытало начальное профессиональное образование, поскольку потребность в квалифицированных рабочих экономики, подвергшейся в 1990-е гг. деиндустриализации, резко сократилась. Исчезли многие крупные предприятия, имевшие свои профессионально-технические училища, финансирование начального профобразования было передано на региональный уровень, не обладающий необходимыми финансовыми ресурсами. Подготовка в учреждениях среднего и высшего профессионального образования приобрела преимущественно гуманитарную направленность: резко увеличилось количество готовящихся экономистов и юристов в ущерб инженерно-техническим специальностям. При этом финансирование учреждений профессионального образования чаще всего недостаточно для их надлежащего технического оснащения. Неудовлетворительна и оплата труда преподавателей, что препятствует привлечению в сферу профессионального образования перспективной молодежи.

Некоторые сравнительные показатели развития системы образования Калининградской области, РФ и СЗФО

Система профессионального образования Калининградской области включает те же уровни и формы образования, что и другие российские регионы. Как и в среднем по РФ и СЗФО, в Калининградской области сокращается количество принимаемых на все уровни профессионального образования. По всем уровням образования число поступающих в расчете на 1000 жителей в 2005—2013 гг. как в РФ в целом, так и в Калининградской области сократилось. Отличие Калининградской области прежде всего в том, что этот показатель в области ниже, чем в среднем по РФ, на всех уровнях. И по соотношению начального, среднего и высшего профессионального образования она имеет определенные отличия (рис.). Особенно сильно отстает число поступающих в расчете на 1000 в НПО, значительно — в ВПО и менее значительно — по СПО (здесь показатель области в 2013 г. стал несколько выше, чем в СЗФО, но ниже, чем в РФ).

В эксклавной Калининградской области проблемы приближения системы профессионального образования к потребностям экономики и формирования сбалансированной системы «демография — образование — экономика» еще более актуальны по сравнению с большинством российских регионов. Это обусловлено, во-первых, неустойчивостью калининградской экономики, ее сильной зависимостью от внешних факторов [2; 8; 16; 20]. Во-вторых, крайней узостью рынка образовательных услуг, ведь население области, территориально изолированной от основной части страны, не достигает и миллиона человек. В-третьих, неоднократными кардинальными изменениями структуры экономики [1; 3; 13; 18], за которыми не поспевают и система профессионального образования, и установки населения на получение той или иной профессии, и попытки прогнозирования потребности в кадрах.

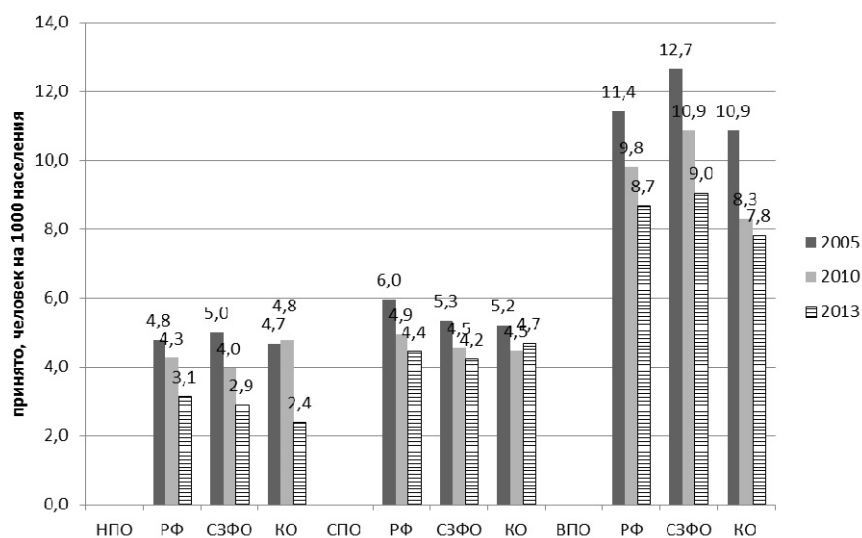

Рис. Динамика числа поступивших в расчете на 1000 жителей на программы начального профессионального образования (НПО), среднего (СПО) и высшего профессионального образования — бакалавриат, специалитет и магистратуру (ВПО), 2005—2013 гг.

Сокращения: РФ — Российская Федерация, СЭФО — Северо-Западный федеральный округ, КО — Калининградская область

Изменения отраслевого состава экономики области и их влияние на качество занятых и потребность в квалифицированных кадрах

Деиндустриализацией области и резким спадом производства в других отраслях реального сектора экономики характеризуются 1990-е гг. За 1990—1998 гг. численность занятых в отраслях производства товаров — промышленности, сельском и лесном хозяйстве, строительстве — снизилась почти вдвое, зато в сфере услуг увеличилось в полтора раза (табл. 1). Общая численность занятых в экономике сократилась (как отмечали эксперты, в значительной мере за счет перехода части работников в «серый» сектор) [8].

Таблица 1

Численность занятых в некоторых отраслях экономики Калининградской области, тыс. человек

Отрасль экономики	1990 г.	1998 г.	2013 г.
Всего занято в экономике	435	400	476
в том числе			
Промышленность	136	74	101
Сельское и лесное хозяйство	58	42	34
Строительство	33	27	40
Транспорт и связь	38	31	44
Другие	170	257	257

Соответственно, происходили изменения в численности и структуре занятых по отраслям экономики. В 1990 г. в промышленности было занято 31,1 % работающих, к 1999 г. эта доля сократилась до 17,7 % (табл. 2).

Таблица 2

**Удельный вес видов экономической деятельности (отраслей)
в среднегодовой численности занятых в экономике, процентов**

Виды экономической деятельности (отрасли)	Калининградская область			РФ, 2013 г.
	1990 г.	1999 г.	2013 г.	
<i>Всего</i>	100	100	100	100
Сельское хозяйство, охота и лесное хозяйство рыболовство, рыбоводство	14,6	10,2	8,0	9,8
Промышленность (Добыча полезных ископаемых, Обрабатывающие производства, Производство и распределение электроэнергии, газа и воды)	31,1	17,7	21,2	19,2
Строительство	7,5	6,7	8,4	8,4
<i>Итого производство товаров</i>	53,2	34,6	37,6	37,4
Торговля, Гостиницы и рестораны	9,6	21,0	19,2	20,1
Транспорт и связь	9,8	7,8	9,3	8,0
Финансовая деятельность	0,6	1,3	1,6	1,7
Жилищно-коммунальное хозяйство и бытовое обслуживание	4,5	6,0		
Операции с недвижимым имуществом, аренда и предоставление услуг			8,0	8,6
<i>Итого производство рыночных услуг</i>	24,5	36,1	38,1	38,4
<i>Производство нерыночных услуг</i>	22,3	29,3	24,3	24,2

В области действовало 200 промышленных предприятий (по состоянию на начало 2014 г. хозяйствующих субъектов в промышленности учтено 5600). Если средняя численность занятых на промышленном предприятии в 1990 г. составляла 650 человек, то на начало 2014 г. — 18. При этом большинство прежних предприятий прекратили или резко сократили свою деятельность. В целом по промышленности объем производства составил в 1998 г. 29% от уровня 1990 г., а в машиностроении — только 18%, в целлюлозно-бумажной промышленности — 22%, в промышленности стройматериалов — 11%, в легкой промышленности — 8%. В 5 раз сократился вылов рыбы и морепродуктов.

Прежние отрасли специализации промышленности — рыбная, машиностроительная, целлюлозно-бумажная — утратили свое ведущее значение (табл. 3).

Калининградский государственный технический университет, готовивший кадры для рыбопромышленного комплекса, оказался в сложнейшем положении, поскольку потребность в готовящихся им кадрах резко сократилась. Он начал подготовку кадров также для строительства и сельского хозяйства, поскольку после превращения области в эксклав труднее

стало получать специалистов из других регионов страны. Конечно, качество подготовки по этим направлениям не могло достичь того уровня, который был в подготовке кадров рыбопромышленного комплекса.

Таблица 3

**Изменение доли занятых в общей численности занятых
в промышленности по некоторым (развитым в 1989 г.)
промышленным производствам, %**

Производство (отрасль)	1989 г.	1995 г.	2012 г.
Рыбная	33,3	14,2	5,8
Другие пищевые производства	11,5	21,4	
Машиностроение	27,9	10,5	17,3
Целлюлозно-бумажная	7,1	18,9	0,5
Стройматериалов	2,6	2,3	0,3
Легкая	4,9	1,5	0,5
<i>Другие</i>	12,7	31,2	75,6
<i>Всего</i>	100	100	100

Параллельно с сокращением численности занятых в отраслях реального сектора происходило разукрупнение прежних государственных предприятий, превращавшихся в частные. Так, в сельском хозяйстве вместо прежних 180 колхозов и совхозов появилось почти 6 тысяч мелких фермерских хозяйств и 200 более крупных предприятий, но значительно уступавших по размерам прежним колхозам и совхозам. Они по финансовым причинам не могли содержать специалистов — агрономов, зоотехников, экономистов и др. Аналогичные процессы происходили и в других сферах. В результате профессиональный уровень занятых резко сократился. Уменьшилась и количественная потребность в специалистах высокой квалификации. В то же время росла численность занятых в отраслях, не требующих большого количества специалистов высокой квалификации. Доля в численности занятых торговли и общественного питания возросла с 9,6 до 21,0%.

Как ни странно, несмотря на то что рыночная экономика должна «саморегулироваться», резко возросла занятость в управлении — с 0,9 до 7,6% общей численности занятых. Ситуация в экономике области стала меняться к лучшему в 2000-х гг. Но в обрабатывающей промышленности стали развиваться сборочные производства, не требующие высокой квалификации работников.

Благодаря закону об ОЭЗ обрабатывающая промышленность области в 2000-х гг. получила быстрое развитие. Но она представлена в основном сборочными производствами с невысокой добавленной стоимостью (10—20%). Они используют беспошлинно ввозимое импортное сырье и полуфабрикаты с поставкой после небольшой доработки готовой продукции в другие регионы России. Структура промышленности области не требует значительного количества квалифицированных работников.

Если в РФ в 2014 г. неквалифицированные работники составляли 7%, а в СЗФО только 4%, то в Калининградской области — 9%. Доля высококвалифицированных работников составляла в 2014 г.: 30% в РФ, 31% в СЗФО и только 28% в Калининградской области.

В заявках области на привлечение иностранной рабочей силы состав работников лишь на 4% в 2012 г. и на 7% в 2015 г. представлен профессиями, требующими высшего или среднего специального образования. То есть подавляюще (93% в 2015 г.) преобладают рабочие профессии. При этом 42% приходится на строительные профессии: требуются бетонщики, каменщики, штукатуры, маляры, арматурщики, дорожные рабочие. Как правило, иностранные работники в строительстве имеют низкую квалификацию, что не способствует выполнению работ высокого качества.

Прогнозы профессиональной структуры занятости усложняются также в связи с большим удельным весом в экономике малого предпринимательства, прогнозирование которого особенно сложно. В области в 2013 г. насчитывается 224 малых предприятия в расчете на 10000 человек населения против 144 в РФ (это третье место после Санкт-Петербурга и Новосибирской области) [11]. На них было занято 90 тыс. работников (без внешних совместителей) — 19% общей численности занятых в экономике области. Кроме того, насчитывалось 18 тыс. индивидуальных предпринимателей [11].

Деиндустриализация области в 1990-е гг. и переход в 2000-е гг. к развитию производств, основанных на использовании механизма ОЭЗ, обусловила резкое снижение качества, что привело к созданию большого числа рабочих мест, не требующих высокой квалификации кадров. Инновационные процессы слабо затрагивают экономику Калининградской области. Это также снижает потребность в кадрах высокой квалификации.

За 2004—2014 гг. доля Калининградской области в РФ по количеству используемых передовых производственных технологий сократилась с 0,54% до 0,4% (при том, что доля области в населении страны составляет 0,7%). В расчете на 10 тыс. человек населения используется только 8 передовых технологий против 14 в РФ и 15 в СЗФО. Доля организации области в технологических инновациях составляет только 0,04 от общих затрат организаций в РФ. В 2013 г. в области выдано только 62 патента на изобретения — 0,3% и 17 патентов на полезные модели — 0,14% от РФ [11].

При корректировке стратегии социально-экономического развития области и обосновании ее неизбежной реструктуризации (из-за прекращения действия таможенных льгот Закона об ОЭЗ 1996 г. с 1 апреля 2016 г. и др.) необходимо предусмотреть резкое увеличение инновационности экономики, развитие инновационных отраслей и производств. Тем более что именно для этой цели придан статус федерального Балтийского федерального университета им. И. Канта. Да и развитие экономики области в ином направлении сейчас не имеет надлежащих предпосылок.

Изменения в количественном соотношении уровней профессиональной подготовки

Система профессионального образования области тоже претерпела большие структурные изменения (табл. 4).

В 1990/91 г. готовились прежде всего кадры рабочих: в общем выпуске учреждениями профессионального образования они составляли почти 60%. А специалистов со средним профессиональным образованием выпускалось в полтора раза больше, чем с высшим.

К 2013/14 г. общий выпуск учреждениями СПО остался примерно на прежнем уровне. Но две трети выпуска составляют специалисты с высшим образованием.

Таблица 4

Выпуск рабочих и специалистов учреждениями профессионального образования Калининградской области, тыс. человек

Уровни профессионального образования	1990/1991	1998/1999	2013/14
Высшее	1,7	2,0	7,4
Среднее	3,4	2,8	2,2
Начальное	7,3	5,0	2,3
<i>Всего</i>	12,4	9,8	11,9

Количественное несоответствие соотношения уровней подготовки кадров структуре занятых в экономике

Регион не должен и не может обеспечивать для себя кадры по всему спектру специальностей всех уровней образования и в то же время может и должен готовить кадры для других регионов (в чем заключается одна из миссий федерального университета; в настоящее время около 20% абитуриентов поступают в университет из других регионов страны — и многие из них, конечно, вернуться туда после окончания вуза). Задача определить, кого мы сами готовим, а кого привлекаем со стороны является одной из целей перспективных исследований в этом направлении.

Тем не менее основным источником пополнения кадров в экономике области стала их подготовка в учреждения профессионального образования области. Как же выглядит соотношение подготовки кадров и потребности в них в регионе?

В экономике Калининградской области занято 103 тыс. человек, не имеющих профессионального образования (21,5% общего количества занятых) (табл. 5). В основном это лица, занимающие рабочие профессии. Столь большое количество работников, не получивших подготовки в учреждениях профессионального образования, негативно влияет на организацию и производительность труда, уровень его механизации и автоматизации.

В свою очередь, доля выпуска лиц с высшим образованием вдвое выше, чем их число в структуре занятых. В данном случае избыточный

уровень образование может вызывать несоответствие между высокими запросами потенциального работника и недостаточным для этих запросов качеством рабочего места. В то же время доля подготовки кадров со средним профессиональным образованием почти вдвое ниже их доли в структуре занятых.

Таблица 5

**Соотношение уровней профессионального образования занятых
в экономике с выпуском рабочих
и специалистов учреждениями образования разного уровня, 2013 г.**

Уровень профессионального образования	Количество лиц с соответствующим уровнем профессионального образования		Выпуск рабочих и специалистов с соответствующим уровнем профессионального образования	
	Тыс. человек	В % к числу лиц с профессиональным образованием	Тыс. человек	В % к числу лиц с профессиональным образованием
Высшее	150,5*	31,4	7,4	63
Среднее	157,7	32,9	2,2	18
Начальное	68,0	14,2	2,3	19
Не имеют профессионального образования	103,0	21,5	—	—
Всего	479,2	100,0	11,9	100,0

* включая неполное высшее.

Анализ численности выпускников в разрезе укрупненных групп специальностей по каждому из уровней образования свидетельствует о преобладании обучающихся по экономическим, гуманитарным направлениям и специальностям сферы обслуживания. Согласно результатам обследования 2011 г. среди укрупненных направлений высшего образования области 42% студентов приходится на «экономику и управление», еще 18% — на гуманитарные науки. По данным направления подготовки кадров и профилям обучения в регионе наблюдается избыток специалистов, только по 4% — на «транспортные средства» и «строительство». Отраслевые диспропорции подготовки кадров способствуют усилению дисбаланса на региональном рынке труда.

Несоответствие профессиональной структуры подготовки кадров отраслевой структуре экономики заметно на примере строительства. Так, доля обучающихся в вузах по направлениям и специальностям ВПО строительного профиля в 2012/13 г. составила только 5,5% общего числа студентов, а доля занятых в строительстве — 8,4% [6].

Исследование, проведенное в феврале — марте 2015 г. Институтом природопользования, территориального развития и градостроительства БФУ им. И. Канта совместно с министерством строительства Калининградской области и Союзом строителей региона, показало, что только в

обследованных компаниях дополнительно требуется 135 инженерно-технических специалистов с высшим образованием, 24 специалиста со средним профессиональным образованием, 611 квалифицированных рабочих и служащих. Следовательно, только уровень СПО относительно обеспечен строительными кадрами, а подготовка на уровне НПО и ВПО недостаточна даже для удовлетворения текущих потребностей отрасли.

Нельзя сказать, что вузы области не стремятся увеличить подготовку кадров в соответствии с запросами региональной экономики. Ими осваиваются новые направления подготовки, увеличивается бюджетный набор на инженерные и технические специальности. Значительную роль в этом процессе сыграло придание БФУ им. И. Канта статуса федерального университета. Дополнительное финансирование из федерального бюджета позволило оснастить новейшим оборудованием лаборатории, необходимые для учебного процесса по многим новым для вуза направлениям, обеспечить необходимую переподготовку кадров, пригласить для научных исследований и преподавания профессоров из ведущих вузов страны [9]. Однако отсутствие регионального прогноза потребности в кадрах тех или иных уровней подготовки и профессий затрудняет определение конкретных специальностей и цифр подготовки обучающихся.

Структура подготовки квалифицированных рабочих и служащих, хотя и относительно соответствует отраслевой структуре экономики, но учреждениями НПО готовится кадров чрезвычайно мало, а объемы подготовки уменьшаются (табл. 6). Другие формы подготовки и переподготовки кадров не могут дать сравнимую с подготовкой в учреждениях НПО квалификацию.

Таблица 6

**Выпуск квалифицированных рабочих учреждениями НПО
Калининградской области, тыс. человек**

Показатель	2010 г.	2013 г.
Выпущено квалифицированных рабочих — <i>всего</i>	4,3	2,3
в том числе по профессиям:		
Промышленности	0,9	0,9
из них:		
Металлообработки	0,5	0,4
легкой	0,1	0,1
сельского хозяйства	0,3	0,1
строительных, монтажных и ремонтно-строительных работ	0,5	0,3
Транспорта	0,9	0,2
Связи	0,1	0,1
общественного питания, торговли и производства пищевой продукции	0,5	0,3
сферы обслуживания	0,3	0
общим для всех видов экономической деятельности	0,5	0,2
Другим	0,3	0,1

Во многом из-за несоответствия профессиональной структуры подготовки кадров и недостаточной их подготовки по ряду специальностей отраслевой структуре экономики возникает дефицит кадров, который в действительности во многом обусловлен не отсутствием трудовых ресурсов вообще, а несоответствием отраслевых структур экономики и подготовки кадров. При избытке подготовленных кадров в одних видах экономической деятельности их не хватает в других видах. В результате, например, дополнительная потребность организаций Калининградской области в кадрах, по данным Министерства социальной политики Калининградской области, в соответствии с заявленными в службах занятости вакансиями по состоянию на 1 января 2015 года составила 9556 человек, из них потребность в работниках для замещения рабочих профессий 7714 человек. Одновременно имеет место и общая, и зарегистрированная безработица.

По состоянию на 1 мая 2015 г. общая потребность намного уменьшилась — до 6 тыс. человек, но это связано с кризисными явлениями в экономике, так что вряд ли стоит рассматривать эту цифру как ориентир не только на удаленную, но и на среднюю перспективу.

Заключение

Сложность экономико-демографических проблем в Калининградской области обусловлена ее эксклавностью, неоднократными изменениями отраслевой структуры экономики, несоответствием между потребностью экономики в кадрах определенного профессионально-квалификационного состава и их подготовкой учреждениями профессионального образования. Сложившийся дисбаланс между уровневой и профессиональной структурой подготовки кадров ведет к деградации профессиональной структуры трудовых ресурсов региона и к стремлению многих работодателей решить свои кадровые проблемы в значительной мере за счет притока мигрантов из других регионов страны и ближнего зарубежья. Трудовая миграция, в которой преобладают работники невысокого уровня квалификации, не способствует росту производительности труда и повышению качества товаров и услуг.

Одним из главных факторов, определяющих возникшие в регионе экономико-демографические диспропорции, выступает пассивность бизнеса, слабо сотрудничающего с учреждениями профессионального образования и неспособного прогнозировать свою потребность в кадрах на перспективу. Вместе с тем следует признать, что крайне сложно как бизнесу, так и администрации области и ее муниципалитетов, даже с помощью ученых, делать не только долгосрочные, но даже среднесрочные и во многих случаях краткосрочные прогнозы в условиях эксклавной Калининградской области, сильно зависящей от внешних факторов.

Тем не менее трудно назвать другие способы оценить перспективный спрос в регионе на кадры определенного уровня и профессиональной подготовки, кроме сочетания прогноза направлений развития экономики и с помощью опроса работодателей. Немаловажное значение имеет умелое использование сочетания методов сценарного планиро-

вания, составления экономико-демографических балансов, социологических опросов и экспертных оценок, а также квалификация экспертов, оценивающих полученные результаты.

На момент написания статьи разрабатывается долгосрочный прогноз социально-экономического развития Калининградской области. Большинство экспертов сходится во мнении, что необходима коренная реструктуризация экономики, которая во многом основывается на льготах, предоставляемых законом «Об Особой экономической зоне в Калининградской области» 1996 г. В связи с прекращением действия в 2016 г. механизма, позволяющего развивать в области переработку импортного сырья с беспошлинной поставкой полученной продукции на российский рынок, многие предприятия обрабатывающей промышленности или прекратят свою деятельность, или изменят специализацию. Важно поддержать те хозяйствующие субъекты, которые способны создать устойчивую экономику региона — инновационную, опирающуюся на внутренние ресурсы региона, обеспечивающую его экономическую безопасность.

Равным образом многое зависит от гибкости системы профессионального образования, ее возможности готовить кадры, способные к повышению квалификации и переподготовке в соответствии с меняющимися потребностями экономики. Прежде всего нужно устранить сложившиеся к настоящему времени диспропорции подготовки кадров, не учитывающие запросы калининградской экономики, а также одновременно определить совершенствование системы профессионального образования в соответствии с наиболее вероятными направлениями экономического развития региона.

Для высшего образования важно не только увеличить количество готовящихся кадров инженерно-технического профиля, но и расширить их номенклатуру, повысить качество подготовки, обеспечить выпуск специалистов, способных развивать высокоэффективные инновационные производства, отвечающие задачам экономического развития страны в целом и Калининградской области в частности. Весьма перспективным направлением развития высшего образования стало внедрение прикладного бакалавриата, дающего выпускникам не только диплом бакалавра, но и рабочие специальности. Такие специальности уже дает своим выпускникам среднее профессиональное образование. Это позволит частично удовлетворить потребность в кадрах квалифицированных рабочих и служащих. Но одновременно должна увеличиться и их подготовка в специализированных учебных заведениях начального профессионального образования, принимающих на обучение выпускников как 11-го, так и 9-го класса.

Список литературы

1. *Гареев Т. Р., Жданов В. П., Федоров Г. М.* Новая экономика Калининградской области // Вопросы экономики. 2005. № 2. С. 23—39.
2. *Гареев Т. Р., Федоров Г. М.* Эволюция экономики Калининградской области // Космополис. 2005. № 13. С. 83—89.
3. *Гимбицкий К. К., Кузнецова А. Л., Федоров Г. М.* Развитие экономики Калининградской области: этапы реструктуризации // Балтийский регион. 2014. № 1 (19). С. 56—71.

4. *Итоги* обследования населения Калининградской области по проблемам занятости в 2013 году. 2014.
5. *Калининградская область в цифрах: 2003*. Калининград, 2003.
6. *Калининградская область в цифрах: 2014*. Калининград, 2014. Т. 1.
7. *Калининградская область в цифрах: 2014*. Калининград, 2014. Т. 2.
8. *Калининградская область: диагностика кризиса* / Калининград, 1998.
9. *Клемешев А. П., Гареев Т. Р.* Стратегические перспективы развития университета в эксклавном регионе России // Балтийский регион. 2010. № 3. С. 8—20.
10. *Образовательная геодемография России*. М., 2011.
11. *Регионы России. Социально-экономические показатели. 2014* : стат. сборник. М., 2014.
12. *Саградов А. А.* Экономическая демография : учеб. пособие. М., 2005.
13. *Стратегии развития Калининградской области*. Калининград, 2007.
14. *Струмилин С. Г.* Проблемы экономики труда: очерки и этюды. М., 1925.
15. *Труд и занятость в Калининградской области*. 2014.
16. *Федоров Г. М., Зверев Ю. М., Корнеевец В. С.* Россия на Балтике: 1990—2012 годы. Калининград, 2013.
17. *Янтарный остров России*. Калининград, 1994.
18. *Gareev T.* The Special Economic Zone in the Kaliningrad Region: Development Tool or Institutional Trap? // *Baltic Journal of Economics*. 2013. Vol. 13, N 2. P. 113—130.
19. *Fedorov G.* The concept of geo-demographic situation and geo-demographic typology of the subjects of the Russian Federation // *Bulletin of Geography. Socio-economic Series*. 2014. N 25. P. 101—114.
20. *Klemeshev A., Fedorov G.* From an isolated exclave — to a “development corridor”. Alternative development strategies of the Russian exclave on the Baltic Sea. Kaliningrad, 2005.

Об авторе

Клемешев Андрей Павлович, доктор политических наук, профессор, ректор, Балтийский федеральный университет им. И. Канта, Россия.
E-mail: AKlemeshev@kantiana.ru

IMPROVING HUMAN RESOURCE TRAINING POLICY FOR THE BALANCED ECONOMIC AND DEMOGRAPHIC DEVELOPMENT OF THE KALININGRAD REGION

A. Klemeshev*

**Immanuel Kant Baltic Federal University
14 A. Nevski St., Kaliningrad, 236041, Russia*

Submitted on May 15, 2015

Balanced economic and demographic development is vital for ensuring the dynamic and proportional development of the regions. However, Russia as a whole and the exclave region of Kaliningrad as its integral part demonstrate significant

disproportions between the need for human resources and their availability. This article aims to assess the balance between the components of the regional system of demography, education and economy system. It also explores the possible solutions to the problems revealed. The study relies on a modified concept of regional economic and demographic situation that supplements traditional analysis of the connection between the demographic characteristics of regional population and economy with the 'education' component. The author identifies disproportions in both quantity (lack/excess) and quality (level of training and occupational structure Vs. the needs of the region) of human resources. The number of specialists in the humanities trained at universities heavily outweighs that in engineering and technology. The number of skilled workers trained in the region is insufficient. Frequent changes in the economic specialisation complicate an accurate forecast of the need for human resources. The rectification of disproportions requires comprehensive interdisciplinary studies within the demography/education/economy system at all territorial and regional levels, which will make it possible to produce a reliable forecast for each element of the system.

Key words: human resources, professional education, economy, economic and demographic problems, exclave region, balanced development.

References

1. Gareev, T. R., Zhdanov, V. P., Fedorov, G. M. 2005, Novaja jekonomika Kaliningradskoj oblasti [The new economy of the Kaliningrad region], *Voprosy jekonomiki* [Problems of Economics], no. 2, p. 23—39.
2. Gareev, T. R., Fedorov, G. M. 2005, Jevoljucija jekonomiki Kaliningradskoj oblasti [The evolution of the economy of the Kaliningrad region], *Cosmopolis*, no. 3, p. 83—89.
3. Gimbitsky, K. K., Kuznetsova, A. L., Fedorov, G. M. 2014, The development of Kaliningrad regional economy: A new stage of restructuring, *Balt. Reg.*, no. 1, p.41—53. DOI: 10.5922/2079-8555-2014-1-4.
4. *Itogi obsledovanija naselenija Kaliningradskoj oblasti po problemam zanjatosti v 2013 godu* [The results of the survey of the population of the Kaliningrad region on employment in 2013], 2014, Kaliningrad.
5. *Kaliningradskaja oblast' v cifrah: 2003* [Kaliningrad Region in Figures: 2003], 2003, Kaliningrad, Kaliningradstat, 332 p.
6. *Kaliningradskaja oblast' v cifrah: 2014* [Kaliningrad Region in Figures: 2014], 2014, T. 1, Kaliningrad, Kaliningradstat, 150 p.
7. *Kaliningradskaja oblast' v cifrah: 2014* [Kaliningrad Region in Figures: 2014], 2014, T. 2, Kaliningrad, Kaliningradstat, 241 c.
8. Samson, I. (ed.), 1998, *Kaliningradskaja oblast': diagnostika krizisa* [Kaliningrad region: diagnosis of the crisis], Grenoble-Kaliningrad, 300 p.
9. Klemeshev, A. P., Gareev, T. R. 2010, Strategic development of a university in the Russian exclave, *Balt. Reg.*, no. 3, p. 5—14. DOI: 10.5922/2079-8555-2010-3-1.
10. Karpenko, M. P. (ed.), 2011, *Obrazovatel'naja geodemografija Rossii* [Educational geodemography Russia], Moscow, 224 p.
11. *Regiony Rossii. Social'no-jekonomicheskie pokazateli. 2014* [Regions of Russia. Socio-economic indicators. 2014], 2014, Статистический сборник, Moscow, Rosstat, 900 p.
12. Sagradov, A. A. 2005, *Jekonomicheskaja demografija* [Economic demography], Moscow, INFRA-M, 256 p.

13. Klemeshev, A. P., Mau, V. A. (eds.), 2007, *Strategii razvitija Kaliningradskoj oblasti* [Strategy for the Development of the Kaliningrad Region], Kaliningrad, 472 p.
14. Strumilin, S. G. 1925, Problemy jekonomiki truda: ocherki i jetjudy [Problems of labor economics: essays and etudes], *Voprosy truda* [Labor issues], Moscow, 225 p.
15. *Trud i zanjatost' v Kaliningradskoj oblasti* [Work and employment in the Kaliningrad region], 2014, Kaliningrad.
16. Fedorov, G. M., Zverev, Yu. M., Korneevets, V. S. 2013, *Rossija na Baltike: 1990—2012 gody* [Russia on the Baltic Sea: 1990—2012 years], Kaliningrad, 252 p.
17. *Jantarnyj ostrov Rossii* [Amber island of Russia], 1994, Kaliningrad, Oblstat, 324 pc.
18. Gareev, T. 2013, The Special Economic Zone in the Kaliningrad Region: Development Tool or Institutional Trap? *Baltic Journal of Economics*, Vol. 13, no. 2, p. 113—130.
19. Fedorov, G. 2014, The concept of geo-demographic situation and geo-demographic typology of the subjects of the Russian Federation, *Bulletin of Geography, Socio-economic Series*, no. 25, Toruń, Nicolaus Copernicus University Press, p. 101—114. DOI: <http://dx.doi.org/10.12775/BGSS.2014.032>.
20. Klemeshev, A., Fedorov, G. 2005, *From an isolated exclave — to a “development corridor”*. *Alternative development strategies of the Russian exclave on the Baltic Sea*, Kaliningrad, 194 p.

About the author

Prof Andrei Klemeshev, Rector, Immanuel Kant Baltic Federal University, Russia.
E-mail: AKlemeshev@kantiana.ru

УДК 37; 32.019.5; 323; 338.2

**ЭВОЛЮЦИЯ МОДЕЛЕЙ
МЕЖДУНАРОДНОГО
НАУЧНО-
ОБРАЗОВАТЕЛЬНОГО
СОТРУДНИЧЕСТВА
В КОНТЕКСТЕ
СОВРЕМЕННЫХ
ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКИХ
СТРАТЕГИЙ**

И. И. Жуковский*

Исследуются основные модели международного научно-образовательного сотрудничества в контексте динамики внешнеполитической деятельности государств. В поиске ответа на вопрос об этапах развития международного академического сотрудничества анализируются эволюции сопряженности внешней политики и инструментов содействия международному сотрудничеству в сфере образования и науки во имя повышения престижа и влияния государства в международных отношениях. Фиксируется внимание на «нелинейном» характере прохождения рубежных точек: в различных странах мы имеем дело с различными (нелинейными) временными циклами, что обусловлено уникальным культурно-историческим опытом государств и различным содержанием и форматом внешнеполитической деятельности. Используя метод сравнительного сопоставления, на основе материалов внешнеполитических концепций (в том числе и Российской Федерации) предлагается ответ на вопрос о роли университетов в создании механизмов взаимопонимания и кооперации в современном мире, все большее влияние на который имеют современные информационно-коммуникационные технологии.

Ключевые слова: международное научно-образовательное сотрудничество, внешнеполитические интересы, интернационализация образования и науки

Нет сомнений в том, что международное научно-образовательное сотрудничество абсолютно органично стало частью мира современных международных отношений и внешней политики, превратившись в инструмент реализации внешнеполитических задач, связанных как с расширением широко понимаемого научно-образовательного присутствия в ключевых регионах, так и с развитием экспорта об-

* Балтийский федеральный университет им. И. Канта
236041, Россия, Калининград,
ул. А. Невского, 14

Поступила в редакцию 19.05.2015 г.

doi: 10.5922/2074-9848-2015-3-2

© Жуковский И.И., 2015

разовательных услуг в зоны стратегических интересов [2, с. 68]. Как правило, солидные университеты, занимающие высокие позиции в международных рейтингах (как и система науки и образования в целом) — точно такой же атрибут и неотъемлемый признак успешного государства, как наличие привлекательного — как для внешних пользователей, так и для внутренних потребителей — культурного опыта и социального капитала.

Продвижение и закрепление на внешнеполитических рубежах всегда соседствовало с экспансией культурной, образовательной, деловой. Оставляя за скобками немаловажный вопрос соотношения интересов бизнес-игроков и внешнеполитической активности государства, автор сосредоточивает внимание на анализе опыта расширения научно-образовательного присутствия в отдельных регионах и государствах, исходя из актуальной внешнеполитической повестки дня игроков мировой политики. Очевидно, что государства, стремясь к максимизации своего влияния, аккумулируют разнообразные ресурсы, в том числе и ресурс научно-образовательного сотрудничества на приоритетных направлениях внешней политики. Важным вопросом исследования стал аспект совпадения интересов государства и иных структур, прямо либо косвенно поддерживающих внешнеполитические интересы, а в случае данного исследования автор имеет в виду наиболее престижные и влиятельные в международном академическом пространстве научно-образовательные центры (университеты, корпоративные институты, научные центры), которые заинтересованы в развитии и повышении своей академической репутации, в рекрутировании качественных внешних абитуриентов и внешнего персонала, в поиске новых технологий и интеллектуального ресурса [1; 3; 5; 9].

Украинский конфликт, как и современные значительные по масштабу события в иных горячих точках, придали импульс дискуссии о возвращении государственно центричной модели мировой политики: чаще стало встречаться суждение о том, что многие из пресловутых «новых игроков» с их «универсальными ценностями» проявились на самом деле вполне лояльными инструментами государства, а логика действий как международных неправительственных (и некоммерческих) организаций, так и транснациональных корпораций — строго подчиненной логике внешней политики «материнских государств». Схожие оценки звучат и в контексте оценки информационной политики глобальных (международных) медиа-ресурсов.

Без сомнения, участники международного научно-образовательного взаимодействия следуют внешнеполитической парадигме «материнского» государства и соформируют внешнеполитическую повестку дня в регионах своего присутствия. Соответственно, рациональной моделью поведения для государств является *обеспечение своего наибольшего* научно-образовательного присутствия в приоритетном с точки зрения внешней политики регионе, а для участников международного научно-образовательного сотрудничества — *максимально следовать* векторам внешней политики «материнского» государства. Этот тезис подтверждается анализом приоритетных направлений внешней политики как наиболее экономически развитых стран (G20) так и стран, стремящихся к закреплению на международной арене в качестве точки роста и притяжения глобального интеллектуального ресурса.

Международное сотрудничество в академической культуре стало нормой: эволюция от переписки и спорадических личных контактов ведущих профессоров исключительно в научных или образовательных целях до программ широкой кооперации и сетевого сотрудничества с общими ценностями и понимаемой миссией — вплоть до формирования международных университетов и глобальных открытых образовательных программ — заняла не так много времени по историческим меркам. Ретроспективно анализируя процесс развития международного научно-образовательного сотрудничества в его взаимосвязи с процессами мировой политики с XX в., автор отвечает на вопрос о рубежных событиях, символизирующих начало новых, обусловленных мировой политикой, периодов в развитии международного измерения науки и образования. Важным стал «нелинейный» характер прохождения рубежных точек: в различных странах мы имеем дело с различными (нелинейными) временными циклами, что обусловлено уникальным культурно-историческим опытом государств и различным содержанием и форматом внешнеполитической деятельности.

Первым этапом — («этапом институтов интернационализации»), — безусловно, стало появление специализированных национальных институтов развития мобильности и интернационализации, таких как Германская служба академических обменов (Deutscher Akademischer Austauschdienst, DAAD) восстановившая (прерванную Второй мировой войной) свою деятельность в 1950 г. Можно говорить о символическом старте новой эпохи стремительно ускоряющейся интернационализации и интеграции образования. Отметим в скобках, что проект ДААД родился в 1925 г. изначально как проект чисто академический, отвечавший на стремительный рост количества запросов на инструменты сотрудничества (к которым мы относим инструменты финансирования мобильности, инструменты финансирования совместных исследований) как внешних, так и внутристрановых участников научно-образовательного сотрудничества.

Опыт создания специализированных агентств развития международного научно-образовательного присутствия оказался весьма востребованным в государствах с совершенно различными моделями внешнеполитической активности: от практиков «глобальной ответственности» (США) до сосредоточенных на проблемах развития компактного субрегиона (Швеция); в систематизированном виде информация представлена в таблице 1.

Таблица 1

Некоторые агентства развития международного научно-образовательного сотрудничества

Название	Страна	Год основания	Профиль деятельности	Сайт
ДААД	ФРГ	1950 (1925)	Предоставление стипендий для иностранцев для образования или исследований в ФРГ, интернационализация вузов, поддержка германистики и немецкого языка, сотрудничество с развивающимися странами	www.daad.de

Название	Страна	Год основания	Профиль деятельности	Сайт
Кампус Франс	Франция	Egide — оператор мобильности — образована во Франции в 1960	Предоставление информации о том, как выбрать программу обучения, размещение каталога от бакалавриата до докторантуры, предоставление информации о стипендиях и грантах во Франции	www.campusfrance.org
Американские советы	США	1974	Проведение конкурсов для зарубежных школьников, студентов, аспирантов, преподавателей, ученых и специалистов на учебу, стажировку и участие в программах образовательного обмена в США	www.americancouncils.org
Национальный институт по международному образованию	Республика Корея	1962	Предоставление возможности получить образование корейцам, проживающим за границей, содействовать развитию международного академического сотрудничества, поддерживать иностранных студентов, обучающихся в Корее и т. д.	www.niied.go.kr
Шведский институт	Швеция	1945	Изучение культур и народов других стран, распространение информации о Швеции и шведской культуре	www.si.se
Британский совет	Великобритания	1948	Развитие образовательных возможностей и культурных связей, создание возможностей обучения за границей для молодых людей из Великобритании и зарубежных стран	www.britishcouncil.in

Опыт Deutscher Akademischer Austauschdienst, DAAD, Германской службы академических обменов — без сомнения, прекрасный пример, полезный в размышлениях о миссии международного научно-образовательного сотрудничества. Следуя за политическими решениями о максимальном расширении контактов с Францией, ДААД начинает осознавать себя как инструмент научно-образовательного и культурного присутствия Новой Германии в новом (послевоенном) мире. Более того, ориентируясь прежде всего на крупнейших игроков послевоенной европейской политики, с началом 60-х гг. прошлого века ДААД начинает играть роль катализатора внешнеполитических контактов и со странами, оказавшимися по другую сторону геополитического разлома: с 1958 г. ДААД открыла программы научного и образовательного обмена для Польской Народной Республики, Чехословакии, Венгрии.

С середины 70-х гг. начинается активная практика появления программ двойных дипломов университетов разных стран, предполагавшая

либо обучение в принимающем университете по согласованным двумя университетами программам, либо обучение челночного типа — частично в одном университете, частично в ином.

Следующий этап развития — («этап международных университетов») — это появление именно международных университетов, то есть располагающихся в принимающих юрисдикциях, но реализующих научную и образовательную деятельность не только по национальным, но и по внешним стандартам: либо стандартам «материнской страны», либо глобальным. Такие университеты (научно-образовательные центры) создавались в эпоху краха биполярной системы мировой политики прежде всего как важный результат внешнеполитических договоренностей, как следствие внешнеполитического процесса и реже как чисто коммерческие проекты: отметим, что большинство таких коммерческих проектов в новых образовательных юрисдикциях сосредоточивало свои усилия на бизнес-образовании (разнообразные модели бизнес-школ, остающиеся за скобками данного исследования).

В наиболее успешном виде этот формат реализован в виде так называемых «американских» и «немецких университетов», которые появлялись как элемент политического, культурного и символического закрепления на внешнеполитических рубежах. Немецкие университеты имеют либо финансирование напрямую по линии министерства иностранных дел (как, например, Университет Андраши в Будапеште), либо по линии пула доноров, в состав которых входят финансово-промышленные группы (или ассоциированные фонды), имеющие экономические интересы в данном регионе.

Сопоставляя внешнеполитическую активность ФРГ в указанных регионах и фокус грантовых, исследовательских, кооперационных программ по линии ДААД и иных фондов, можно зафиксировать достойную подражания четкую корреляцию расширения бизнес-интересов немецких финансово-промышленных групп, внешнеполитических действий МИД и международного научно-образовательного присутствия (табл. 2).

Таблица 2

**Присутствие некоторых немецких (международных) университетов
в регионах мира**

Название	Страна	Год основания	Профиль деятельности	Сайт
Немецкий университет в Каире (GUC)	Египет	2003	Практико-ориентированный подход обучения на английском языке, но на основе немецких учебных программ; программы в области машиностроения, прикладной науки и производственного менеджмента	www.guc.edu.eg

Продолжение табл. 2

Название	Страна	Год основания	Профиль деятельности	Сайт
Китайско-немецкий колледж высшего образования в Шанхае (CDHK)	Китай	1998	Электромашиностроение, механическая инженерия, предпринимательское и торговое право — двуязычные курсы (немецкий и китайский)	www.cdhk.tongji.edu.cn
Швейцарско-немецкий университет в Джакарте	Индонезия	2000	Машиностроение, науки о предпринимательстве, естественные науки, социальные науки, юриспруденция	www.sgu.ac.id
Немецко-иорданский университет	Иордания	2005	Машиностроение и науки о предпринимательстве, архитектурное дело, машиностроение, медицинские технологии и управление ресурсами — курсы на английском языке на основе учебных программ немецких университетов прикладных наук	www.gju.edu.jo
Казахстанско-немецкий университет в Алматы (DKU)	Казахстан	1999	Энерго- и экотехнологии, телеинформатика, транспортная логистика, менеджмент внешнеэкономической деятельности и регионоведение по Центральной Азии — курсы на русском и немецком языке на основе немецких учебных программ	www.dku.kz
Немецкий университет технологий в Маскате (GUTech)	Оман	2005	Геологические науки, прикладные информационные технологии, региональный менеджмент и туризм, городское планирование и архитектура / дизайн — курсы на английском языке	www.gutech.edu.om
Немецкий научно-технический институт — Технический университет Мюнхена Азия (GIST-TUM Asia)	Сингапур	2002	Программы по промышленной химии, проектирование ИС, микроэлектроника, авиа- и ракетостроение, транспорт и логистика, экологическая инженерия и вычислительная наука	www.gist.edu.sg

Название	Страна	Год основания	Профиль деятельности	Сайт
Немецкий университет имени Андраши Дьюла Будапешт (AUB)	Венгрия	2001	Международная экономика и предпринимательство, международные отношения, история Центральной Европы, исследования по Восточной Европе, международное корпоративное право в Центральной и Восточной Европе, международный и европейский менеджмент и программа докторантуры "Будущее Центральной Европы в ЕС"	www.andrassyuni.eu

Без сомнения, появление международных университетов учитывало опыт преодоления враждебности между французским и немецким обществами после двух мировых войн, который показал, что весьма эффективными средствами создания атмосферы добрососедства и взаимопонимания стали проекты интеграционного характера в сферах молодежных, культурных и академических обменов. И действительно, фокусом и точкой приложения наиболее значительных усилий стали именно университеты — понимая университетские (академические) корпорации как носителей коллективной памяти, как факторы консолидации национальной идеи, как структуры с самым большим потенциалом интеллектуального влияния на самые широкие слои обществ.

В то же время, рассматривая географию присутствия американских университетов в регионах мира (табл. 3) — а, точнее, географию запуска новых образовательных инициатив на руинах биполярного мира и в точках «замороженных» конфликтов, прослеживается четкая временная и внешнеполитическая корреляция символического закрепления рубежей и формирования новых центров влияния.

Таблица 3

Присутствие некоторых американских (международных) университетов в регионах мира

Название	Страна	Год основания	Профиль деятельности	Сайт
Американский университет Центральной Азии	Киргизия	1993	Гуманитарные науки	www.auca.kg/gu

Продолжение табл. 3

Название	Страна	Год основания	Профиль деятельности	Сайт
Американский Университет Гирне на Кипре	Кипр	1985	Инженерное дело, экономика и предпринимательство, архитектура, прикладные и гуманитарные науки	www.gau.edu.tr/en
Американский университет в Косово	Косово	2002	Информационные технологии, управление бизнесом; английский язык	www.aukonline.org/web
Американский университет в Бейруте	Ливан	1866	Сельское хозяйство; естественные науки; здравоохранение; архитектура	www.aub.edu.lb
Американский университет Нигерии	Нигерия	2005	Естественные науки; экономика, международная политика, финансы; информатика	www.americanuniversitynigeria.org
Американский университет Армении	Армения	1915	Управление бизнесом, организация промышленного производства, системное управление, информатика, политология, международные отношения, экономика, право и преподавание английского языка	aua.am
Англо-американский университет	Чехия	1990	Управление бизнесом, гуманитарные науки, социальные науки, журналистика, право	www.aauni.edu
Американский университет в Болгарии	Болгария	1991	Гуманитарные науки	www.aubg.bg
Американский университет Кувейта	Кувейт	2003	Управление бизнесом, экономика, информатика и математика; международные отношения; арабский и иностранные языки	www.auk.edu.kw
Американский университет в Боснии и Герцеговине	Босния и Герцеговина	2007	Финансы и экономика; информационные технологии	aubih.edu.ba/en
Американский университет в Дубае	Объединенные Арабские Эмираты	1995	Бизнес-управление, финансы, менеджмент; архитектура, информатика, жилищно-гражданское строительство	www.aud.edu
Американский университет Афганистана	Афганистан	2002	Бизнес управление, политология, коммуникации; информатика и информационные технологии	auaf.edu.af/about
Центральный Европейский университет	Венгрия	1991	Гуманитарные науки	www.ceu.edu/about

Название	Страна	Год основания	Профиль деятельности	Сайт
Американский университет Ирака	Ирак	2006	Гуманитарные науки, естественные науки, информатика, машиностроение	auis.edu.iq

Дискуссия о необходимости расширения российского научно-образовательного присутствия в мире активно идет последние несколько лет: важные аспекты обсуждения представлены на портале Российского совета по международным делам (www.russiancouncil.ru), ряд политических заявлений были сделаны как президентом страны [6], так и ответственными сотрудниками Министерства образования и науки РФ [10]. В целях интенсификации процесса выхода на глобальные научно-образовательные рынки вышло распоряжение Правительства РФ [7].

Отметим, что, несмотря на факт того, что элементы научно-технического и образовательного сотрудничества считались в российской традиции формирования переговорной повестки дня хорошим тоном, в отношении стран-членов СНГ долгое время основным компонентом такого сотрудничества стало сохранение и развитие научно-технической и образовательной кооперации в интересах оборонной промышленности и обороноспособности России в целом [11]. По причине отсутствия системного, долгосрочного решения по продвижению научно-образовательного сотрудничества путем создания сети международных университетов было принято альтернативное решение по содействию расширению сети филиалов российских государственных и негосударственных университетов прежде всего в странах СНГ. Для реализации указанной идеи было подписано «Соглашение о создании и функционировании филиалов высших учебных заведений в государствах-участниках Договора о Таможенном союзе и Едином экономическом пространстве» (подписанное 23 мая 2000 г.). Государствами-участниками данного Соглашения являются Республика Беларусь, Республика Казахстан, Киргизская Республика, Российская Федерация и Республика Таджикистан. Кроме того, по инициативе российской стороны было подписано «Соглашение о порядке создания и функционирования филиалов высших учебных заведений в государствах-участниках Содружества Независимых Государств» (подписанное 28 сентября 2001 г.). Соглашение вступило в силу в 2002 г. для Республики Армения, Республики Беларусь, Киргизской Республики, Республики Молдова, Российской Федерации и Республикой Таджикистан. Отдельное соглашение было подписано между Правительством Российской Федерации и Кабинетом Министров Украины о порядке создания и функционирования филиалов высших учебных заведений Российской Федерации на территории Украины и филиалов высших учебных заведений на территории Российской Федерации (3 марта 2003 г.).

Пик присутствия филиалов разнообразных российских государственных (19 филиалов) и негосударственных (18 филиалов) университетов пришелся на 2006 г. В то же время как формат получения образования, так и качество

работы подавляющего большинства указанных филиалов, не позволяют отнести эти образовательные инициативы к категории релевантных: общего с настоящими международными университетами, которые оказывают влияние на политический климат в двусторонних отношениях, имели немного. На 2014 г. число филиалов составило 26, а Российская Федерация получала неоднократные обращения от принимающих государств о низком качестве образовательных услуг в указанных филиалах [4].

Релевантными к рассматриваемой категории «международного университета» могут являться только существующие четыре российско-национальных (славянских) университета, идеология создания которых предусматривает создание российского международного университета, самостоятельно работающего в принимающей юрисдикции. Очевидно, что география присутствия российско-национальных (славянских) университетов имеет четкую корреляцию с российским внешнеполитическим присутствием, обеспечивая поддержку интересов двустороннего сотрудничества и формируя практическое пространство для разнообразных научно-образовательных инициатив. Университет является межгосударственным образовательным учреждением совместного ведения Российской Федерации и принимающей страны, реализуя свою миссию как центра российского образования, науки и культуры.

В то же время неконкурентоспособность российского образования в глобальном контексте и отсутствие вменяемой политики сопряжения ресурсов международного научно-образовательного сотрудничества с внешнеполитическими интересами прекрасно демонстрируется географией присутствия российских университетов (табл. 4), работающих в зарубежных юрисдикциях (филиалы российских университетов, массово работавших в странах СНГ, выведены автором из контекста рассмотрения по причине нерелевантности).

Таблица 4

**Присутствие российских (международных) университетов
в регионах мира**

Название	Страна	Год основания	Профиль деятельности	Сайт
Российско-армянский (славянский) университет	Армения	1997	Гуманитарные науки, медиатехнологии, право, математическое моделирование	www.gau.am
Российско-Таджикский (Славянский) Университет	Таджикистан	1996	Право, гуманитарные науки, экономика	www.rt.ehost.tj
Кыргызско-Российский Славянский университет им. Б. Н. Ельцина	Киргизстан	1993	Медицина, гуманитарные науки, архитектура	www.krsu.edu.kg
Белорусско-Российский университет	Беларусь	2001	Инженерно-технические специальности, машиностроение	www.bru.by

Попыткой заполнить вакуум стала инициатива «Сетевого открытого университета СНГ», по сути, являющаяся аналогом программы «Эразмус Мундус» в рамках единого (общего) образовательного пространства государств-участников СНГ при лидирующей роли российских университетов. Основная цель этого проекта декларировалась в повышении качества и привлекательности высшего образования, укреплении сотрудничества и межвузовских связей в сфере высшего образования на территории государств-участников СНГ. Но в силу причин различного характера этот проект не заработал, оставшись декларативным инструментом интеграции академических сообществ СНГ.

Похожая судьба и у проекта Университета Шанхайской организации сотрудничества (ШОС), замысел которого заключался в функционировании в виде сети уже существующих университетов в государствах-членах ШОС, а также странах-наблюдателях (Монголия, Индия, Иран, Пакистан). Однако по причине отсутствия нормативной базы несовпадения образовательных стандартов, непрозрачной схеме финансирования проект «Университет ШОС» остался на уровне первоначальной проработки.

Современный этап развития практик международного научно-образовательного («этап МООС») присутствия обусловлен стремительно развивающимися информационно-коммуникационными технологиями, меняющимися формами современного образования, создающими новые ресурсы международной кооперации и формирующие новые практики поведения как производителей научно-образовательных продуктов, так и их потребителей. Вместе с современным обликом транснациональных корпораций и глобальных информационных проектов, давно перешагнувших границы суверенных государств и уже сегодня вступающих в постиндустриальный мир, можно говорить о «новой сетевой реальности», приближающей новый «конец истории», который будет зафиксирован в момент обеспечения глобального доступа в Интернет.

Технически возможности современной телекоммуникации позволяют обеспечить глобальное покрытие уже сегодня; соответственно, вопрос лишь в сроке и финансовом ресурсе, необходимом для достижения указанной цели.

Политически манифест новой сетевой реальности уже представлен: Марк Цукерберг (основатель и основной бенефициар социальной сети «Фейсбук») опубликовал программную статью «Является ли доступ в Интернет базовым правом человека?» [12], в которой представил создание глобальной сети как основу новой экономики знания. О политических следствиях в этом тексте напрямую речь не идет, но очевиден контекст постановки вопроса, в котором контур глобальной ответственности перемещается из суверенитета национального в суверенитет цифровой.

Марк Цукерберг: «Еда, лекарства и доступ в Интернет должны быть у каждого человека, и корпорация Фэйсбук работает над глобальным проектом *Internet.org*, в разработке которого задействованы лидеры в области технологий, некоммерческие организации и местные сообще-

ства» [12]. Декларируемая цель *Internet.org* — сделать Интернет доступным для двух третей населения нашей планеты, у которых пока нет доступа во всемирную сеть. Разработчики, мобильные операторы и производители оборудования будут совместно работать над внедрением бизнес-моделей, позволяющих обеспечить разнообразные способы выхода пользователей в сеть. Понимая экономические факторы как решающие ограничения на возможность глобального доступа, ряд корпораций запускает особые сервисы, не требующие оплаты за трафик: к примеру, упомянутый Марк Цукерберг инициировал проект «Фэйсбук Ноль», запущенный в 2010 г., представляет бесплатный доступ к облегченной (текстовой) версии сайта. Количество пользователей Фейсбук в Африке удвоилось за полтора года работы проекта. Подобные проекты реализуются и сервисами, предоставляющими справочную информацию, в том числе и безусловный лидер рынка открытой справочной информации — Википедия.

Естественно, что вместе с новыми инструментами коммуникации появились новые лидеры мнений и социальные структуры, новые формы и возможности социальной и политической активности. Организующая роль социальных сетей в череде арабских революций уже является предметом особого внимания со стороны российских [13] и зарубежных исследователей [14].

Глобальные коммуникационные возможности предопределили появление и глобальных образовательных возможностей типа массовых онлайн-курсов (МООС), в которые трансформировались практики использования различных методов дистанционного образования, развивавшиеся параллельно эволюции технических решений в области телекоммуникаций.

Показательным в этой связи выглядит появление амбициозной образовательной инициативы консорциума американских университетов, условно называемой «Университет для миллиарда», которая предполагает возможность получения онлайн-образования любому пользователю, вне зависимости от его гражданства, текущего места проживания и т. д. — что, по некоторым оценкам, станет угрозой для суверенной системы национального образования, позволяя проводить массовое выявление талантливых учеников в глобальном измерении.

В то же время ресурс доступа к массовым онлайн-курсам уже используется в политических процессах контроля и управления глобальной лояльностью: некоторые правила экспортного контроля США запрещают американским компаниям, таким как крупнейший провайдер онлайн-образования Курсера (Coursera), предоставление услуг пользователям в странах, на которые США наложили санкции, включая Кубу, Иран, Судан и Сирию. В соответствии с регламентом некоторые из предложений *Coursera* считаются услугами, поэтому ограничены к использованию (предоставлению) в вышеуказанных странах.

Международная онлайн-образовательная платформа *edX* (на начало 2015 г. было зарегистрировано 456 курсов на английском языке) 30 декабря 2014 г. закрыла регистрацию на свои курсы для пользователей из

Крыма (отметим, что это произошло параллельно с блокировкой доступа в онлайн-магазин приложений AppStore, прекращением поддержки платежных систем Visa, MasterCard и PayPal).

Таким образом, именно на этапе глобального охвата возможностями доступа к образовательным ресурсам происходит максимализация концепции использования ресурсов образования в интересах поддержки внешнеполитической деятельности государств: от точечного присутствия и адресной кооперации происходит кардинальный сдвиг в сторону управления глобальной лояльностью через процесс предоставления доступа к знаниям и возможностям.

В то же время потенциал международного научно-образовательного сотрудничества по своей природе носит кооперационный характер. Другими словами, именно в условиях кризиса международной системы доверия приходит время университетов: именно университеты и представители академических корпораций должны себя проявить как создатели нового качества в международном сотрудничестве, формируя позитивную повестку дня, сближая — а не разобщая — народы, давая надежду на пресловутый «мир во всем мире».

Список литературы

1. Барсукова А. В., Жуковский И. И. Международная деятельность университетов (на примере Европы) // Вестник МГИМО-Университета. 2013. № 1 (28).
2. Жуковский И. И. Университет в сетевых связях современного мира // Там же. № 2 (29).
3. Лебедева М. М., Фор Ж. Высшее образование как потенциал «мягкой силы» России // Там же. 2009. № 6. С. 200—205.
4. Ливанов Д. В. Филиалы вузов РФ, дающие некачественное образование, закроют // РИА-Новости. 16.07.2014. URL: <http://ria.ru/abitura/20140716/1016172695.html> (дата обращения 05.10.2014).
5. Панова Е. П. Высшее образование как потенциал «мягкой власти» государства // Вестник МГИМО-Университета. 2011. № 2 (15). С. 157—161.
6. Путин В. Россия и меняющийся мир // Российская газета. 27.02.12
7. Об утверждении плана мероприятий по развитию и повышению конкурентоспособности ведущих университетов России среди мировых научно-образовательных центров : Распоряжение Правительства РФ от 29 октября 2012 г. № 2006-р. Доступ из справ. правовой системы «Гарант».
8. Соглашение о создании и функционировании филиалов высших учебных заведений в государствах-участниках Договора о Таможенном союзе и Едином экономическом пространстве // Международные соглашения о сотрудничестве в сфере образования. М., 2009.
9. Торкунов А. В. Образование как инструмент «мягкой силы» во внешней политике России // Вестник МГИМО-Университета. 2012. № 4(25).
10. Федюкин И. И. Выступление на открытии Балтийского образовательного форума URL: http://www.strf.ru/material.aspx?CatalogId=221&d_no=49692 (дата обращения 05.10.2014).
11. Фельдман Д. М. Политическое взаимодействие элит стран СНГ // Полис. Политические исследования. 2005. № 4. С. 89—98.
12. Цукерберг М. Является ли доступ в Интернет базовым правом человека? Режим доступа: <https://www.facebook.com/isconnectivityahumanright> (дата обращения 05.10.2014).

13. Шшикина А. Интернет-цензура и «арабская весна» // Неприкосновенный запас. 2014. № 93.

14. *Opening Closed Regimes. What Was the Role of Social Media During the Arab Spring?* // The Project on Information Technology and Political Islam (www.pITPI.org) at the University of Washington. Working Paper 2011.1

Об авторе

Жуковский Игорь Игоревич, кандидат политических наук, доцент, проректор по международному сотрудничеству и общественным связям, Балтийский федеральный университет имени им. И. Канта, Россия.
E-mail: izhukovskii@kantiana.ru

EVOLUTION OF INTERNATIONAL RESEARCH COOPERATION MODELS IN THE CONTEMPORARY FOREIGN POLICY ENVIRONMENT

I. Zhukovsky *

* *Immanuel Kant Baltic Federal University*
14 A. Nevski St., Kaliningrad, 236041, Russia

Submitted on May 19, 2015

This article focuses on the principle models of international research and academic cooperation. The author divides international academic cooperation into periods and analyses the evolution of the connection between foreign policy and international cooperation in education and research aimed at raising the prestige and improving the position of a state in the international arena. The author focuses on the non-linear nature of periods stemming from the fact that different states are characterized by different (non-linear) time cycles resulting from the differences in cultural and historical backgrounds and dissimilar foreign policy contents and formats. Through comparing a variety of foreign policy approaches (including that of the Russian Federation), the author answers the question about the contribution of universities to the development of mechanisms of cooperation and mutual understanding in the modern world — a world increasingly influenced by information and communication technologies.

Key words: international academic and research cooperation, foreign policy, internationalization of education and research.

References

1. Barsukova, A. V., Zhukovsky, I. I. 2013, *Mezhdunarodnaja dejatel'nost' universitetov (na primere Evropy)* [The international activity of universities (for example Europe)], *Vestnik MGIMO University*, no. 1.

2. Zhukovsky, I. I. 2013, Universitet v setevyh svyazjah sovremennogo mira [University in the networking of the modern world], *Vestnik MGIMO University*, no. 2.
3. Lebedeva, M. M., For, Zh. 2009, *Vysshee obrazovanie kak potencial «mjagkoj sily» Rossii* [Higher education as a potential "soft power" of Russia], *Vestnik MGIMO University*, no. 6, p. 200–205.
4. Livanov, D. V. 2014, Filialy vuzov RF, dajushhie nekachestvennoe obrazovanie, zakrojut [Branches of Russian universities that provide poor quality education, will close], *RIA-Novosti*, 16 July 2014, available at: <http://ria.ru/abitura/20140716/1016172695.html> (accessed 17.03.2015).
5. Panova, E. P. 2011, *Vysshee obrazovanie kak potencial "mjagkoj vlasti" gosudarstva* [Higher education as a potential "soft power" of the state], *Vestnik MGIMO University*, no. 2, p. 157–161.
6. Putin, V. 2012, *Rossija i menjajushhij mir* [Russia and the Changing World], *Rossijskaja gazeta* [Russian newspaper], February 27, 2012
7. *Rasporjazhenie Pravitel'stva RF ot 29 oktjabrja 2012 g. №2006-r «Ob utverzhdenii plana meroprijatij po razvitiju i povysheniju konkurentosposobnosti vedushhih universitetov Rossii sredi mirovyh nauchno-obrazovatel'nyh centrov»* [Order of the Government of the Russian Federation on October 29, 2012 №2006-p "On approval of the action plan for the development and competitiveness of the leading universities of Russia among the world's scientific and educational centers"], 2012.
8. *Soglasenie o sozdanii i funkcionirovanii filialov vysshih uchebnyh zavedenij v gosudarstvah-uchastnikah Dogovora o Tamozhennom sojuze i Edinom jekonomichestvom prostranstve* [Agreement on the establishment and operation of branches of higher education institutions in the member states of the Treaty on the Customs Union and the Common Economic Space], 2009. In: *Mezhdunarodnye soglasenija o sotrudnichestve v sfere obrazovanija* [International agreements on cooperation in the sphere of education], Moscow, The Ministry of Education and Science of the Russian Federation.
9. Torkunov, A. V. *Obrazovanie kak instrument «mjagkoj sily» vo vneshnej politike Rossii* [Education as an instrument of "soft power" in Russian foreign policy], 2012, *Vestnik MGIMO University*, no. 4.
10. Fedyukin, I. I. 2012, *Vystuplenie na otkrytii Baltijskogo obrazovatel'nogo foruma* [Speech at the opening of the Baltic Education Forum], *Nauka i tehnologii Rossii* [Science & Technology of Russia], available at: http://www.strf.ru/material.aspx?CatalogId=221&d_no=49692 (accessed 17.03.2015).
11. Feldman, D. M. 2005, *Politicheskoe vzaimodejstvie elit stran SNG* [The political elites of the interaction of the CIS countries], *Polis*, no.4, p. 89-98.
12. Zuckerberg, M. *Javljaetsja li dostup v Internet bazovym pravom cheloveka?* [Is Internet access a basic human right?], available at: <https://www.facebook.com/isconnectivityahumanright> (accessed 17.03.2015).
13. Shishkina, A. 2014, *Internet-cenzura i «arabskaja vesna»* [Internet censorship and the "Arab Spring"], *Neprikosnovennyj zapas* [Emergency ration], Vol. 93, no. 1.
14. *Opening Closed Regimes. What Was the Role of Social Media During the Arab Spring?*, 2011, *Working Paper*, The Project on Information Technology and Political Islam, University of Washington, no. 1.

About the author

Dr Igor Zhukovsky, Associate Professor, Vice-rector for International and Public Relations, Immanuel Kant Baltic Federal University, Russia.

E-mail: izhukovskii@kantiana.ru

ЭКОНОМИКО-ГЕОГРАФИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ РАЗВИТИЯ РЕГИОНОВ СЗФО

УДК 913

ЭФФЕКТ СЖАТИЯ СОЦИАЛЬНО- ЭКОНОМИЧЕСКОГО ПРОСТРАНСТВА В УСЛОВИЯХ ПРИГРАНИЧЬЯ (НА ПРИМЕРЕ СЗФО)

*Е.А. Романова**
*О.Л. Виноградова**
*И.В. Фризина**

* Балтийский федеральный университет
им. И. Канта
236041, Россия, Калининград,
ул. А. Невского, 14

Поступила в редакцию 15.04.2015 г.

doi: 10.5922/2074-9848-2015-3-3

© Романова Е.А., Виноградова О.Л.,
Фризина И.В., 2015

Явление сжатия социально-экономического пространства широко обсуждается на протяжении последних десятилетий в двух аспектах: коммуникативном сжатии, связанном с развитием средств транспорта и информационных систем, и физическом, — которое выражается в сокращении активно осваиваемого пространства. Оба эти процесса взаимосвязаны и имеют различное пространственное выражение в зависимости от конкретных географических условий, экономических и природных, а также исторических и политических особенностей региона. Для установления закономерностей коммуникативного и физического сжатия пространств использовались сравнительно-картографический, статистический и исторический методы исследования, построены схемы, отражающие пространственную дифференциацию социально-экономических характеристик отдельных областей СЗФО. В качестве объекта исследования выбраны приграничные территории, где были изучены основные проявления эффекта сжатия: транспортной связности, уровня развития сельского хозяйства и депопуляции. Все показатели, отражающие процесс сжатия пространства, рассматривались для субъектов в муниципальном разрезе. Определены основные особенности проявления сжатия социально-экономического пространства для приграничных регионов СЗФО.

Ключевые слова: сжатие социально-экономического пространства, коммуникативная связность, хозяйственное освоение территории, депопуляция

Европейская часть России на протяжении последней четверти века испытывает устойчивую депопуляцию сельской местности; население и экономическая активность концентрируются в административных центрах и в их пригородных районах. Об этом неоднократно писали российские исследователи, отмечая пространственную неоднородность системы «центр — периферия» [3; 4; 8; 15; 22]. Наблюдаемый в Нечерноземье процесс поляризации стал одновременно и процессом физического сжатия социально-экономического пространства: экономическая активность концентрируется в отдельных узлах, очагах развития, что во многих случаях приводит к «опустыниванию» межузловых пространств [21]. Изучение ландшафтной среды территории эксклавной Калининградской области, а также систем расселения и землепользования региона, проводимые нами и нашими коллегами из БФУ им. И. Канта в течение последних двадцати лет, показали, что территория компактной и приграничной области гораздо в меньшей степени поляризована, чем центральные области Нечерноземья России. Это позволило сделать предположение, что в условиях приграничья пространство деформируется иным образом, так как к общим факторам, влияющим на степень освоенности территории, добавляется «эффект границы». Объектом исследования был выбран Северо-Западный федеральный округ, так как из 11 субъектов Федерации в нем 8 являются приграничными, причем сухопутные (включая внутриводные — речные и озерные) границы имеют 5 из них.

Цель данной работы — определить, как действует эффект сжатия социально-экономического пространства в приграничных районах СЗФО.

Две трактовки понятия «сжатие пространства» и особенности их применения на изучаемой территории

Термин «сжатие социально-экономического пространства» был введен Д. Харвеем в 1990 г. [31], с тех пор это явление широко обсуждается зарубежными и российскими географами-обществоведами, социологами и экономистами [4—6; 11; 13; 28; 30; 32; 33]. Две основные современные трактовки этого понятия были детально рассмотрены А. И. Трейвишем, Л. А. Безруковым и их коллегами в 2010 г. на конференции в Мышкине, а также в электронном журнале «Демоскоп» [3; 8; 15; 16; 19; 21—23; 27]: это коммуникативное сжатие пространства (за счет сокращения времени в пути при использовании транспорта и благодаря развитию информационных технологий) и физическое сжатие, связанное с сокращением площади активно освоенных земель.

Коммуникативное сжатие пространства — нарастание внутренней связности Ойкумены, что в первую очередь выражается в сокращении временных затрат на передвижение людей и грузов. Об эффекте «конца расстояний» на Западе стали говорить уже во второй половине XX в. [29; 34; 35]. Действительно, благодаря совершенст-

вованию средств транспорта скорости перемещений пассажиров и грузов в XX в. непрерывно росли, а транспортные затраты уменьшались [16; 19; 34—36]. Развитие средств связи (прежде всего мобильной телефонии), а также информационных систем (электронная почта, Интернет) привело к увеличению информационной связности стран и континентов, что также способствовало коммуникативному сжатию пространства. Однако говорить о глобальном масштабе этого процесса даже в XXI в. не следует: в мире существуют огромные пространства, население которых до сих пор не имеет доступа к современным транспортным и информационным системам, и большие территории в составе России не исключение.

Вторая трактовка сжатия пространства России впервые была выдвинута в 1990-е гг. Ю. Л. Пивоваровым, но тогда применялась для исследования отставания в развитии азиатской части России [17; 18]. В последнее десятилетие о физическом сжатии — сокращении освоенных земель — говорят уже применительно к европейской части страны [4; 12; 14; 20].

Оба эти явления, несмотря на кажущуюся разнородность, тесно взаимосвязаны. Уменьшение экономической активности на староосвоенных территориях часто приводит к разрушению инфраструктуры, и, следовательно, коммуникативного сжатия пространства уже не наблюдается.

В настоящем исследовании мы будем придерживаться трактовки физического сжатия социально-экономического пространства приграничных районов СЗФО как сокращения площади ареалов освоенных земель, то есть используемых в хозяйственной, рекреационной и другой человеческой деятельности. Физическое сжатие экономического пространства выражается прежде всего в сокращении ареалов площадных видов природопользования, в первую очередь — сельского и лесного хозяйства, а также в депопуляции сельской местности. Противоположный этому процесс мы назвали «расширением» пространства — когда площади ареалов увеличиваются вплоть до их смыкания.

Следующим аспектом нашего исследования стало изучение степени «освоенности» внутри ареалов. Увеличение плотности населения внутри ареалов и, соответственно, степени нагрузки на ландшафт зависит от нескольких условий, например от направления миграционных потоков. Если население «перераспределяется» внутри региона, тогда в притягательных ареалах увеличивается концентрация населения и разных видов деятельности. Если усиливается миграция за пределы региона, то концентрации населения и хозяйственной активности внутри оставшихся ареалов может и не произойти. В этом случае также усиливается анизотропия пространства и его поляризация.

Вторую трактовку сжатия пространства — понятие «коммуникативного сжатия пространства» — применительно к изучаемым территориям предлагаем заменить понятием «коммуникативной проницае-

мости». Если между транспортными коридорами пространство недостаточно освоено, по Б. Б. Родману [20; 21], усиливается его анизотропия, то есть оно становится малопроницаемым. Если пространство относительно равномерно освоено, обладает хорошей инфраструктурой, оно становится коммуникативно проницаемым. Коммуникативная проницаемость хорошо выражается пространственно: в транспортной доступности, в площади территории, удаленной от дорог с твердым покрытием более чем на 5 км, в площади покрытия мобильной связью и доступа в Интернет.

**Физическое сжатие пространства —
сокращение ареалов освоенных земель
(пространственные аспекты землепользования)**

Учитывая большую протяженность западного приграничья России, определяющую природное разнообразие изучаемых территорий, выявим регионы, в наибольшей степени похожие, то есть сравнимые между собой. Фокусной территорией в нашем исследовании была выбрана Калининградская область, единственная в РФ, являющаяся эксклавной, где из 22 муниципальных образований только 4 не приграничные. Очевидно, что по природным особенностям ее нельзя сравнивать с северными территориями — Мурманской областью и Республикой Карелия. Кроме того, доля земель сельскохозяйственного назначения в Мурманской области составляет всего 19,8% от общей площади (без внутренних водных объектов), в Карелии — 1,4%, в Ленинградской области — 23,3%, более 40% земель сельхозназначения имеют только Псковская и Калининградская области (соответственно, 43,2 и 60,5%), причем доля сельхозугодий в этих землях только в Калининградской области превышает 90% (остальное — застройка, дороги, лесополосы и пр.), а в Мурманской и Ленинградской областях составляет только 37,9% [46]. По экономико-географическим характеристикам с другими несравнима также Ленинградская область: так, она не только приграничная, но и пригородная для крупнейшего города северо-запада страны Санкт-Петербурга. Поэтому из пяти субъектов Федерации для дальнейшего изучения явления нами были выбраны Псковская и Калининградская области. Для выявления эффекта «приграничья» мы рассмотрели соседнюю к Псковской, но не приграничную Новгородскую область.

Далее наше исследование было сосредоточено на изучении ситуации в сельском хозяйстве, так как товарное лесное хозяйство в Калининградской области отсутствует, учитывая ее небольшую лесистость, в то время как в Псковской и Новгородской областях лесное хозяйство наряду с лесной промышленностью продолжают развиваться. Среди отраслей сельского хозяйства наиболее показательным в пространственном выражении является растениеводство, поскольку животноводство (особенно молочное и свиноводство) часто имеет точечное разме-

щение, а показатели кормопроизводства отражаются в общих показателях растениеводства.

В целом агроклиматические условия этих областей сходны. Различия Калининградской, Новгородской и Псковской области проявляются в продолжительности вегетационного периода (выше в Калининградской области), сумма же активных температур практически равна (2200—2400 °С). Высота и устойчивость снежного покрова выше в Псковской и Новгородской областях, что благоприятно сказывается на озимых культурах [6]. Коэффициент увлажнения для всех трех областей колеблется в пределах 1,3—1,5, что обуславливает переувлажнение почв. Агрохимические характеристики зональных дерново-подзолистых почв сопоставимы. Дерново-подзолистые почвы в Новгородской области занимают примерно 69% территории, в Псковской — 73%, в Калининградской же — около 50%, а бурые лесные, близкие по агрономическим свойствам, — 20,4% [2]. Максимальные площади во всех областях занимают пшеница яровая и озимая, овес и ячмень яровой, то есть зерновые культуры, чья урожайность напрямую зависят от уровня агротехники. Таким образом, на степень развития растениеводства и дифференциацию этого показателя по районам, видимо, в большей степени влияют социально-экономические условия данных территорий, чем их природные особенности.

Наиболее ярко эффект сжатия экономического пространства в сельском хозяйстве проявляется в двух характеристиках — доле посевных площадей (обратная характеристика — доля залежей) и в урожайности сельскохозяйственных культур (определяет степень интенсивности растениеводства). По мнению ряда исследователей, сильно выражена тенденция увеличения площади заброшенных сельхозугодий и снижения урожайности (особенно в северных районах интенсивного земледелия) по мере удаления от областного центра [9].

В Калининградской области доля посевных площадей от общей площади сельскохозяйственных угодий в 2013 г. составляла в среднем 23,4%. По районам этот показатель колебался в широких пределах — от 11,2% в Гвардейском районе (пригородном) до 52,0% в Нестеровском, одном из наиболее отдаленных от областного центра [42]. В пределах Калининградской области доля посевных земель различается по районам в 4,5 раза. В Псковской области вовлеченность сельскохозяйственных земель в оборот в среднем составляет 19,2%, варьируется в пределах от 61,0% в Палкинском и 61,4% в Псковском районах (пригородные районы) до 5,0% в Куньинском и 5,6% в Пустошкинском районах [41] (рис.1). В целом по районам области этот показатель различается в 12,5 раз. Распределение пахотных земель по районам Новгородской области еще контрастнее — разница в доле посевных в наиболее передовом (62,6%) и депрессивных районах (5 и 3,8% соответственно) достигает 20 раз. Таким образом, явной пространственной дифференциации районов Калининградской области по степени вовлеченности земель в сельхозоборот не прослеживается. Для Псковской же и Новгородской областей проявляются различия по данному показателю в системе «центр-периферия».

Рис. 1. Доля посевных площадей от общей площади сельхозугодий Псковской области, %
 Районы: 1 — Бежаницкий, 2 — Великолукский, 3 — Гдовский, 4 — Дедовичский, 5 — Дновский, 6 — Красногородский, 7 — Куньинский, 8 — Локнянский, 9 — Невельский, 10 — Новоржевский, 11 — Новоскольничский, 12 — Опочечский, 13 — Островский, 14 — Палкинский, 15 — Печорский, 16 — Плюсский, 17 — Порховский, 18 — Псковский, 19 — Пустошкинский, 20 — Пушкиногорский, 21 — Пыталовский, 22 — Себежский, 23 — Струго-Красненский, 24 — Усвятский

Физическое сжатие пространства — уменьшение интенсивности освоения земель

Урожайность зерновых культур является индикатором интенсивности земледелия. Практически для всех районов Калининградской области характерен довольно высокий уровень агротехники: в 2014 г. на фоне благоприятных погодных условий средняя урожайность зернобо-

бовых в области составила 41 ц/га, по этому показателю Калининградская область вошла в десятку лучших регионов России, а по урожайности рапса (25 ц/га) заняла первое место. Самая высокая урожайность зерновых — в Полесском районе (57,4 ц/га), а также в Славском, Нестеровском и Гусевском районах (41,6, 49,7 и 50,1 ц/га) (рис.2) [38].

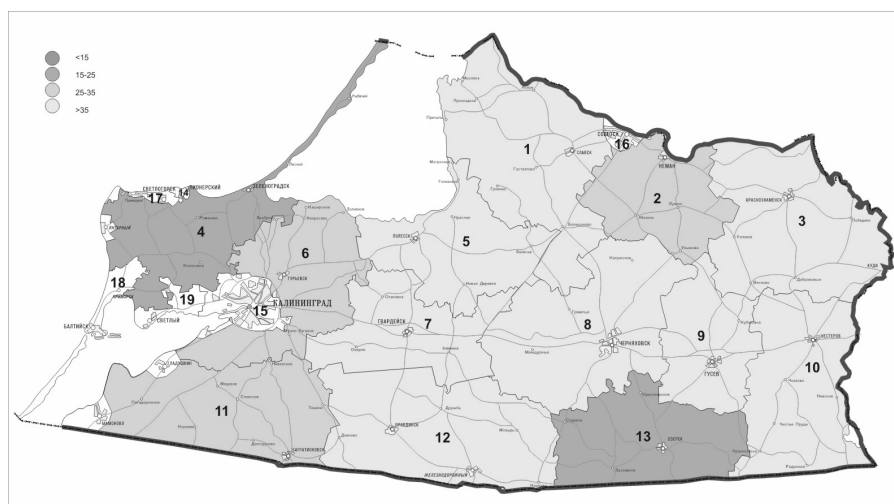

Рис. 2. Урожайность зерновых культур в Калининградской области в ц/га, 2013 г.
 Районы: 1 — Славский, 2 — Краснознаменский, 3 — Краснознаменский, 4 — Зеленоградский, 5 — Полесский, 6 — Гурьевский, 7 — Зеленоградский, 8 — Черняховский, 9 — Гусевский, 10 — Нестеровский, 11 — Багратионовский, 12 — Правдинский, 13 — Озерский.

Средняя урожайность зерновых культур по Псковской области гораздо меньше и составляет всего 17,9 ц/га, колеблется от 37,4 ц/га в Невельском, 31,0 ц/га в Островском и 25,7 ц/га в Псковском районах до 8,4 ц/га в Локнянском, 9,7 ц/га в Новоржевском и 10,3 ц/га в Дедовичском районах [41]. В распределении уровня урожайности можно выделить северную (на границе с Новгородской областью) и юго-восточную (на границе с Смоленской областью) периферии Псковской области с минимальными показателями (рис. 3). Максимальная урожайность зерновых культур обнаруживается в пригородных районах и в районах, граничащих с Республикой Беларусь.

Урожайность зерновых культур в Новгородской области в 2013 г. в среднем составляла 19,9 ц/га (от 8,6 до 32,0 ц/га) [43]. Здесь можно выделить компактную группу районов «южной периферии» на стыке с Псковской и Тверской областями.

Таким образом, несмотря на схожие агроклиматические условия, пространственные характеристики уровня развития сельского хозяйства (растениеводства) в Калининградской и Псковской областях различны. Контрасты по доле посевных и урожайности в муниципальных образованиях Калининградской области невелики, с каждым годом все незаметнее. В то время как в Псковской области, как и в Новгородской, эти контрасты намного сильнее и заметнее, и для этих областей характерно явление физического сжатия экономического пространства.

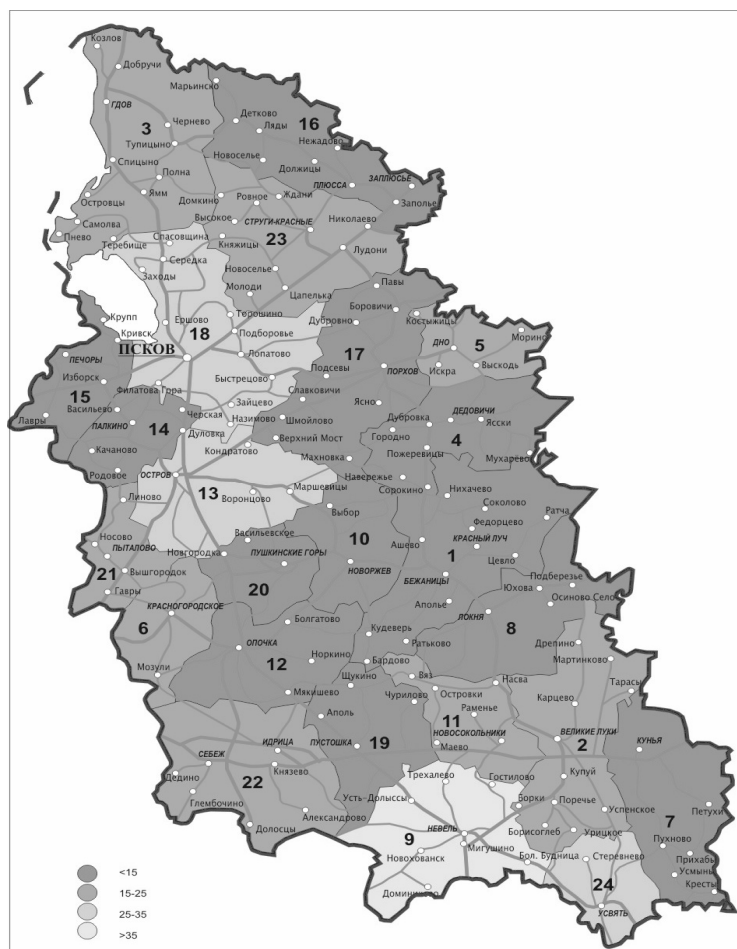

Рис. 3. Урожайность зерновых культур в Псковской области, ц/га на 2013 г. Обозначения цифрами см. на рис. 1

Физическое сжатие пространства — депопуляция сельской местности

Численность населения во всех субъектах, кроме Ленинградской и Калининградской областей, в последние десятилетия сокращается. Большая часть территории западного приграничья является областью устойчивой депопуляции: число сельских населенных пунктов без населения и с числом жителей менее 10 человек по данным переписи населения 2010 г. составило: в Мурманской области 30,9%, в Карелии — 30,7%, в Ленинградской области — 30,8%, в Псковской — 46,6%. На этом фоне положительно выделяется только Калининградская область, где численность таких обезлюдивших населенных пунктов составляет всего 7,9% [37—42]. Можно с уверенностью предположить, что за прошедшие после последней переписи населения пять лет депопуляция сельской местности в названных субъектах, учитывая последние демографические и

миграционные тренды, только усугубилась. Описанная ситуация все больше позволяет назвать западное приграничье нашей страны территорией городов, здесь высока доля городского населения (от 92,8% в Мурманской области до 65,7% в Ленинградской); и хотя большинство малых городов (за исключением Калининградской области) также теряют население, поселения городского типа все больше окружает безлюдная территория, так называемая внутренняя периферия, по определению Т.Г. Нефедовой [14—16]. Ландшафт западного приграничья становится с каждым годом все более поляризованным [20; 21].

С 2010 г. общая численность населения Калининградской области растет в основном за счет роста населения, в сельских же районах наблюдаются различные тенденции (рис. 4). Так, за период с 2009 по 2013 г. выросла численность населения Багратионовского, Гурьевского, Краснознаменского и Озерского районов. Для Гурьевского (пригородного) района этот рост обусловлен как положительным сальдо миграции (1429 человек прибыло в район в 2013 г.), так и за счет естественного прироста (коэффициент естественного прироста самый высокий в области — 4,2 ‰). В остальных районах рост численности населения произошел благодаря естественному приросту (коэффициент естественного прироста за 2013 г. — от 0,6 до 3,9 ‰). Гвардейский, Гусевский, Зеленоградский, Полесский, Славский и Черняховский характеризуются относительной стабильностью численности населения (в пределах 5% от общей численности на 2009 г.), что обусловлено слабым оттоком населения и близким к нулю естественным приростом. Стойкое падение численности населения на протяжении всего пятилетнего периода наблюдается в трех районах — на 10,3% в Правдинском, 6,7% в Нестеровском и на 7,9% в Неманском районах, что связано с миграционным оттоком населения не столько из сельской местности, сколько из районных центров.

Численность населения Псковской области постоянно падает уже на протяжении многих десятилетий, но естественная убыль населения с 2005 к 2014 г. уменьшилась с -15,7 до -7,6 ‰. Относительно стабильна численность населения только пригородного Псковского района и трех отдаленных — Великолукского (за счет районного центра — второго по величине город области), Себежского (приграничного) и Усвятского районов, где наблюдаются темпы снижения численности населения менее 5% за 5 лет (рис. 5). Максимальное падение численности населения отмечается в и без того малочисленных районах — Гдовском, Красногородском, Локнянском, Новосокольническом, Порховском, и Струго-Красненском районах [41]. При этом Гдовский, Порховский и Струго-Красненский районы граничат с Псковским, возможно оттуда и осуществляется отток населения в пригородный район.

Для Новгородской области наблюдается снижение численности населения на протяжении последних 25 лет, но с 2006 г. естественная убыль населения уменьшилась с 2006 по 2013 г. с -11,7 до -6 ‰ [43]. В сельских районах имеет место постоянное снижение численности населения, кроме двух пригородных районов области за счет положительного сальдо миграции.

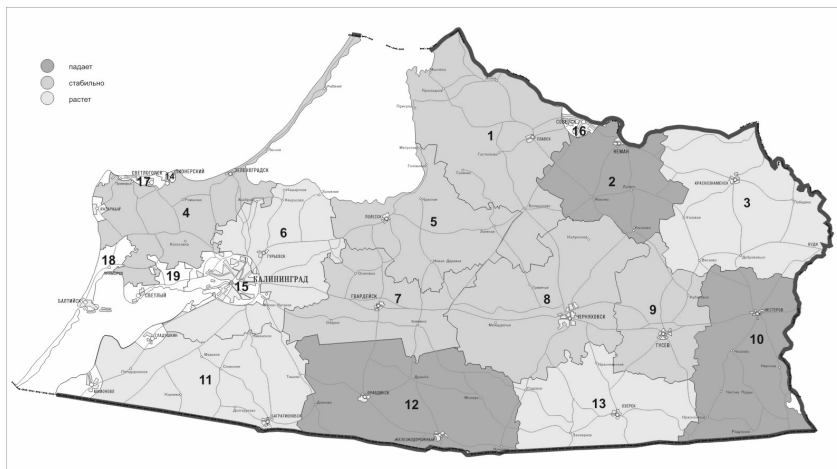

Рис 4. Изменение численности населения Калининградской области с 2009 по 2013 г., %. Обозначения цифрами см. на рис. 2

Рис 5. Изменение численности населения Псковской области с 2009 по 2013 г., %. Обозначения цифрами см. на рис. 1

Другим важным показателем депопуляции территории — доля малолюдных (с численностью населения менее 6 человек) и покинутых сельских поселений. В Калининградской области доля таких поселений среди сельских населенных пунктов составляет всего 7,9%, в то время как в Псковской — 46,6% [41; 42]. Наиболее «пустынные» районы Псковской области — Бежаницкий, Новоржевский и Островский, где доля покинутых и малолюдных поселений составляет более 62% от всех сельских населенных пунктов, они находятся во внутренних районах области, к югу от областного центра, не являются ни приграничными, ни пригородными, так что их, скорее всего, можно назвать «внутренней периферией» (рис. 6).

Рис 6. Доля сельских поселений Псковской области с численностью жителей менее 6 человек и безлюдных поселений, % от общей численности сельских поселений. Обозначения цифрами см. на рис. 1

Доля малолюдных и безлюдных поселений в Новгородской области составляет 44,9% и колеблется в отдельных районах от 65,7 до 13,1% от общего числа сельских населенных пунктов [39]. Наиболее населены пригородные, близкие к Великому Новгороду районы области, малолюдность сельской местности увеличивается к периферии.

Таким образом, явление депопуляции отсутствует в Калининградской области и присутствует в Псковской. Причем, в отличие от не приграничной Новгородской, где депопуляция увеличивается от центра к периферии, она ярко выражена во внутренних районах территории, а приграничные районы являются относительно устойчивыми.

Физическое сжатие пространства — изменение плотности населения внутри ареалов

Исследование плотности населения в сельских районах Калининградской и Псковской областей за последние пять лет показали их различие как в количественном отношении, так и в динамике их изменения. Плотность сельского населения в муниципальных районах Псковской области на 2014 г. колеблется от 1,9 человек/км² (Бежаницкий район) до 10,6 человек/км² (Псковский), в то время как в Калининградской области — от 7,1 человек/км² (Краснознаменский район) до 31,7 человек/км² (Гурьевский). Еще большую контрастность демонстрирует динамика изменения плотности сельского населения за последние пять лет. Плотность населения большинства сельских районов Псковской области в 2014 г. составляет 76—92% от плотности населения в 2009 г. Только пригородный псковский район имеет устойчивую положительную динамику (108,2%). В Калининградской области динамика плотности населения сельских районов иная. Положительная динамика плотности населения не зависит от системы «центр — периферия»: плотность сельского населения в 2014 г. пригородного Гурьевского и отдаленного Краснознаменского равны и составляют 109% от плотности населения в 2009 г. Показатели отрицательной динамики плотности населения составляют 92,3—96,8% (в четырех из 13 сельских районов).

Теоретическое объяснение полученных результатов

Как мы увидели, поляризация пространства в приграничных регионах происходит иначе, чем в «глубинных»: условия приграничья деформируют систему «центр — периферия», так как наличие пограничных переходов, как правило, активизирует человеческую деятельность (как хозяйственную, предпринимательскую, так и частную). Деформация социально-экономического пространства зависит от многих факторов — политических, экономических, демографических и географических, которые определяют возможности использования «эффекта границы». Анализ конкретных территорий, приведенный выше, показал, что наиболее важными для пространственной картины сжатия социально-экономического пространства в приграничье являются:

- размер и компактность территории;
- общая геодемографическая ситуация в регионе;
- миграционный прирост (или отток) населения и его перераспределение внутри региона;
- коммуникативная проницаемость территории, как внешняя, так и внутренняя.

Не умаляя значения федеральных и региональных политических решений и влияния международной обстановки на развитие приграничных районов, необходимо подчеркнуть конкретное значение каждого из этих факторов для формирования социально-экономического пространства.

Размер и форма территории. Размер территории субъекта в совокупности с существующей в нем транспортной системой определяют коммуникативную проницаемость региона. Кроме того, малая площадь территории увеличивает значение приграничного эффекта, так как повышает возможности муниципальных образований и хозяйствующих в них субъектов к выходу на внешний рынок.

Общая геодемографическая ситуация в регионе. Влияет на все аспекты сжатия социально-экономического пространства [7; 24—26]. Общая убыль населения региона и отток из сельских районов в областной центр и пригородную зону приводит к образованию обширных ареалов с плотностью населения менее 5 человек/км², а в некоторых районах она составляет всего 1 человек/км². При такой плотности населения сплошное освоение территории становится невозможным, а превращается в крупно- и мелкоочаговое, анизотропность пространства возрастает. В таких условиях приграничный эффект для большинства населения становится иллюзорен, и пространственно проявляется в областном центре и пригородных районах и непосредственно около государственной границы.

Миграционный прирост (или отток) населения и его перераспределение внутри региона. Миграционный прирост в условиях отрицательного естественного прироста населения увеличивает стабильность приграничного региона, а так как часть прибывшего населения расселяется в сельской местности, препятствует явлению депопуляции. Степень влияния миграционного прироста на поляризацию приграничья зависит от его размера относительно естественной убыли. Перераспределение населения внутри территории региона в условиях депопуляции и упадка инфраструктуры усиливает поляризацию пространства, так как население в основном мигрирует в областной центр или пригород, а в условиях стабильной демографической обстановки и хорошей транспортной структуры может приводить к уменьшению поляризации и выравниванию плотности населения ближних и дальних пригородов и ближайших районных центров.

Коммуникативная проницаемость территории, как внутренняя, так и внешняя. Внутренняя. По сравнению с другими территориями СЗФО транспортная система его западных районов наиболее развита:

наличие глубоководных портов, международных аэропортов и относительно густая сеть железных дорог (от 409 км/10 000 км² в Калининградской области до 60 км/10 000 км² в Мурманской) определяют их высокую связность (как внутреннюю, так и внешнюю). Густота автомобильных дорог в приграничных регионах СЗФО разная. В Калининградской области она составляет 439 км/1000 км², что приближается к показателям ближнего Подмосковья, в то время как в Мурманской области этот показатель составляет всего 19, в Карелии 37, и в пригородной области мегаполиса — Ленинградской — 135 [37]. Расчет коэффициента Энгеля показал, что максимальные значения он имеет в Калининградской области (68,2), средние значения — в Ленинградской и Псковской областях (58,5 и 55,0) и минимальное — в Мурманской области (0,7). Чем выше значения этих показателей, тем выше внутренняя связность и проницаемость территории (наличие инфраструктуры не является абсолютной гарантией сжатия, так как большое значение имеет состояние путей сообщения, наличие средств транспорта и регулярность рейсов). Развитие автомобильного общественного транспорта в отдельных областях сдерживается качеством автомобильных дорог: в Псковской области только 77% автомобильных дорог имеет твердое покрытие. В Калининградской области этот показатель значительно выше — 90%, в Мурманской — 83,7%. Большое значение имеет доступность дорог для населения: например, в Псковской области значительные территории находятся от асфальтированных дорог на расстоянии более 5 км. Внутренняя связность территории определяется также частотой движения общественных видов пригородного и междугородного транспорта.

Внутренняя коммуникативная проницаемость влияет на физическое сжатие социально-экономического пространства следующим образом: чем выше проницаемость, тем больше возможностей для трудоустройства для населения области, так как поиск мест приложения труда меньше ограничен транспортными издержками, как временными, так и финансовыми. Место приложения труда в меньшей степени определяет место жительства. Численность населения сельских и городских населенных пунктов стабилизируется, на всей территории поддерживается сравнительно высокая степень освоенности среды. Компактность территории наряду с хорошо развитой транспортной системой обеспечивает высокую коммуникативную проницаемость. Помимо транспортной системы, коммуникативная проницаемость зависит от степени развития мобильной связи и Интернета. Площадь покрытия мобильной связью в западном приграничье разная: максимальная (свыше 90% территории) в Ленинградской и Калининградской областях и минимальная (менее 50% территории — в Псковской области [44]). Мобильная телефонная связь и развитие Интернета также способствуют поддержанию высокой степени освоенности среды, обеспечивая возможности получения различного вида услуг, работы на дому и дистанционного обучения, что

увеличивает степень комфортности среды для проживания и косвенно обеспечивает стабильность геодемографической обстановки.

Внешняя. Внешняя коммуникативная проницаемость с другими странами обеспечивается протяженностью государственной границы на территории региона и наличием возможностей ее пересечения. Протяженность государственной границы в пределах изучаемых регионов разная: максимальную длину имеет Республика Карелия и Псковская область (более 700 км). Но этот показатель не совсем корректен, так как проницаемость границы и, следовательно, ее функциональное значение имеет не общая длина границы, а наличие на ней доступных населению пунктов пограничного пропуска (ППП). Поэтому мы использовали такой показатель, как длина границы на один ППП, соответственно, чем меньше километров приходится на один пограничный переход, тем более проницаема граница. По этому показателю лидирует Калининградская область (48,8 км), на втором месте Ленинградская область (51,2 км), в «аутсайдерах» — Карелия (266 км) и Мурманская область (203 км). Псковская область занимает «срединное» положение (69,1 км без учета границы с Беларусью и 78,8 с учетом). Активность межграницных перемещений стимулирует режим малого пограничного передвижения, который в настоящее время действует между Калининградской областью и северными воеводствами Польши, между отдельными районами Латвии и Псковской области, Мурманской области и Норвегии. Внешняя коммуникативная проницаемость с соседними регионами своей страны обеспечивается наличием связывающих их автомобильных и железных дорог и их качеством (или других элементов транспортной инфраструктуры). Отечественные исследователи на протяжении последних тридцати лет отмечают, что административные границы между областями, а в некоторых случаях и между районами, являются особыми барьерами: это зоны депопуляции, снижения активности и исчезновения транспортной инфраструктуры, то есть смыкающиеся периферии двух регионов превращаются в некие «барьерные зоны», для которых главной становится экологическая функция [20]. Калининградская область границ с другими субъектами РФ не имеет, а северные и восточные границы Псковской области полностью подтверждают вышесказанное: их пересекают только железные дороги и федеральные трассы, местных межобластных дорог с твердым покрытием ничтожно мало. Видимо, проницаемость границы с соседним регионом той же страны следует рассчитывать так же, как и внешнюю (пограничную) проницаемость.

Для характеристики коммуникативного сжатия пространства региона с внешней средой в классическом понимании (то есть резкого сокращения времени в пути) важна связь территории с регионами своей страны и ближайшими зарубежными соседями с использованием общественного транспорта: воздушного, железнодорожного и автомобильного. Без учета Санкт-Петербургского транспортного узла, наиболее развитое воздушное сообщение имеет Калининградская область (10 направлений, более 60 рейсов в неделю в Москву и более 40 — в Санкт-

Петербург), на втором месте — Мурманская область. Псковская область и Карелия имеют более развитый по сравнению с Калининградской областью железнодорожный транспорт [45]. Кроме того, Псковская область занимает выгодное для автотранспорта положение: по ее территории проходят федеральные и международные автомагистрали. Для Калининградской области характерно отсутствие автобусного сообщения с городами России, что связано с особым географическим положением региона.

Высокая степень коммуникативного сжатия с внешней средой способствует деформации социально-экономического пространства региона, поскольку территории у пограничных пунктов пропуска и международные транспортные коридоры способствуют концентрации экономической активности. Степень деформации пространства зависит от уровня развития международного сотрудничества и современной геополитической обстановки, а также от размера территории и коммуникативной проницаемости пограничного региона. При наличии большой, плохо освоенной вне точек роста и транспортных коридоров территории, анизотропия пространства увеличивается, эффект сжатия освоенного пространства усиливается, ландшафт становится все более поляризованным. В случае компактной территории высокая степень коммуникативного сжатия в совокупности с хорошей внутренней проницаемостью приводит к выравниванию ареалов по степени освоенности среды и нивелированию эффекта физического сжатия пространства.

Выводы

- Эффект сжатия социально-экономического пространства проявляется в приграничных регионах Северо-западного федерального округа иначе, чем во внутренних, где он отражает систему «центр — периферия».
- Сжатие социально-экономического пространства понимается нами как физическое сжатие ареалов, освоенных разными видами человеческой деятельности, а также как снижение степени активности внутри них.
- Вместо термина «коммуникативное сжатие пространства» для изучаемой территории предложен термин «коммуникативная проницаемость», понимаемый как снижение степени анизотропии территории, которая выражается в увеличении транспортной доступности и коммуникативной (включая мобильную связь и Интернет) досягаемости территории региона.
- Фокусными территориями для исследования выбраны приграничные Калининградская и Псковская области как наиболее близкие по географическому положению и обладающие сходными природными условиями. Новгородская область не является приграничной и была выбрана нами для сравнения.

• Для Новгородской области наблюдается типичная картина дифференциации территории по принципу «центр-периферия», характерному для областей Нечерноземной зоны РФ. Исследования показали, что эффект физического сжатия экономического пространства проявляется на территории приграничной Псковской области двояко: по снижению посевных площадей и урожайности зерновых культур «приграничного» эффекта не наблюдается; в то время как максимальный уровень депопуляции обнаруживается во внутренних районах этой территории, а наиболее устойчивыми являются приграничные районы — здесь эффект приграничья выражен явно. На территории Калининградской области практически не проявляется процесс депопуляции сельского населения и отсутствует внутренняя дифференциация районов по уровню сельскохозяйственного освоения. Очевидно, из-за компактных размеров, развитой дорожной сети эффект влияния приграничного положения распространяется на территорию всей области.

• Анализ конкретных территорий, приведенный выше, показал, что наиболее важными для пространственной картины сжатия социально-экономического пространства в приграничье служат размер и компактность территории, общая геодемографическая ситуация в регионе, миграционный прирост (или отток) населения и его перераспределение внутри региона, коммуникативная проницаемость территории, как внешняя, так и внутренняя.

Список литературы

1. *Безруков Л. А.* Сжатие пространства: мифы и реальность // Сб. науч. тр. Сжатие социально-экономического пространства: новое в теории регионального развития и практике его государственного регулирования М., 2010. С. 32—48.
2. *Единый* государственный реестр почв России. URL: <http://atlas.mcx.ru/materials/egpr/content.html> (дата обращения: 10.03.2015).
3. *Епифанова А. А., Лухманов Д. Н.* Трансформация заселенности сельской местности Центрального Черноземья (1959—2008 гг.) // Сб. науч. тр. Сжатие социально-экономического пространства: новое в теории регионального развития и практике его государственного регулирования. М., 2010. С. 153—167.
4. *Иоффе Г., Нефедова Т.* Квазитюневский ландшафт в регионах России // Российские регионы и центр: взаимодействие в экономическом пространстве. М., 2000.
5. *Кастельс М.* Информационная эпоха: экономика, общество и культура. М., 2000.
6. *Климат* городов России. URL: <http://atlas-jakutia.ru/weather/spravochnik/spravochnik.html> (дата обращения: 02.02.2015).
7. *Кузнецова Т. Ю.* Геодемографическая обстановка в странах Балтийского макрорегиона: проблемы и перспективы. Калининград, 2009.
8. *Левинтов А. Е.* Основные факторы сжатия пространства и их реализация на примере Европы // Сб. науч. тр. Сжатие социально-экономического пространства: новое в теории регионального развития и практике его государственного регулирования. М., 2010. С. 60—67.

9. Люри Д. И., Горячкин С. В., Караваева Н. А. и др. Динамика сельскохозяйственных земель России в XX веке и постагрогенное восстановление растительности и почв. М., 2010.

10. Махрова А. Г., Голубчиков О. Ю. Российский город в условиях капитализма: социальная трансформация внутригородского пространства // Вестник Московского университета. Сер. 5 «География». 2012. № 2. С. 26—31.

11. Мироненко Н. С., Сорокин М. Ю. Факторы сжатия географического пространства // География. 2001. № 48.

12. Нефедова Т. Г. Российская периферия как социально-экономический феномен // Региональные исследования. 2008. № 5(20). С. 14—31.

13. Нефедова Т. Г. Сельская Россия на перепутье: географические очерки. М., 2003.

14. Нефедова Т. Г. Сельское хозяйство России на фоне Европы: изменения за 1990—2006 гг. // География мирового развития. М., 2009. Вып. 1.

15. Нефедова Т. Г. Сжатие внегородского освоенного пространства России — реальность, а не иллюзия // Сб. науч. тр. Сжатие социально-экономического пространства: новое в теории регионального развития и практике его государственного регулирования. М., 2010. С. 128—145.

16. Пашинская Н. Н. Сжатие пространства: методы, модели и примеры использования в географии транспорта // Там же. С. 73—83.

17. Пивоваров Ю. Л. Альтернатива макрорегионального развития России: сжатие интенсивно используемого пространства // Географические основы типологии регионов для формирования региональной политики России. М., 1995. С. 17—23.

18. Пивоваров Ю. Л. Сжатие интенсивно используемого пространства: концепция макрорегионального развития России // Изв. РАН. Сер. «География». 1997. № 5. С. 114—124.

19. Ридевский Г. В. Три модели сжатия пространства и регионализация как процесс сжатия пространства на внутристрановом уровне // Сб. науч. тр. Сжатие социально-экономического пространства: новое в теории регионального развития и практике его государственного регулирования. М., 2010. С. 49—60.

20. Родоман Б. Б. Экологическое значение административных границ // Проблемы приграничных регионов России : матер. XXI ежегодной сессии экономико-географической секции МАРС. М., 2004. С. 82—85.

21. Родоман Б. Б. Сетевые и анизотропные географические пространства // Сб. науч. тр. Сжатие социально-экономического пространства: новое в теории регионального развития и практике его государственного регулирования. М., 2010. С. 167—175.

22. Трейвиш А. И. «Сжатие» пространства: трактовка и модели // Там же. С. 16—31.

23. Трейвиш А. И. Сжатие социального геопространства: между реальностью и утопией URL: <http://demoscope.ru/weekly/2012/0507/tema06.php> (дата обращения: 19.01.2014).

24. Федоров Г. М. Геодемографическая обстановка: теория и методические основы. Л., 1984.

25. Федоров Г. М. Геодемографическая типология. Л., 1985.

26. Федоров Г. М. Население Калининградской области. Демографические условия обоснования территориальной комплексной схемы градостроительного планирования развития территории Калининградской области и ее частей : монография. Калининград, 2001.

27. *Шулер В. А.* Почему не происходит сжатие социально-географического пространства // Сб. науч. тр. Сжатие социально-экономического пространства: новое в теории регионального развития и практике его государственного регулирования. М., 2010. С. 67—72.

28. *Agnew J.* The new global economy: time — space compression, geopolitics, and global uneven development // *Journal of world systems research*. VII. 2. 2001. P. 133—154.

29. *Desai M.* The End of Everything // *The New York Times*. 1996. August. URL: <http://www.people.hbs.edu/mdesai/EndOfEverything.pdf> (дата обращения: 12.01.2015).

30. *Florida R.* Who's Your City? Where You Live: How the Creative Economy Is Making the Most Important Decision of Your Life. Philadelphia: Basic Books, 2008. URL: http://www.creativeclass.com/whos_your_city/maps/# (дата обращения: 03.02.2015).

31. *Harvey D.* The Condition of Postmodernity: An Enquiry into the Origins of Cultural Change. Cambridge, MA : Blackwell, 1990.

32. *Janelle D., Gillespie A.* Space — time constructs for linking information and communication technologies with issues in sustainable transportation, TTRV372, 2004, p. 665—677. URL: www.spatial.ucsb.edu (дата обращения: 01.04.2015).

33. *Morgan K.* The Exaggerated Death of Geography: Localised Learning, Innovation and Uneven Development. Paper presented to The Future of Innovation Studies Conference. URL: http://www.utoronto.ca/onris/research_review/WorkingPapers/WorkingDOCS/Working01/Morgan01_Death.pdf (дата обращения: 11.03.2015).

34. *Rodrigue J. P., Comtois C., Slack B.* The Geography of transport systems. N. Y., 2009. 352 p.

35. *Warf B.* Time Space Compression: Historical Geographies. NY, 2008.

36. *Warf B.* Teaching Time-Space Compression // *Journal of Geography in Higher Education*. 2011. № 35(2). P. 143—161.

37. Федеральная служба государственной статистики. URL: <http://www.gks.ru/> (дата обращения 11.02.2015).

38. Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по Мурманской области. URL: <http://murmanskstat.gks.ru/> (дата обращения 11.02.2015).

39. Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по Республике Карелия. URL: <http://krl.gks.ru> (дата обращения 11.02.2015).

40. Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по городу Санкт-Петербургу и Ленинградской области. URL: <http://petrostat.gks.ru> (дата обращения 11.02.2015).

41. Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по Псковской области. URL: <http://pskovstat.gks.ru> (дата обращения 11.02.2015).

42. Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по Калининградской области. URL: <http://kaliningrad.gks.ru/> (дата обращения 11.02.2015).

43. Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по Новгородской области. URL: <http://novgorodstat.gks.ru/> (дата обращения 11.02.2015).

44. ФАИС. URL: <http://www.fais-rfs.ru/cabinet/tasks/regions/operatorcoverage.aspx> (дата обращения: 09.01.2015).

45. *Туту. Ру*. URL: www.tutu.ru (дата обращения: 09.04.2015).

46. *Министерство сельского хозяйства Российской Федерации*. URL: www.mcx.ru/documents/file_document (дата обращения: 09.03.2015).

Об авторах

Романова Елена Альбертовна, кандидат географических наук, доцент кафедры градостроительства, землеустройства и дизайна, Балтийский федеральный университет им. И. Канта, Россия.

E-mail: alberta63@mail.ru

Виноградова Ольга Леонидовна, кандидат географических наук, доцент кафедры градостроительства, землеустройства и дизайна, Балтийский федеральный университет им. И. Канта, Россия.

E-mail: olvinogr69@mail.ru

Фризина Ирина Викторовна, аспирант, Балтийский федеральный университет им. И. Канта, Россия.

E-mail: levkovich_irina@hotmail.com

SOCIAL AND ECONOMIC SPACE COMPRESSION IN BORDER AREAS: THE CASE OF THE NORTHWESTERN FEDERAL DISTRICT

E. Romanova *, O. Vinogradova *, I. Frizina *

**Immanuel Kant Baltic Federal University
14 A. Nevski St., Kaliningrad, 236041, Russia*

Submitted on April 15, 2015

The so-called “compression” of social and economic space has been the subject of quite a few studies in the past decades. There are two principle types of compression: communicative, that is, associated with the development of transport and information systems, and physical, manifested in the rapid decrease of the number of new territories to explore. While physical and communicative compression are interrelated, they have different spatial expressions depending on geographical conditions, economic, environmental, historical, and political characteristics of the region. The authors identify the patterns of communicative and physical space compression using comparative mapping, statistical and historical research methods, and a model showing the spatial differentiation of regional socioeconomic characteristics in the Northwestern Federal District. The study focuses on border areas, where the following key manifestations of compression have been identified: transport connectivity, level of agriculture development, and depopulation. All these indicators of space compression process are studied at the municipal level. The authors identify the key features of socioeconomic space compression for the border areas of the Russian Northwest.

Key words: socioeconomic space compression, communicative connectivity, economic development of territories, depopulation

References

1. Bezrukov, L. A. 2010, Szhatie prostranstva: mify i real'nost' [Compression space: Myths and Reality]. In: Artobolevsky, S. S., Sintserov, L. M. (eds.), *Szhatie social'no-jekonomicheskogo prostranstva: novoe v teorii regional'nogo razvitija i praktike ego gosudarstvennogo regulirovanija* [Compression of the socio-economic area: a new theory of regional development and its practice of state regulation], Moscow, p. 32—48.
2. *Edinyj gosudarstvennyj reestr pochv Rossii* [Unified State Register of Russian soil], available at: <http://atlas.mcx.ru/materials/egrpr/content.html> (accessed 10.03.2015).
3. Yepifanova, A. A., Luhmanov, D. N. 2010, Transformacija zaselennosti sel'skoj mestnosti Central'nogo Chernozem'ja (1959—2008gg.) [Transformation of the population of rural areas of the Central Black Soil Region (1959—2008)]. In: Artobolevsky, S. S., Sintserov, L. M. (eds.), *Szhatie social'no-jekonomicheskogo prostranstva: novoe v teorii regional'nogo razvitija i praktike ego gosudarstvennogo regulirovanija* [Compression of the socio-economic area: a new theory of regional development and its practice of state regulation], Moscow, p. 153—167.
4. Ioffe, G., Nefedova, T. 2000, Kvazitjunenovskij landshaft v regionah Rossii [Kvazityunenovsky landscape in the regions of Russia]. In: *Rossijskie regiony i centr: vzaimodejstvie v jekonomicheskom prostranstve* [Russian regions and the center: cooperation in the economic area], Moscow, IGRANMARS.
5. Castells, M. 2000, *Informacionnaja jepoha: jekonomika, obshhestvo i kul'tura* [The Information Age: Economy, Society and Culture], Moscow, Higher School of Economics.
6. Klimat gorodov Rossii [Climate Russian cities], *Atlas Yakutia*, available at: <http://atlas-jakutia.ru/weather/spravochnik/spravochnik.html> (accessed 02.02.2015).
7. Kuznetsova, T. Yu. 2009, *Geodemograficheskaja obstanovka v stranah Baltijskogo makroregiona: problemy i perspektivy* [Geo-demographic situation in the Baltic macro-region: problems and prospects], Kaliningrad.
8. Levintov, A. E. 2010, Osnovnye faktory szhatija prostranstva i ih realizacija na primere Evropy [The main factors of compression of space and their implementation on the example of Europe]. In: Artobolevsky, S. S., Sintserov, L. M. (eds.), *Szhatie social'no-jekonomicheskogo prostranstva: novoe v teorii regional'nogo razvitija i praktike ego gosudarstvennogo regulirovanija* [Compression of the socio-economic area: a new theory of regional development and its practice of state regulation], Moscow, p. 60—67.
9. Lyuri, D. I., Goryachkin, S. V., Karavaeva, N. A., Denisenko, E. A., Nefedova, T. G. 2010, *Dinamika sel'skohozjajstvennyh zemel' Rossii v HH veke i postagrogennoe vosstanovlenie rastitel'nosti i pochv* [Dynamics of Russian agricultural land in the twentieth century and postagrogenic revegetation and soil], Moscow, GEOS.
10. Makhrova, A. G., Golubchikov, O. Yu. 2012, Rossijskij gorod v uslovijah kapitalizma: social'naja transformacija vnutrigorodskogo prostranstva [Russian city in the conditions of capitalism: social transformation intra space], *Vestnik Moskovskogo universiteta*, Ser. 5. Geography, no. 2, p. 26—31.
11. Mironenko, N. S., Sorokin, M. Yu. 2001, Faktory szhatija geograficheskogo prostranstva [Factors compression geographical space], *Geografija* [Geography], no. 48.

12. Nefedova, T. G. 2008, Rossijskaja periferija kak social'no-jekonomicheskij fenomen [Russian periphery as a socio-economic phenomenon], *Regional'nye issledovanija* [Regional studies], no. 5(20), p. 14—31.

13. Nefedova, T. G. 2003, *Sel'skaja Rossija na pereput'e: geograficheskie ocherki* [Rural Russia at a crossroads: geographical essays], Moscow.

14. Nefedova, T. G. 2009, Sel'skoe hozjajstvo Rossii na fone Evropy: izmenenija za 1990—2006 gg. [Agricultural Russia against the background of Europe changes for the 1990—2006 biennium], *Geografija mirovogo razvitija* [The geography of world development], Vol. 1, Moscow.

15. Nefedova, T. G. 2010, Szhatie vnegorodskogo osvoennogo prostranstva Rossii — real'nost', a ne illuzija [Compression earned extra-urban space of Russia — a reality, not an illusion]. In: Artobolevsky, S. S., Sintserov, L. M. (eds.), *Szhatie social'no-jekonomicheskogo prostranstva: novoe v teorii regional'nogo razvitija i praktike ego gosudarstvennogo regulirovanija* [Compression of the socio-economic area: a new theory of regional development and its practice of state regulation], Moscow, p. 128—145.

16. Pashinskaya, N. N. 2010, Szhatie prostranstva: metody, modeli i primery ispol'zovanija v geografii transporta [Compression space: methods, models and examples of use in the geography of transport]. In: Artobolevsky, S. S., Sintserov, L. M. (eds.), *Szhatie social'no-jekonomicheskogo prostranstva: novoe v teorii regional'nogo razvitija i praktike ego gosudarstvennogo regulirovanija* [Compression of the socio-economic area: a new theory of regional development and its practice of state regulation], Moscow, p. 73—83.

17. Pivovarov, Yu. L. 1995, Al'ternativa makroregional'nogo razvitija Rossii: szhatie intensivno ispol'zuemogo prostranstva [The alternative macro-regional development of Russia: compression intensively used space]. In: *Geograficheskie osnovy tipologii regionov dlja formirovanija regional'noj politiki Rossii* [Geographical bases of typology of regions for the formation of regional policy in Russia], Moscow, 17—23

18. Pivovarov, Yu. L. 1997, Szhatie intensivno ispol'zuemogo prostranstva: koncepcija makroregional'nogo razvitija Rossii [Compression intensively used space: the concept of macro-regional development of Russia], *Izvestija Rossijskoj akademii nauk. Serija Geograficheskaja* [Izvestija of the Russian Academy of Sciences. Geographic Series], no. 5, p. 114—124.

19. Ridevsky, G. V. 2010, Tri modeli szhatija prostranstva i regionalizacija kak process szhatija prostranstva na vnutristranovom urovne [Three models of the compression of space and regionalization as a process of compressing the space in-country]. In: Artobolevsky, S. S., Sintserov, L. M. (eds.), *Szhatie social'no-jekonomicheskogo prostranstva: novoe v teorii regional'nogo razvitija i praktike ego gosudarstvennogo regulirovanija* [Compression of the socio-economic area: a new theory of regional development and its practice of state regulation], Moscow, p. 49—60.

20. Rodoman, B. B. 2004, Jekologicheskoe znachenie administrativnyh granic [The ecological value of the administrative boundaries], *Problemy prigranichnyh regionov Rossii* [Problems of border regions of Russia], materialy XXI ezhegodnoj sessii jekonomiko-geograficheskoi sekcii MARS [Materials XXI annual session of economic and geographic section MARS], Belgorod-Kharkov, 5—7 June 2004, Moscow, p. 82—85.

21. Rodoman, B. B. 2010, Setevye i anizotropnye geograficheskie prostranstva [Network and anisotropic geographical areas]. In: Artobolevsky, S. S., Sintserov, L. M. (eds.), *Szhatie social'no-jekonomicheskogo prostranstva: novoe v teorii re-*

gional'nogo razvitija i praktike ego gosudarstvennogo regulirovanija [Compression of the socio-economic area: a new theory of regional development and its practice of state regulation], Moscow, p. 167—175.

22. Treyvish, A. I. 2010, «Szhatie» prostranstva: traktovka i modeli ["Compression" of space: the interpretation and model]. In: Artobolevsky, S. S., Sintserov, L. M. (eds.), *Szhatie social'no-jekonomicheskogo prostranstva: novoe v teorii regional'nogo razvitija i praktike ego gosudarstvennogo regulirovanija* [Compression of the socio-economic area: a new theory of regional development and its practice of state regulation], Moscow, p. 16—31.

23. Treyvish, A. I. 2012, Szhatie social'nogo geoprostranstva: mezhdru real'nost'ju i utopiej [Compression social geospace: between reality and utopia], *Demoscope Weekly*, available at: <http://demoscope.ru/weekly/2012/0507/tema06.php> (accessed 19.01.2014).

24. Fedorov, G. M. 1984, *Geodemograficheskaja obstanovka: teorija i metodicheskie osnovy* [Geodemographic environment: theory and methodological foundations], Leningrad, Nauka.

25. Fedorov, G. M. 1985, *Geodemograficheskaja tipologija* [Geo-demographic typology], Leningrad.

26. Fedorov, G. M. 2001, *Naselenie Kaliningradskoj oblasti. Demograficheskie uslovija obosnovanija Territorial'noj kompleksnoj shemy gradostroitel'nogo planirovanija razvitija territorii Kaliningradskoj oblasti i ee chastej* [The population of the Kaliningrad region. Demographic conditions justify territorial complex scheme of town-planning development of the Kaliningrad region and its parts], Kaliningrad.

27. Shuper, V. A. 2010, Pochemu ne proishodit szhatie social'no-geograficheskogo prostranstva [Why there is no compression of social and geographical space]. In: Artobolevsky, S. S., Sintserov, L. M. (eds.), *Szhatie social'no-jekonomicheskogo prostranstva: novoe v teorii regional'nogo razvitija i praktike ego gosudarstvennogo regulirovanija* [Compression of the socio-economic area: a new theory of regional development and its practice of state regulation], Moscow, p. 67—72.

28. Agnew, J. 2001, The new global economy: time — space compression, geopolitics, and global uneven development, *Journal of world systems research*, YII. 2, p. 133—154.

29. Desai, M. 1996, The End of Everything, *The New York Times*, August, available at: <http://www.people.hbs.edu/mdesai/EndOfEverything.pdf> (accessed 12.01.2015).

30. Florida, R. 2008, *Who's Your City? Where You Live: How the Creative Economy Is Making the Most Important Decision of Your Life*, Philadelphia, Basic Books, available at: http://www.creativeclass.com/whos_your_city/maps/# (accessed 03.02.2015).

31. Harvey, D. 1990, *The Condition of Postmodernity: An Enquiry into the Origins of Cultural Change*, Cambridge, MA, Blackwell, 230 p.

32. Janelle, D., Gillespie, A. 2004, *Space — time constructs for linking information and communication technologies with issues in sustainable transportation*, TTRV372, p.665 -677, available at: www.spatial.ucsb.edu (accessed 01.04.2015).

33. Morgan, K. 2001, The Exaggerated Death of Geography: Localised Learning, Innovation and Uneven Development, *Paper presented to The Future of Innovation Studies Conference*, Eindhoven Univ. of Technology, 20—23 September 2001, available at: http://www.utoronto.ca/onris/research_review/WorkingPapers/WorkingDOCS/Working01/Morgan01_Death.pdf (accessed 11.03.2015).

34. Rodrigue, J. P., Comtois, C., Slack, B. 2009, *The Geography of transport systems*, New York, Routledge, 352 p.

35. Warf, B. 2008, *Time Space Compression: Historical Geographies*, NY, Routledge.

36. Warf, B. 2011, Teaching Time-Space Compression, *Journal of Geography in Higher Education*, no. 35(2), p. 143—161.

37. Federal State Statistics Service, available at: <http://www.gks.ru/> (accessed 11.02.2015).

38. The territorial body of the Federal State Statistics Service of the Murmansk region, available at: <http://murmanskstat.gks.ru/> (accessed 11.02.2015).

39. The territorial body of the Federal State Statistics Service of the Republic of Karelia, available at: <http://krl.gks.ru/> (accessed 11.02.2015).

40. The territorial body of the Federal State Statistics Service of the city of St. Petersburg and Leningrad region, available at: <http://petrostat.gks.ru> (accessed 11.02.2015).

41. The territorial body of the Federal State Statistics Service of the Pskov region, available at: <http://pskovstat.gks.ru> (accessed 11.02.2015).

42. The territorial body of the Federal State Statistics Service in the Kaliningrad region, available at: <http://kaliningrad.gks.ru/> (accessed 11.02.2015).

43. The territorial body of the Federal State Statistics Service in Novgorod region, available at: <http://novgorodstat.gks.ru/> (accessed 11.02.2015).

44. The coverage area of cellular communication — FAIS, available at: <http://www.fais-rfs.ru/cabinet/tasks/regions/operatorcoverage.aspx> (accessed 09.01.2015).

45. Tutu.ru: air and railway tickets online, available at: www.tutu.ru (accessed 09.04.2015).

46. The Ministry of Agriculture of the Russian Federation, available at: www.mcx.ru/documents/file_document (accessed 09.03.2015).

About the authors

Dr Elena Romanova, Associate Professor, Department of Urban Development, Land Management, and Design, Immanuel Kant Baltic Federal University, Russia.
E-mail: alberta63@mail.ru

Dr Olga Vinogradova, Associate Professor, Department of Urban Development, Land Management, and Design, Immanuel Kant Baltic Federal University, Russia.
E-mail: olvinogr69@mail.ru

Irina Frizina, PhD student, Immanuel Kant Baltic Federal University, Russia.
E-mail: levkovich_irina@hotmail.com

УДК 332.133.6

**ПОЗИЦИОНИРОВАНИЕ
МИРОВОГО
ПРИМОРСКОГО ГОРОДА
САНКТ-ПЕТЕРБУРГА
В БАЛТИЙСКОМ
РЕГИОНЕ**

С. С. Лачининский*
И. В. Семенова*

Балтийский регион объединяет приморские территории девяти стран — России, Эстонии, Латвии, Литвы, Польши, Германии, Дании, Швеции и Финляндии. Узловыми центрами региона выступают города-порты, расположенные на побережье Балтийского моря. Вместе с тем в соответствии с классификацией Питера Тейлора и Саски Сассен в регионе присутствуют иные города, имеющие более высокий статус, или «мировые города», которые необходимо рассматривать в глобальном контексте.

В настоящем исследовании авторы исходят из того, что Санкт-Петербург как мировой приморский город (CWS) формирует вокруг себя Санкт-Петербургский приморский регион, который можно рассматривать в качестве типичной «глобальной городской области». Индексный метод исследования показывает, что положение Санкт-Петербурга в системе мировых приморских городов Балтийского региона представляется условно благоприятным, учитывая его транспортно-логистический и демографический потенциал, а также выгоды геоэкономического положения.

Санкт-Петербург имеет свои конкурентные преимущества в регионе, которые определяются его демографическим потенциалом, грузооборотом портов, а также выгодным геоэкономическим положением — «морские ворота» России. Вместе с тем становится очевидно, что уровень развития современных высокотехнологических услуг и «новой экономики» здесь еще не позволяет приблизиться к трем лидерам — Стокгольму, Хельсинки и Копенгагену. Это тем важнее, что из четырех различных типов пространственных корреляторов пространства центрированности именно трансграничные сети глобальных городов наилучшим образом отражают то, что глобальные города — это функции глобальных сетей. Санкт-Петербург лишь начинает встраиваться в эти сети, прежде всего через авиахаб «Пулково» и морские перевозки портов Усть-Луга, Приморск и Санкт-Петербург.

* Санкт-Петербургский государственный университет. 199034, Россия, Санкт-Петербург, Университетская наб., 7—9.

Поступила в редакцию 15.06.2015 г.

doi: 10.5922/2074-9848-2015-3-4

© Лачининский С. С., Семенова И. В., 2015

Ключевые слова: мировой приморский город (CWS), Санкт-Петербург, Балтийский регион, порты, приморский регион, глобальная городская область, морехозяйственная деятельность

Постановка проблемы

Приморский регион, определяемый нами в качестве особой территории, перехода от земной поверхности к морю (океану) до 200 км вглубь материка. При этом подчеркнем, что ОЭСР рекомендует определять границы приморского региона в зависимости от целей управления, внутренняя граница региона должна простираться настолько же далеко внутрь страны насколько это необходимо для прибрежного управления [1].

В этой зоне наблюдается наибольшее влияние морехозяйственной деятельности и портово-логистической инфраструктуры на местную экономику и хозяйственную специализацию данного региона. В Зеленой книге ЕС отмечается, что «вклад приморских регионов Европейского региона в создании совокупного ВВП достигает примерно 40 % и здесь проживает почти такая же доля его населения» [2]. При этом Евростат определяет приморские регионы как статистические области уровня NUTS-III, в которых более половины населения проживает не далее 50 км от моря. Стоит отметить, что в большинстве исследований фигурируют границы 150—200 км. В частности, П. Будбриджа указывает, что «прибрежные зоны занимают меньше чем 15 % поверхности Земли, но в 100 километровой полосе проживает 37 % мирового населения, а в 200 километровой полосе около 50 %. Уже к 2025 году может проживать уже $\frac{3}{4}$ мирового населения» [3]. В определенной мере границы приморских регионов весьма условны. Обращаем внимание, что плотность прибрежного населения, проживающего в 100-км прибрежной зоне в 2,5 раза выше средней мировой плотности населения [4].

В научном обороте и практике государственного управления используется широкая палитра различных определений, покрывающих эту сложную область перехода между континентальными массами суши и морской акваторией.

Так, в Стратегии развития морской деятельности Российской Федерации до 2030 г., используется понятие *прибрежно-морского компонента*, который включает приморские территории и прибрежные акватории в рамках самостоятельного единого объекта государственного управления [5].

Прибрежно-морской компонент создает предпосылки для развития регионального морехозяйственного комплекса, а также возможности использования потенциала морской деятельности для формирования «морехозяйственных территориально-производственных кластеров», зон опережающего и территориального развития. Пространственно-функциональная структура регионального морехозяйственного комплекса зависит от доминирующего вида морской деятельности. Из этого следует, что организующим центром приморского региона служит приморский мировой город как единица глобализированного геоэкономического пространства.

Санкт-Петербург, представляя собой мировой город гамма-группы, формирует вокруг себя особое географическое пространство, специализация которого детерминирована морской деятельностью. Наши расчеты показывают, что в настоящее время численность населения Санкт-

Петербургского приморского региона достигает 7,5 млн человек, а площадь 110,5 тыс. км².

А. Скотт [6] и К. О'Коннор [7] называют подобные территории «глобальными городскими областями». Основными конкурентными преимуществами для подобных областей стало наличие морской (портовой) инфраструктуры в связке с крупным аэропортом, что может стать критическим фактором в позиционировании мирового города для глобальной логистической деятельности. Показательно, что в своем исследовании роли мировых городов в глобальной логистике [7] К. О'Коннор поставил глобальный логистический регион Санкт-Петербурга на 39 позицию, что существенно выше его ранга (126) в перечне мировых городов. Сегодня совокупный грузооборот морских портов в пределах Санкт-Петербургского приморского региона достигает 195 млн тонн, где доля собственно Санкт-Петербурга — 30% [8].

Обращает на себя внимание и тот факт, что Санкт-Петербург выделяется своим контейнерным терминалом, обеспечивающим перевалку 2,52 млн TEU (50 место среди портов мира). В соответствии с мировой практикой [9] добавленная стоимость, генерируемая контейнерным портом Санкт-Петербурга в 2012 г., составила 6,4 млрд долларов (для сравнения в таких мировых городах «гамма-группы», как Джидда и Осака, эта стоимость составляет по 12 млрд долларов).

Объекты и методы

В настоящем исследовании мы исходим из того, что Санкт-Петербург как мировой приморский город (GWS) формирует вокруг себя Санкт-Петербургский приморский регион, который можно рассматривать в качестве типичной «глобальной городской области» (в понимании А. Скотта и К. О'Коннора). Границы этого региона определены нами в соответствии с внешней границей региона в 200 км от побережья (подробнее см.: [10—11]). Таким образом, как было указано выше, численность населения Санкт-Петербургского приморского региона достигает 7,5 млн человек, а площадь — 110,5 тыс. квадратных км¹.

Не случайно в практике развития портово-промышленных кластеров Китая считается, что «наиболее эффективно располагать производства не далее 200 км от крупного морского порта» [12]. Э. Б. Валев [13] на практике европейских приморских регионов развивает эту мысль. Он подчеркивает регионоформирующую роль приморских производственных комплексов, которая проявляется в активизации экономических контактов, способствующих расширению участия страны в международном разделении труда; высокому уровню инфраструктурной обустроенности и фокусировании развития в портово-промышленных центрах.

¹ Полагаем, что административный район может быть включен в рассматриваемый регион при условии, что его центр попадает в максимальную зону приморского региона. Для нашего исследования в состав Санкт-Петербургского приморского региона следует включить все районы города Санкт-Петербурга, 16 районов Ленинградской области, 4 района – в Карелии, 9 районов – в Псковской области и 8 районов – в Новгородской области.

Действительно, в последние 15 лет мы видим активизацию мирохозяйственных связей не только Санкт-Петербурга, но и Ленинградской области. Так, объем внешнеторгового оборота (по товарам) с 2000 по 2014 г. по Санкт-Петербургу увеличился в 9,77 раз, а по Ленинградской области — в 7,71 раза. При этом с 2000 по 2005 г. максимальный рост составил 2,92 раза для Санкт-Петербурга и 3,61 раза — для Ленинградской области. Уже с 2005 по 2010 г. рост составил всего 2,42 раз и 1,57 раз соответственно, а с 2010 по 2014 г. наблюдается дальнейшее выравнивание показателей города и области до 1,38 и 1,36 раз соответственно (табл. 1, 2).

Таблица 1

**Внешнеэкономические позиции Санкт-Петербурга
и Ленинградской области в 2014 г.**

Показатель	Регион	
	Санкт-Петербург	Ленинградская область
Объем экспорта товаров, млрд долларов	20,32	15,51
Объем импорта товаров, млрд долларов	29,92	4,23
Внешне-торговый оборот, млрд долларов	50,24	19,74
ВРП, млрд долларов	64,98*	18,03*
Отношение ВРП к ВТ	1,29	0,92
ВРП на душу населения, долларов	12588	10188
ВТ на душу населения, долларов	9733	11154

* 2013 г. Средневзвешенный курс рубля в 2014 г. = 38,4217.

Таблица 2

Динамика основных экономических показателей в 2000—2014 г.

Показатель	2000	2005	2010	2014
	Санкт-Петербург			
ВРП, млрд долларов*	6,723	23,800	56,649	65,699
ВТ, млрд долларов	5,143	15,030	36,350	50,240
ВРП/ВТ	1,31	1,58	1,56	1,31
	Ленинградская область			
ВРП, млрд долларов*	2,000	7,336	16,343	18,231
ВТ, млрд долларов	2,559	9,255	14,525	19,740
ВРП/ВТ	0,78	0,79	1,12	0,92

* используется средневзвешенный курс рубля за рассматриваемый год

Из таблиц 1 и 2 видно, что происходит расширение внешнеэкономической деятельности как в самом ядре региона — Санкт-Петербурге, так и в прилегающей Ленинградской области. Обращает на себя внимание тот факт, что за 14 лет происходит усиление влияния мировой экономики и внешней торговли на город и область. Они становятся внешнеэкономическими операторами РФ, через которые осуществляется до 10% внешнеторгового оборота России.

Эти тенденции можно проследить при анализе изменения позиций Санкт-Петербурга и Ленинградской области на фоне Северо-Западного макрорегиона России и страны в целом (табл. 3). Видно, что оба региона заметно выделяются не только на уровне СЗФО, но и на общенациональном. При этом Ленинградская область снижает свою зависимость от мирового рынка, а Санкт-Петербург наоборот наращивает.

Таблица 3

Оценка влияния глобализации на региональную экономику Санкт-Петербурга и Ленинградской области в 2005—2013 г.²

Регионы	Коэффициент локализации ВРП		Коэффициент локализации ВД		Коэффициент интегрированности	
	2005	2013	2005	2013	2005	2013
Ленинградская область	0,971	1,042	2,313	2,070	2,382	1,986
Санкт-Петербург	1,128	1,291	1,343	1,987	1,191	1,539
СЗФО	1,041	1,074	1,198	1,402	1,151	1,305
Россия	1,000	1,000	1,000	1,000	1,000	1,000

ВРП — валовый региональный продукт, ВД — внешнеторговая деятельность, коэффициент интегрированности — интегрированность в мировую экономику.

Важным двигателем экономического развития стали иностранные инвестиции. В 2013 г. они выросли на 24,7% по сравнению с 2012 г. и достигли 13,4 млрд долларов. Из них на обрабатывающую промышленность приходится 90%, что составляет 12,1 млрд долларов. В 2013 г. объем накопленного иностранного капитала в экономике Санкт-Петербурга составил 25 млрд долларов США, что на 21,9% больше, чем в 2012 г. [14].

В Стратегии развития Санкт-Петербурга [14] отмечается, что генеральной целью развития города является повышение его глобальной конкурентоспособности. Некоторые аспекты выделены особо: деловой центр, туристский центр, центр информационных технологий, транспортно-транзитный центр. Правильно выбранные приоритеты могут дать возможность существенно продвинуться Санкт-Петербургу не только в качестве ведущего мирового города Балтийского региона, но и выйти на передовые позиции в Европе.

Именно поэтому мы выделяем приморский мировой город Санкт-Петербург как геоэкономический узел первого порядка, ставший организующим и узловым центром всего Санкт-Петербургского приморского региона. В свою очередь, морской порт Санкт-Петербурга выступает организующим центром для мирового города.

² Коэффициент локализации экономики вычисляется как отношение ВРП на душу населения в регионе к ВРП на душу населения по всей стране. Коэффициент локализации внешнеторговой деятельности как отношение внешнеторгового оборота на душу населения в регионе к внешнеторговому обороту на душу населения по всей стране. Коэффициент интегрированности в мировую экономику считаем как отношение коэффициента локализации внешнеторговой деятельности на данный год к коэффициенту локализации экономики на этот год.

При изучении приморских мировых городов, которые мы обозначаем как CWS, были выделены пять типов приморского расположения: во внутренних морях и заливах (А); в эстуариях крупных рек при впадении в море или океан (Б); в удалении от побережья на реке (В); на побережье океана (Г); на побережье открытого моря или залива (Д). Кроме того, целесообразно ввести особый интегральный тип — расположение на важнейших мировых морских путях (Е).

Как показывают наши расчеты, из 182 мировых городов (в соответствии с классификацией Питера Тейлора [15]) 102 относятся к группе CWS, из которых: 30 — принадлежат к категории «Д», 24 — к категории «Г», 23 — к категории «А», 14 — к категории «В» и лишь 11 — к категории «Б». При этом 66 городов расположены на важнейших мировых морских путях.

Приморские мировые города Балтийского региона относятся нами к категории «А». При этом следует подчеркнуть, что, несмотря на географическую общность и единый регион позиционирования, порты Восточной части и Западной части Балтики весьма отличаются друг от друга. Фактически у них разные конкурентные ниши и рынки притяжения. Так, порты Польши, Германии, Дании, Южной Швеции и Калининградской области в большей степени ориентированы на Западную и Центральную Европу. Что же касается портов Восточной части, то они ориентированы на рынок Прибалтики, России и стран Скандинавии (табл. 4).

Таблица 4

Приморские мировые города и крупные порты Балтийского региона

CWS	Численность населения в 2012 году, тыс. человек	Расстояние от альфа-города, км	Категория мирового города	Грузооборот морского порта в 2007 г.	Грузооборот морского порта в 2012 г.	Грузооборот порта от национального сегмента (или от страны) в Балтийском регионе (2012), %	ВВП в пределах NUTS-1 (2), млрд евро
SPB	4953	706*	γ+	59,6	57,8	27,9	60,00
HEL	1060	489***	β	11,9	10,8	10,3	74,97
RIG	650	507***	β-	25,9	32,4	44,5	22,22
TAL	404	819***	γ	36,0	29,5	67,8	17,64
STO	1580	0	α-	...	5,4	6,2	131,47
COP	559	607***	β+	...	15,0*	17,2	96,08
MAL	303	611***	γ-	—	—	—	52,99
PRI	10	868*	—	74,2	74,8	36,1	16,50
YLG	3	830*	—	0	46,8	22,6	16,50
VSK	1	860*	—	0	13,6	6,6	16,50
VBG	81	870*	—	1,1	1,4	0,7	16,50
KAL	433	378**	—	15,6	12,7	6,1	8,85
VEN	42	692***	—	31,0	30,4	41,8	22,22
CLD	160	812***	—	27,4	35,2	88,5	33,31
GDK	460	419**	—	19,8	26,9	44,0	22,43
KIL	242	698****	—	4,9	1,7	3,3	77,80
ROS	203	574****	—	...	21,2	41,1	37,56
LUB	210	523*****	—	31,7	26,1	50,7	77,80

Окончание табл. 4

CWS	Численность населения в 2012 году, тыс. человек	Расстояние от альфа-города, км	Категория мирового города	Грузооборот морского порта в 2007 г.	Грузооборот морского порта в 2012 г.	Грузооборот порта от национального сегмента (или от страны) в Балтийском регионе (2012), %	ВВП в пределах NUTS-1 (2), млрд евро
GDN	248	442**	—	17,0	15,8	25,0	22,43
LIP	73	451***	—	4,0	7,4	10,2	22,22
BUT	—	—	—	—	—
HKT	77	610***	—	10,0	14,5	13,8	38,15
SHC	408	499****	—	—	19,2	31,0	14,54

SPB — Санкт-Петербург; HEL — Хельсинки; RIG — Рига; TAL — Таллинн; STO — Стокгольм; COP — Копенгаген; MAL — Мальме; PRI — Приморск; YLG — Усть-Луга; VSK — Высоцк; VBG — Выборг; KAL — Калининград; VEN — Вентспилс; CLD — Клайпеда; GDK — Гданьск; KIL — Киль; TUR — Турку; GDN — Гдыня; LIP — Лиепая; BUT — Бутинге; ROS — Росток; LUB — Любек; HKT — Хамина-Котка; SHC — Щецин

* расстояние до Москвы; ** расстояние до Варшавы; *** расстояние до Стокгольма; **** расстояние до Праги; ***** расстояние до Амстердама

Индексный метод показывает, что положение Санкт-Петербурга в системе мировых приморских городов Балтийского региона представляется условно благоприятным. Вместе с тем очевидно, что экономический потенциал явно не соответствует конкурентным преимуществам, демографическому и транспортно-логистическому потенциалу города (табл. 5).

Таблица 5

Позиционирование приморского мирового города Санкт-Петербурга в Балтийском регионе в 2012 г., %

CWS	Численность населения	Категория мирового города	Грузооборот морского порта	ВВП в пределах NUTS-1	Пассажирооборот авиахаба	Грузооборот контейнерного порта
SPB	100	γ+	100	100	100	100
HEL	21	β	19	125	154	16
RIG	13	β-	56	37	50	13
TAL	8	γ	51	29	23	8
STO	32	α-	9	219	253	...
COP	11	β+	26*	160	243	...
MAL	6	γ-	—	88	22	...

* порты Копенгагена и Мальме с 2012 г. рассматриваются вместе

Сегодня именно урбанизированные территории мировых городов становятся генераторами экономического процветания и роста. При этом приморские мировые города имеют особое конкурентное преимущество, по-

зволяющее им использовать возможности всего мирового хозяйства. Всемирный Банк отмечает, что приблизительно 1/2 общего объема мирового производства произведена и локализована в городских областях, покрывающих только 1,5% земельной площади земного шара. Действительно, локализованные на малой территории высокотехнологичные и производительные виды морехозяйственной деятельности дают возможность наращивать экономический потенциал мирового приморского города и примыкающего приморского региона. Во многом это зависит от концентрации усилий бизнеса и управления на малой территории и использование всего комплекса ее конкурентных преимуществ, включая характер геоэкономического положения (подробнее см.: [16; 17]); функционирование экстерриториальных форм экономического развития, в том числе особых экономических зон, режимов свободного порта и трансграничных регионов [18; 19], а также концентрация портовых мощностей нескольких городов на единой организационной и логистической платформе. Интересно, что именно эти возможности сегодня активно реализуются в Балтийском регионе. В качестве наиболее ярких примеров можно привести международный биотехнологический кластер «Медиконовая долина» (Копенгаген — Мальме), объединенные порты Копенгагена — Мальме, Хамина — Котка (Финляндия) и Щецин — Свиноуйсьце (Польша), а также ряд особых экономических зон в Прибалтике (свободный порт Риги, свободный порт Вентспилса, порты Лиепая и Клайпеды, особые зоны Мууги и Силламяэ) [20].

Результаты и обсуждение

Наши расчеты показывают, что мировые приморские города и приморские регионы Балтийского моря весьма отличаются по экономическому потенциалу и способности реализовывать потенциал своих приморских регионов (табл. 6).

Таблица 6

Некоторые показатели экономического развития приморских глобальных областей Балтийского региона

Область	ВВП приморского региона	ВВП GWS	ВВП на душу населения в Балтийском макрорегионе = 100	Индекс реализации экономического потенциала GWS	Индекс локализации экономики GWS
Стокгольм <i>Стокгольм</i>	131,47	99,32	248	1,87	1,41
Уусимаа <i>Хельсинки</i>	74,99	51,31	191	1,31	1,31
Ховедстаден <i>Копенгаген</i>	96,01	31,30	221	0,72	1,24
Санкт-Петербург <i>Санкт-Петербург</i>	60,0	60,0	48	0,48	0,96
Южная Швеция <i>Мальме</i>	52,92	11,40	148	0,30	0,84

Область	ВВП при-морского региона	ВВП GWS	ВВП на душу населения в Балтийском макрорегионе = 100	Индекс реализации экономического потенциала GWS	Индекс локализации экономики GWS
Эстония					
<i>Таллин</i>	17,64	5,38	52	0,15	1,00
Латвия					
<i>Рига</i>	22,22	7,06	43	0,13	1,00
<i>Всего</i>	455,25	265,77	100

На семь приморских мировых городов приходится 24,1 % численности населения и 26,5 % ВВП Балтийского региона, а вместе с прилегающими приморскими регионами — 38,2 и 45,5 % соответственно.

Расчитанный индекс реализации экономического потенциала GWS показывает, в какой мере приморский мировой город реализует свои конкурентные преимущества. Если Стокгольм — 1,87, то, значит, сам город создает сравнительно больше валового продукта, чем вес его приморского региона в численности населения. В свою очередь, Санкт-Петербург — 0,48, что указывает на сравнительно более высокий демографический потенциал города в регионе по сравнению с создаваемым валовым продуктом.

Индекс локализации экономики GWS демонстрирует положение приморского мирового города относительно национального уровня ВВП на душу населения. Видно, что Стокгольм, Хельсинки и Копенгаген представляют собой сформировавшихся лидеров региона и своих стран. Санкт-Петербург, не являющийся лидером национальной экономики, несколько проигрывает трем скандинавским столицам по уровню ВВП на душу населения.

Сильными сторонами Санкт-Петербурга стали демографический и логистический потенциал. Вместе с тем в транспортном комплексе наблюдается стагнация. Грузооборот порта остается стабильным на уровне 55—60 млн тонн, а пассажирооборот авиахаба явно не соответствует возможностям созданной инфраструктуры (новый терминал), хотя налицо рост пассажирооборота (рис.).

Анализ долей рынка по грузообороту и темпам роста рынка, выполненный с помощью матрицы Бостонской консалтинговой группы (БКГ), показывает отсутствие успешных портов, для которых была бы характерна высокая доля рынка и относительно невысокие темпы роста рынка, также из анализа выпадает группа с низкими показателями доли рынка и темпов роста рынка. Санкт-Петербург расположен в группе «лидеров», куда также вошли Таллинн и Рига, его основные конкуренты. Данные порты стали перспективными во всех отношениях и требуют дополнительного финансирования для поддержания своей доли рынка. Группу «перспективные» — с высокими темпами роста и относительно небольшой долей рынка — составляют зарубежные порты: Копенгаген с Мальмё, Хельсинки и Стокгольм.

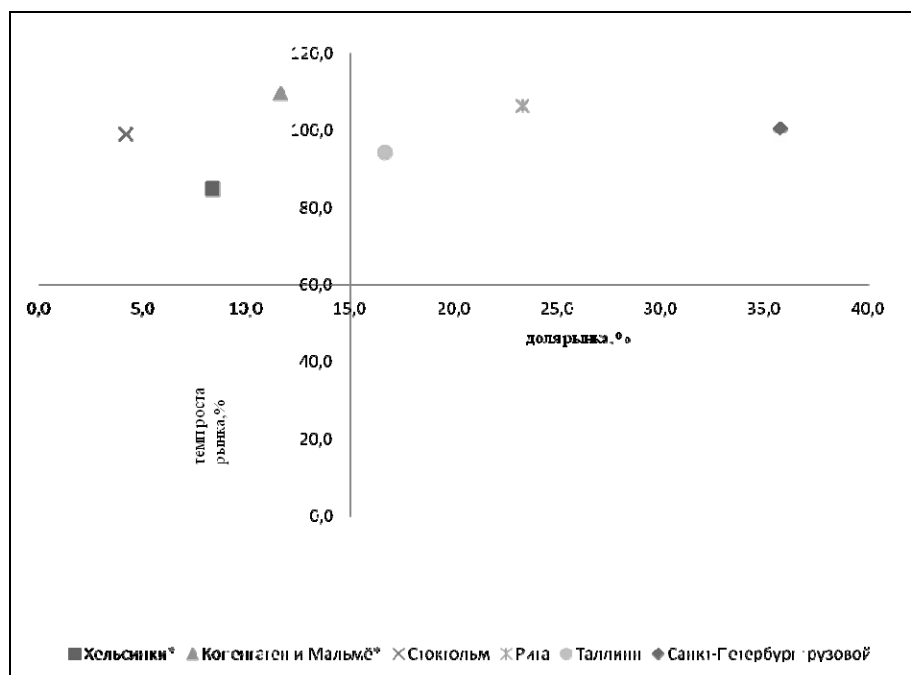

Рис. Матрица БКГ (Бостонской консалтинговой группы): классификация портов Восточной Балтики по параметрам темп роста грузооборота (%) и доля рынка, % (2013—2014 гг.)

* данные за 2007 и 2012 гг.

Итак, в Балтийском регионе выделяется семь приморских регионов, организующими центрами для которых выступают мировые приморские города (GWS) — Стокгольм, Копенгаген, Хельсинки, Рига, Таллин, Санкт-Петербург и Мальме.

Доминирующим мировым городом альфа-группы в регионе стали Стокгольм. Отметим, что потенциал Стокгольма как сформировавшегося мирового города определяется не столько морехозяйственными отраслями, сколько отраслями «новой экономики» (биотехнологии, информационный сектор, исследования по окружающей среде, туризм и наука).

Санкт-Петербург имеет свои конкурентные преимущества в регионе, которые определяются его демографическим потенциалом, грузооборотом портов, а также выгодным геоэкономическим положением — статус «морских ворот» России. Однако становится очевидно, что уровень развития современных высокотехнологических услуг и «новой экономики» здесь еще не позволяет приблизиться к трем лидерам — Стокгольму, Хельсинки и Копенгагену.

Появившиеся в 1990-е гг. научные и исследовательские центры крупных высокотехнологичных компаний *Microsoft, EMC, Oracle, Intel, Яндекс, Google, Hewlett-Packard, Motorola Mobility, EPAM, LGSoftLab, Siemens, T-Systems* создают предпосылки для развития конкурентоспособной инновационной среды и новых форм организации науки и про-

изводства в Санкт-Петербурге. У города есть потенциал для того, чтобы стать центром высокотехнологичной, современной промышленности, развить принципиально новые индустрии с опорой на местную научно-исследовательскую базу. При этом широкая международная кооперация и выход на глобальные рынки обеспечивают Санкт-Петербургу возможности реализации этого потенциала и подтверждения его статуса в качестве лидера региона.

Прогресс будет связан с форсированным наращиванием производства высокотехнологичного производства и услуг, а также с продвижением в СМИ города Санкт-Петербург и его «спутников» в качестве крупнейшего логистического, производственного, научного, сервисного и туристского центра в рассматриваемом регионе.

Статья выполнена при поддержке гранта РГНФ № 15-02-00002 и гранта РФФИ № 15-18-10000

Список литературы

1. *OECD*. Coastal zone management: integrated policies. P., 1993.
2. *Green Paper*. Towards a Future Maritime Policy for the Union: a European Vision for the Ocean. CEC. Brussels. 7.6.2006. COM (2006) 275 final.
3. *Pak Ali, Majd Farhad* Integrated coastal management plan in free trade zones, a case study // *Ocean & Coastal Management*. 2011. № 54. P. 129—136.
4. *Small, C., Nicholls, R.J.* A global analysis of human settlement in coastal zones // *Journal of Coastal Research*. 2003. Vol. 19, iss. 3. P. 584—599.
5. *Стратегия* развития морской деятельности Российской Федерации до 2030 года, утвержденная распоряжением Правительства Российской Федерации от 8 декабря 2010 г. № 2205-р.
6. *Scott, A. J., Agnew, J., Soja, E. W., Storper, M.*, Global city regions. In: Scott, A. J. (Ed.), *Global City Regions. Trends, Theory, Policy*. Oxford, 2001. P. 11—32.
7. *O'Connor Kevin* Global city regions and the location of logistics activity // *Journal of Transport Geography*. 2010. № 18. P. 354—362.
8. *Единая* государственная система информации об обстановке в мировом океане (ЕСИМО) : [Официальный сайт] URL://www.russianports.ru/index.html (дата обращения: 09.06.2015).
9. *Merk O.* (forthcoming), Meta-analysis of Port Impact Studies, OECD Regional Development Working Paper. 2013.
10. *Лачининский С. С., Семенова И. В.* Современные подходы к исследованию трансформации экономики Санкт-Петербургского приморского региона // *Вестник Санкт-Петербургского университета. Сер. 7 : Геология. География*. 2015. № 3.
11. *Лачининский С. С., Лачининский А. С., Семенова И. В.* Выделение элементов геоэкономики Санкт-Петербургского приморского региона с помощью ГИС // *География и природные ресурсы*. 2015. № 4.
12. *Могилевцев А. А.* Формирование портово-промышленных кластеров на территории приморских провинций КНР // *Региональные исследования*. 2013. № 2 (40). С. 50—76
13. *Валев Э. Б.* Проблемы развития и взаимодействия приморских территорий в Европе // *Региональные исследования*. 2009. № 1 (22). С. 11.

14. *О Стратегии* экономического и социального развития Санкт-Петербурга на период до 2030 года : Правительства Санкт-Петербурга от 13 мая 2014 года № 355. Доступ из справ. правовой системы «Гарант».

15. *The World According to GaWC* 2012. URL://www.lboro.ac.uk/gawc/world2012t.html (дата обращения: 05.06.2015).

16. Кузнецов С. В., Лачининский С. С. Современная трактовка категории «геоэкономическое положение» и ее верификация на примере Санкт-Петербургской агломерации // Балтийский регион. 2014. № 1. С. 103—121.

17. Жабров А. А., Межевич Н. М. Геоэкономическое положение Санкт-Петербурга и Ленинградской области в конце XX — начале XXI века: от периферийной барьерности к субцентральной контактности // Вестник Российской академии естественных наук (Санкт-Петербург). 2010. № 4. С. 40—42.

18. Зверев Ю. М. Мировой опыт «зон переработки импорта» и Калининградская особая экономическая зона // Регион сотрудничества. 2010. № 1. С. 13—32.

19. Федоров Г. М., Корнеевец В. С. Трансграничные регионы в иерархической системе регионов: системный подход // Балтийский регион. 2009. № 2. С. 32—42.

20. *Competitive Position of the Baltic States Ports*. KPMG Baltics SIA. 2011. URL://www.kpmg.com/EE/et/IssuesAndInsights/ArticlesPublications (дата обращения: 07.06.2015)

Об авторах

Станислав Сергеевич Лачининский, кандидат географических наук, доцент кафедры экономической и социальной географии, Санкт-Петербургский государственный университет, Россия.

E-mail: lachininsky@gmail.com

Инна Владимировна Семенова, кандидат географических наук, доцент кафедры экономической и социальной географии, Санкт-Петербургский государственный университет, Россия.

E-mail: inessa.semenova@gmail.com

SAINT PETERSBURG AS A GLOBAL COASTAL CITY: POSITIONING IN THE BALTIC REGION

S. Lachninsky*, I. Semenova*

*Saint Petersburg State University
7—9 Universitetskaya nab., Saint Petersburg, 199034 Russia

Submitted on June 15, 2015

The Baltic region consists of coastal areas of nine countries — Russia, Estonia, Latvia, Lithuania, Poland, Germany, Denmark, Sweden, and Finland. The region's hubs are the port cities located along the Baltic Sea coast. However, Peter Taylor

and Saskia Sassen's classification identifies higher status cities and 'global cities', which are to be considered in the global context.

Seven coastal regions are distinguished within this region, whose organising centers are the global coastal cities of Stockholm, Copenhagen, Helsinki, Riga, Tallinn, St. Petersburg, and Malmö. The concept of a "global city-region" (Sassen) can be used as a methodological framework for analyzing this connection. Within this hierarchy, the dominant alpha group global city is Stockholm.

The authors argue that, as a global coastal city, St. Petersburg forms the St. Petersburg coastal region, which can be defined as a typical "global city region". The index method shows that the position of St. Petersburg in the system of global coastal cities of the Baltic region is relatively favorable in view of its transport, logistics, and demographic potential and the advantageous geo-economic situation.

St. Petersburg has certain competitive advantages in the region brought about by its demographic potential, port freight capacity, and the favorable geo-economic position of the "sea gate" of Russia. However, the level of high-tech services and 'new economy' development is not sufficient for the port to become a match for the top three cities (Stockholm, Helsinki, and Copenhagen). This is increasingly important because transboundary global city networks demonstrate that global cities are functions of global networks. Saint Petersburg is just starting to integrate into these networks through the Pulkovo airline hub and seaports of Ust-Luga, Primorsk, and Saint Petersburg.

Keywords: global coastal city, St. Petersburg, Baltic region, ports, coastal region, global urban area, marine economy.

References

1. Coastal zone management: integrated policies, 1993, *OECD*, Paris.
2. Green Paper. Towards a Future Maritime Policy for the Union: a European Vision for the Ocean, 2006, *COM*, no. 275 final, 7.6.2006.
3. Pak, A., Majd F. 2011, Integrated coastal management plan in free trade zones, a case study, *Ocean & Coastal Management*, no. 54, p.129—136.
4. Small, C., Nicholls, R.J. 2003, A global analysis of human settlement in coastal zones, *Journal of Coastal Research*, Vol. 19, no. 3, June 2003, p. 584—599.
5. *Strategija razvitija morskoy dejatel'nosti Rossijskoj Federacii do 2030 goda, utverzhennaya rasporyazheniem Pravitel'stva Rossijskoj Federacii ot 8 dekabrya 2010 g. № 2205-r* [The development strategy of maritime activities of the Russian Federation to 2030 approved by the Federal Government of December 8, 2010 № 2205-r], 2010, Moscow.
6. Scott, A. J., Agnew, J., Soja, E. W., Storper, M., 2001, Global city regions. In: Scott, A. J. (ed.), *Global City Regions. Trends, Theory, Policy*, Oxford University Press, Oxford, p. 11—32.
7. O'Connor, K. 2010, Global city regions and the location of logistics activity, *Journal of Transport Geography*, no. 18, p. 354—362.
8. *Oficial'nyj sajt «Edinaja gosudarstvennaja sistema informacii ob obstanovke v mirovom okeane» (ESIMO)* [The official website for "Unified state system of information on the world's oceans" (ESIMO)], available at: URL://www.russianports.ru/index.html (accessed 9.06.2015).
9. Merk, O. (forthcoming), 2013, Meta-analysis of Port Impact Studies, *OECD Regional Development Working Paper*.
10. Lachininsky, S. S., Semenova, I. V. 2015, *Sovremennye podhody k issledovaniju transformacii jekonomiki Sankt-Peterburgskogo primorskogo regiona* [Mod-

ern approaches to the study of the transformation of the economy of St. Petersburg Primorsky region], *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Serija 7: Geologija. Geografija* [Bulletin of St. Petersburg State University. Series 7: Geology. Geography], no. 3.

11. Lachininsky, S. S., Lachininsky, A. S., Semenova, I. V. 2015, Vydelenie jelementov geojekonomiki Sankt-Peterburgskogo primorskogo regiona s pomoshh'ju GIS [Select elements of geo-economics of the St. Petersburg Primorsky region through GIS], *Geografija i prirodnye resursy* [Geography and natural resources], no. 4.

12. Mogilevtsev, A. A. 2013, Formirovanie portovo-promyshlennykh klasterov na territorii primorskih provincij KNR [Formation of the port and industrial cluster in the coastal provinces of China], *Regional'nye issledovanija* [Regional studies], no. 2 (40), p. 50—76.

13. Valev, E. B. 2009, Problemy razvitija i vzaimodejstvija primorskih territorij v Evrope [Problems of development and interaction of the coastal areas in Europe], *Региональные исследования*, no. 1 (22), p. 11.

14. *Postanovlenie Pravitel'stva Sankt-Peterburga ot 13 maja 2014 goda N 355 «O Strategii jekonomicheskogo i social'nogo razvitija Sankt-Peterburga na period do 2030 goda»* [Resolution of the Government of St. Petersburg on May 13, 2014 N 355 "On the Strategy for Economic and Social Development of St. Petersburg for the period till 2030"], 2014, Saint Petersburg.

15. The World According to GaWC 2012, 2012, available at: URL://www.lboro.ac.uk/gawc/world2012t.html (accessed 5.06.2015).

16. Kuznetsov S. V., Lachininsky, S. S. 2014, Modern understanding of 'geo-economic position' and the Saint Petersburg agglomeration, *Balt. Reg.*, no. 1, p. 79—92. DOI: 10.5922/2079-8555-2014-1-7.

17. Zhabrev, A. A., Mezhevich, N. M. 2010, Geojekonomicheskoe polozhenie Sankt-Peterburga i Leningradskoj oblasti v konce XX — nachale XXI veka: ot periferijnoj bar'ernosti k subcentral'noj kontaktности [Geo-economic position of St. Petersburg and Leningrad region at the end of XX — beginning of XXI century: from the periphery to the barrier subsentralnoy sociability], *Vestnik Rossijskoj akademii estestvennykh nauk* [Bulletin of the Russian Academy of Natural Sciences], Saint Petersburg, no 4, p. 40—42.

18. Zverev, Yu. M. 2010, Mirovoj opyt «zon pererabotki importa» i Kalinigradskaja osobaja jekonomicheskaja zona [World experience "import processing zones" and the Kaliningrad special economic zone], *Region sotrudnichestva* [Region cooperation], no. 1, p. 13—32.

19. Fedorov, G. M., Korneevets, V. S. 2009, Trans-Border Regions in the System of the Regional Hierarchy: the Systemic Approach, *Balt. Reg.*, no. 2, p. 26—33. DOI: 10.5922/2079-8555-2009-2-3.

20. Competitive Position of the Baltic States Ports, 2011, *KPMG Baltics SIA*, November, available at: www.kpmg.com/EE/et/IssuesAndInsights/ArticlesPublications (accessed 07.06.2015).

About the authors

Dr Stanislav Lachninsky, Associate Professor, Department of Economic and Social Geography, Saint Petersburg State University, Russia.

E-mail: lachininsky@gmail.com

Dr Inna Semenova, Associate Professor, Department of Economic and Social Geography, Saint Petersburg State University, Russia.

E-mail: inessa.semenova@gmail.com

УДК 502/504

**МОДЕЛЬНАЯ СТРУКТУРА
И СОДЕРЖАНИЕ
КОМПЛЕКСНОГО
МОРСКОГО ПЛАНА
НА ПРИМЕРЕ
КАЛИНИНГРАДСКОЙ
ОБЛАСТИ**

В. М. Мякиненков *

П. П. Спири **

Ю. С. Вязилова **

* Санкт-Петербургский
государственный университет.
199034, Россия, Санкт-Петербург,
Университетская наб., 7—9.

** ОАО «ОМСКНЕФТЕХИМПРОЕКТ»
197342, Россия, Санкт-Петербург,
Торжковская ул., 5.

Поступила в редакцию 14.04.2015 г.

doi: 10.5922/2074-9848-2015-3-5

© Мякиненков В. М., Спири П. П.,
Вязилова Ю. С., 2015

Изложены результаты научно-исследовательской работы по обоснованию методологии построения модельной структуры морского плана на примере акватории Балтийского моря, примыкающей к Калининградской области, выполненной в 2012—2013 гг. по заказу Министерства экономического развития Российской Федерации.

В основу методологии этой работы положены имеющиеся правовые акты в области использования морского пространства, природопользования, а также опыт зарубежных стран по морскому планированию. Поскольку морское планирование тесно связано с территориальным планированием в работе было уделено внимание вопросам их стыковки для целей разработки морских планов. Выявлена необходимость проведения законодательной работы по адаптации морского планирования в действующую правовую систему, регулирующую полномочия органов власти различных территориальных уровней в области стратегического планирования.

Структура, содержание морского плана и методические подходы к обоснованию планируемых мероприятий основаны на действующих нормативно-правовых документах, литературных и картографических материалах применительно к объекту исследования. Основным результатом исследования стало установление акваториальных функциональных зон федерального, регионального и местного значения.

Научная ценность работы связана с дальнейшим развитием методологии стратегического планирования в части планирования развития морского пространства. Практическая значимость определяется обоснованием правового и методического инструментария для морского пространственного планирования.

Ключевые слова: территориальное планирование, морское планирование, территория, морская акватория

В Стратегии развития морской деятельности Российской Федерации до 2030 г. поставлена задача развития интегрального межотраслевого управления на всех территориальных уровнях. При этом морепользование рассматривается как целостный объект управления, направленного на преодоление конфликтности между видами пользования и сохранение морской среды. Для реализации этой задачи необходимо разработать схемы морского пространственного (акваториального) планирования (далее — морское планирование, морской план) [1; 2].

Очевидно, что в соответствии с новым законом «О стратегическом планировании в Российской Федерации» морское планирование должно быть скоординировано с территориальным планированием. По крайней мере, в части решения вопросов развития прибрежных акваторий и приморских территорий. За последние 10 лет в России накоплен значительный опыт по разработке и реализации документов территориального планирования. Действует законодательная база, имеется методика их разработки [3].

Поскольку функция планирования выступает полномочием органов власти и результатом планирования стала подготовка проекта нормативного правового акта, то первым шагом по реализации поставленной в Стратегии задачи является подготовка правового инструментария морского планирования. Однако в имеющихся публикациях не ставится задача разработки правовой базы этого вида деятельности [4—6]. Постановка задач, требования и последовательность разработки планируемых мероприятий, порядок согласования и утверждения документов морского планирования должны основываться на правовых положениях, определяющих полномочия и функции органов власти, заказывающих и утверждающих эти документы.

Для реализации этих задач в 2012—2013 гг. рядом организаций по заказу Минэкономразвития Российской Федерации была выполнена научно-исследовательская работа по обоснованию правового инструментария морского планирования и модельной структуры морского плана на примере акватории Балтийского моря, примыкающей к Калининградской области при участии авторов настоящей статьи [9; 10].

Работа выполнялась на основе учета опыта территориального планирования, использования действующей правовой базы в области морского права и рационального природопользования [1; 2; 4; 6], а также зарубежного опыта по морскому планированию. В частности был проанализирован опыт Германии [14; 15], где территориальное и морское планирование осуществляется единым государственным органом.

Основные проблемы разработки законодательной базы

Разработка правового инструментария морского планирования осложняется рядом недостатков и противоречий в существующей правовой базе. Ниже сформулированы главные из них.

Реализация Стратегии развития морской деятельности осуществляется в рамках государственных программ, включающих целевые программы и подпрограммы, которые, в свою очередь, могут содержать ведомственные целевые программы и отдельные мероприятия органов государственной власти. Однако в законе «О стратегическом планиро-

вании» не обозначено место морского планирования в системе документов стратегического планирования.

Неясен вопрос о видах деятельности, учитываемых при морском планировании. В Стратегии развития морской деятельности названы девять видов морской деятельности: морские и смешанные перевозки, промышленное рыболовство, освоение морских минеральных и энергетических ресурсов, управление морским природопользованием, морские научные исследования, военно-морская деятельность, защита и охрана государственной границы на море и морского пограничного пространства, морских ресурсов, находящихся под юрисдикцией РФ, судостроение, обеспечение безопасности морской деятельности. Морское планирование входит в состав управления морским природопользованием. При этом некоторые виды морской деятельности могут осуществляться на суше, например судостроение. Большая часть видов морской деятельности ориентирована на решение федеральных задач в соответствии с полномочиями Российской Федерации.

В то же время Водный кодекс Российской Федерации предусматривает около 30 видов водопользования, включая морепользование, которые регулируются на федеральном, региональном и местном уровнях власти путем разработки соответствующих нормативно-правовых актов. В Водном кодексе, как и в других законах, отсутствует понятие «морское планирование».

Проблема учета всех видов пользования в морском планировании трудно решается в связи с разделением полномочий различных уровней власти по отдельным видам деятельности. Более того, например, схемы территориального планирования Российской Федерации разрабатываются применительно к размещению объектов одной отрасли (по заказу конкретного министерства). Разработка комплексных схем охраны природы и рационального природопользования по существующему законодательству не предусмотрена, хотя они выполнялись в советское время.

Направления совершенствования правовой и методической базы

Целью морского планирования должно стать планирование взаимосвязанных мероприятий в части комплексного природопользования на морском пространстве. Планируемые мероприятия отображаются на схеме (морском плане). Указанная схема и прилагаемые к ней основные положения (текстовая часть) составляют основу проекта нормативного правового акта, после утверждения которого разрабатывается программа реализации утвержденных в этом документе мероприятий. Поэтому необходимо учитывать все виды пользования, а не только включаемые в морскую деятельность.

В связи с вышесказанным необходима работа по встраиванию морского планирования в существующую правовую систему. Основными направлениями этой работы являются:

1. В области экологического законодательства: учет в отдельных законах экологического характера морского планирования как важного инструмента экологического развития.

2. В области законодательства о стратегическом планировании: определение места документов по морскому планированию в общей системе документов стратегического планирования с указанием требования комплексного планирования развития приморских территорий и прибрежных акваторий.

3. В области законодательства о разделении полномочий органов государственного и муниципального управления различных территориальных уровней: конкретизация полномочий органов государственной власти Российской Федерации, органов государственной власти приморских субъектов Российской Федерации и органов местного самоуправления по регулированию использования морского пространства и прибрежных территорий; создание структур управления субъектами морского планирования.

4. Особо важное значение имеет координация морского планирования с видами градостроительной деятельности, которые регулируются Градостроительным кодексом.

Прежде всего необходима стыковка документов территориального планирования в соответствии с действующей редакцией Градостроительного кодекса Российской Федерации и новых документов комплексного морского планирования. Вопросы, требующие совместных решений и регулирования в документах территориального и морского планирования:

— предотвращение возможного загрязнения морской акватории вследствие загрязненного стока рек;

— организация особо охраняемых природных территорий, включающих морскую составляющую или расположенных во внутренних водах или территориальном море; особо охраняемых водных объектов. Вопросы установления и соблюдения особых режимов охраны и защиты с ограничением некоторых видов хозяйственной деятельности, которые могут оказать негативное воздействие на территорию и акваторию;

— развитие транспортной сети и размещение портовых сооружений, включая логистические центры на побережье;

— строительство линейных объектов в морской акватории (транзитных или тупиковых) и выхода их на побережье;

— вопросы создания земельных участков на искусственно созданных островах;

— развитие марикультуры и размещение перерабатывающих производств;

— рекреационное использование прибрежного морского пространства и побережья и др.

Разумеется, существуют и другие вопросы, требующие правового регулирования.

Модельный план морской акватории

С учетом приведенных выше положений был разработан модельный план российского сектора юго-восточной части Балтийского моря, примыкающей к Калининградской области. Поскольку остаются нерешенными многие правовые и методические вопросы морского планирования основное внимание было уделено функциональному зонированию морской акватории.

В основу решения задачи разработки модельного плана положены документы международного морского права, нормативно — правовые акты Российской Федерации и Калининградской области, фондовые и архивные материалы, литературные источники [11—13].

Работа по модельному проекту функционального зонирования Балтийского моря выполнена с применением геоинформационных технологий в программе *MapInfo*, масштаб 1:100 000. В электронную версию проекта включены соответствующие картографические слои и семантические базы данных. Картографические материалы обеспечивают систематизацию и наглядное представление тематической информации на единой топографической основе.

Состав информационного обеспечения формируется на основе географической модели акватории и включает пять блоков: природно-ресурсный, природоохранный, экологический; социально-экономический, историко-культурный, нормативно-правовой.

Алгоритм решения данной задачи содержал последовательное выполнение следующих этапов:

— анализ и комплексная оценка современного использования акватории по виду и характеру морской деятельности, пространственной ее локализации;

— установление ограничений, определенных международными и федеральными законами по видам использования акватории, интенсивности деятельности, характеру воздействия на природную морскую среду;

— выработка приоритетов видов использования акватории исходя из принципа предусмотрительности и минимизации негативного воздействия на природную морскую среду;

— установление границ функциональных зон как по горизонтали, так и по вертикали с учетом требований охраны окружающей морской среды и выбранных приоритетов по видам использования.

Источники исходных данных для подготовки проекта документа морского планирования включают информационные ресурсы органов государственной власти, отраслевые базы данных, а также другие источники (табл. 1).

Таблица 1

**Основные источники исходных данных
для подготовки документов морского планирования**

Источник информации	Обладатель (или разработчик информации)	Информационный ресурс	Доступность информации
Федеральная государственная информационная система территориального планирования ФГИС ТП	Министерство экономического развития Российской Федерации	Обеспечивается доступ к государственным и муниципальным информационным ресурсам	Доступ к информационным ресурсам открыт

Источник информации	Обладатель (или разработчик информации)	Информационный ресурс	Доступность информации
Единая государственная система информации об обстановке в Мировом океане ЕСИМО ФЦП	Минтранс Российской Федерации, Федеральное агентство морского и речного транспорта; Научно-исследовательские организации	База данных с графическими материалами, текстовым описанием характеристик морей, морских портов, международных транспортных коридоров	Доступ к информационным ресурсам открытый
Статистические сборники, научно-технические отчеты ведомственных организаций, стратегии и программы социально-экономического развития	Роскомстат, отраслевые организации; научно-исследовательские институты	Данные, необходимые для оценки социально-экономического потенциала (реестр предприятий и их дислокация, характеристика производственных объектов прибрежной зоны, численность населения в населенных пунктах приморской территории и др.)	Доступ к ресурсам преимущественно платный, доступ к ведомственным базам данных затруднен
Мониторинг состояния морской среды	СЗ УГМС Рогидромета; Территориальные управления по гидрометеорологии и контролю природной среды; Федеральное агентство по рыболовству; научно-исследовательские организации	Показатели мониторинга загрязняющих веществ в воде и донных осадках, химических, гидрофизических, биологических исследований	Доступ к информационным ресурсам ограничен
Мониторинг состояния морских биологических ресурсов	Федеральное агентство по рыболовству, территориальные агентства, научно-исследовательские организации	В настоящее время база данных не сформирована, имеются лишь результаты локальных исследований	—
Реестр и карты особо охраняемых природных территорий Правовые и законодательные акты	Министерство природных ресурсов и экологии Российской Федерации Территориальные комитеты по природопользованию	Базовые данные по охраняемым объектам и их пространственному расположению	Доступ к информационным ресурсам открытый
Электронные географические тематические атласы	—	Систематическое собирание карт, выполненных по единой программе	Доступ к информационным ресурсам открытый

Окончание табл. 1

Источник информации	Обладатель (или разработчик информации)	Информационный ресурс	Доступность информации
Атлас использования прибрежных акваторий российской части Ю-В Балтики	Балтийский федеральный университет имени Иммануила Канта	Тематические карты	Доступ к информационным ресурсам открытый
BSPA HELCOM Map and data Service	—	Экологическая сеть Балтийского моря, международные транспортные коридоры	Доступ к информационным ресурсам открытый

Следует отметить, что накопленные информационные ресурсы различных организаций и отраслевых ведомств в Российской Федерации в силу своей разрозненности и разнотипности чаще всего бывают труднодоступны для проектировщиков, в связи с чем необходим механизм, обеспечивающий всем заинтересованным сторонам доступ к информации.

Ниже перечислены основные особенности данного модельного плана.

1. В модельном проекте морском плане рассмотрены следующие категории морских пространств: исключительная экономическая зона, территориальное море Российской Федерации, внутренние морские воды (российские части акваторий Вислинского и Куршского заливов). Около 50% рассматриваемой акватории входит в состав исключительной экономической зоны, что требует регулирования морских видов деятельности на федеральном (национальном) уровне с учетом норм международного морского права.

2. Анализ современного использования и ограничений по использованию акватории позволяет сделать следующие общие выводы:

а) планировочный каркас акватории российской части Юго-Восточной Балтики определяется основными международными судоходными путями и постоянен в пространстве. Зоны судоходства федерального и международного значения — приоритетные зоны, являющиеся ограничением для всех остальных видов морской деятельности;

б) зоны военно-морской деятельности локализуются на отдельных участках акватории и относятся к запретным районам;

в) при совмещении нескольких видов морской деятельности и водопользования возможны конфликты, приводящие к серьезному экономическому и экологическому ущербу (уничтожение нерестилищ при размещении объектов капитального строительства в прибрежной зоне), ухудшение качества воды, нарушение рельефа дна, размыв берегов при осуществлении строительных работ и др.);

г) в зонах подводного трубопроводного транспорта и кабелей возможно осуществление других видов деятельности на поверхности морской акватории и водной толщи, не затрагивающие дна водоема;

д) акватория прибрежной зоны испытывает высокую антропогенную нагрузку (деятельность морского порта, нефтедобывающего предприятия и др.), что приводит к снижению рекреационной ценности как самой акватории, так и приморских территорий Калининградской области;

ж) существующие особо охраняемые природные территории (акватории) не формируют природоохранную сеть, что требует создания новых природоохранных объектов, включающих экологически ценные участки акваторий (места нереста ценных промысловых видов рыб, места миграционных стоянок водоплавающих птиц, места концентрации ценных видов животного мира);

з) для обеспечения сохранности морских биологических ресурсов и охраны водной среды от загрязнения необходимо обеспечение оптимального соотношения зон активных видов водопользования и зон «покоя», то есть с минимальными антропогенными нагрузками;

и) зонирование акваторий осуществлялось в границах:

— для федерального уровня — в границах акватории территориального моря и внутренних морских вод Балтийского моря и в границах исключительной экономической зоны Российской Федерации;

— для субъектов Российской Федерации — в пределах морских границ Российской Федерации;

— для муниципальных образований (районов, городских округов и поселений) — в границах зон прибрежного плавания и хозяйственных интересов в области морепользования физических и юридических лиц, зарегистрированных в данном муниципальном образовании (рис.).

Предложения по функциональному зонированию сделаны на основе комплексного анализа современного использования акватории Балтийского моря, программных отраслевых документов, определяющих основные направления развития различных видов морской деятельности, оценки экологического состояния и проблемных ситуаций, возникающих при наложении нескольких видов морской деятельности на одном участке морской акватории [1; 8; 11; 12].

В основу механизма выделения границ функциональных зон взяты градостроительные принципы территориального планирования. Выделяется три уровня управления морепользованием: федеральный, региональный, муниципальный (табл. 2). Зоны хозяйственного и иного использования распределяются по принципу приоритетности для каждого из уровней.

В проекте модельного морского плана в исключительной экономической зоне предложено также выделение трансграничных зон защиты и сохранения морской среды от загрязнения, регламенты использования которых должны учитывать международный опыт морского планирования в области сохранения биоразнообразия [14; 15].

Функциональное зонирование стало главной составной частью морского плана. Остальные его разделы могут быть конкретизированы после разработки соответствующего правового инструментария.

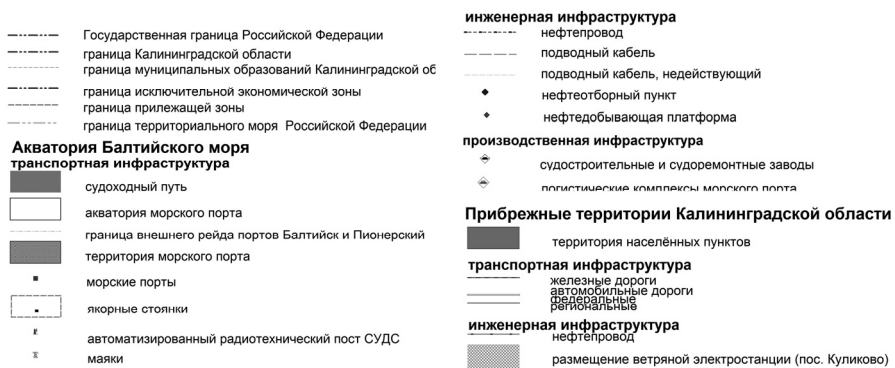
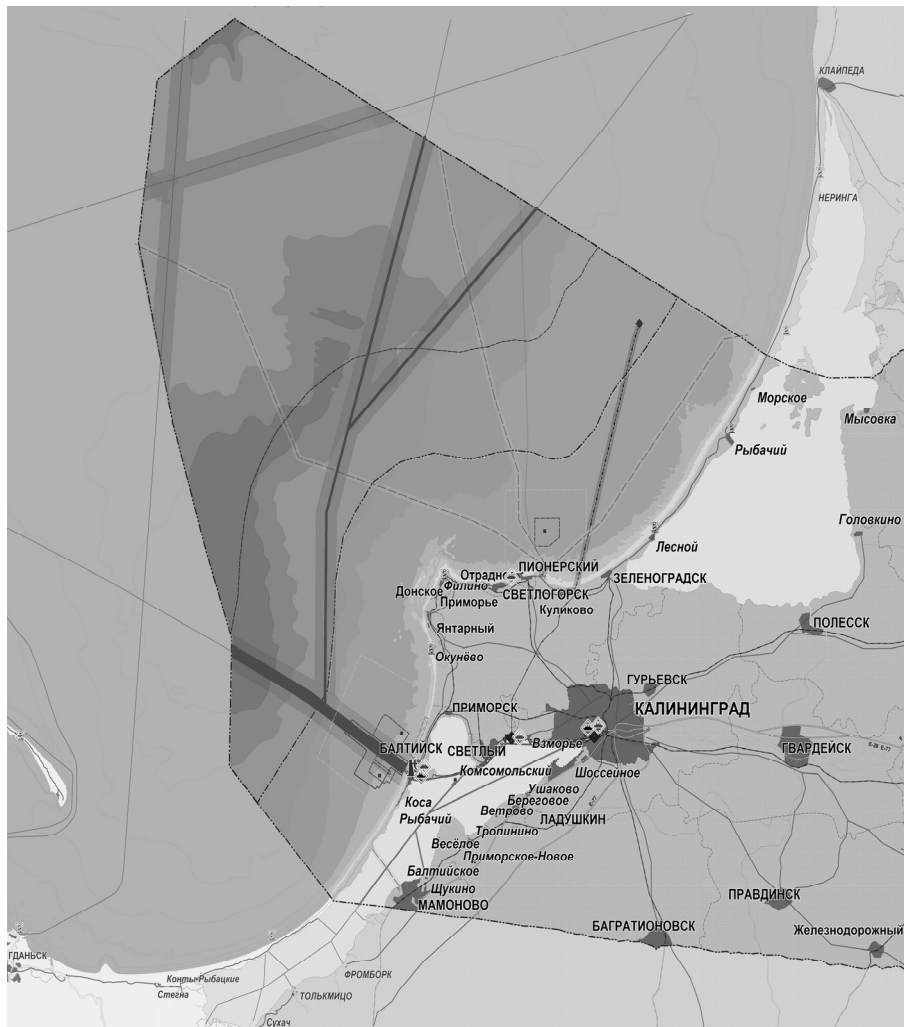

Рис. Схема современного инфраструктурного обустройства акватории Балтийского моря и прибрежной территории Калининградской области

Таблица 2

Классификация функциональных зон морской акватории Балтийского моря

Категории морских акваторий Юго-Восточной Балтики	Функциональные зоны
<i>Федеральный уровень</i>	
Исключительная экономическая зона	Зона обеспечения национальной безопасности; Зона судоходства; Зона подводных кабелей и трубопроводов; Зона промыслового рыболовства; Зона охраняемых морских комплексов и охраны мест обитания ценных видов рыб, птиц, морских животных; Трансграничные зоны защиты и сохранения морской среды от загрязнения, сохранения водных биоресурсов
Территориальное море	Зона судоходства; Зона подводных кабелей и трубопроводов; Зона особо охраняемых природных территорий федерального значения; Зона военно-морской деятельности; Зона добычи углеводородных ресурсов
Внутренние морские воды и прибрежные территории	Акватории и территории морских портов и подходные каналы; Зона курортов федерального значения; Зона размещения объектов береговой инфраструктуры трубопроводного транспорта
<i>Региональный уровень</i>	
Территориальное море	Зона особо охраняемых природных территорий регионального значения; Зона защиты и сохранения морской среды от загрязнения; Зона прибрежного рыболовства; Зона рекреационного использования (яхтинг, рекреация на островах и в береговой зоне); Зона ведения аквакультуры; Зона размещения объектов инженерной и транспортной инфраструктуры регионального значения
Внутренние морские воды и береговая зона	Зона охраняемых природных территорий регионального значения; Зоны нереста промысловых видов рыб; Зона рекреационного использования; Зона ведения аквакультуры; Зона любительского и спортивного рыболовства; Зона размещения объектов инженерной и транспортной инфраструктуры; Зона добычи распространенных полезных ископаемых
<i>Муниципальный уровень</i>	
Внутренние морские воды, береговая зона	Рекреационные зоны местного значения; Зоны строительства на намывных территориях; Зона строительства гидротехнических сооружений; Зона берегоукрепления; Зона добычи строительных материалов; Зона стоянок маломерных судов; Другие зоны в соответствии с полномочиями муниципальных образований

Выводы

1. Морское пространственное планирование стало новым видом стратегического планирования. Основным его результат — стратегический план использования морского пространства в виде функционального зонирования морской акватории. После законодательного утверждения Схемы морского планирования требуется разработка программы реализации в виде конкретных мероприятий в рамках полномочий соответствующего органа власти. Однако для этого требуется значительная работа по совершенствованию действующей правовой базы.

2. Анализ условий практической реализации идеологии морского пространственного планирования показал необходимость стыковки документов территориального планирования и морского планирования, особенно в части рационального природопользования, а также внесение изменений и дополнений в другие правовые акты с учетом специфики морского планирования.

3. Были обозначены основные методические подходы к разработке таких документов и приложен модельный план на примере акватории юго-восточной части Балтийского моря, представленный на рисунке.

4. Предложенный проект методологии построения комплексного морского плана может быть использован при формировании научно-методической базы комплексного морского планирования акваторий Российской Федерации и по мере его применения в реальной практике будет совершенствоваться.

Список литературы

1. *Стратегия* развития морской деятельности Российской Федерации до 2030 года, утверждена распоряжением Правительства Российской Федерации от 8 декабря 2010 года № 2205-ФЗ.
2. *Зеньков А. Ф., Исмаилов А. И.* О морской доктрине Российской Федерации до 2030 года и концепции федерального закона о государственном управлении морской деятельностью // *Навигация и гидрография*. 2013. № 35. С. 8—17
3. *Варгина Т. В., Мякинников В. М.* Градостроительный кодекс РФ // *Управление развитием территорий*. 2008. № 1. С. 17—20.
4. *Митягин С. Д.* Морское планирование — новое направление пространственной организации Российской Федерации // *Вестник Зодчий* 21 век. 2012. № 4(45). С. 4—7.
5. *Митягин С. Д.* Сегодня и завтра морского пространственного планирования // Там же. 2014 № 1(50). С. 38—45.
6. *Покровский И. Ф., Овлащенко А. В.* Морское пространственное планирование и методология КУПЗ: Нуждается ли в них Россия (к обсуждению проекта стратегии развития морской деятельности до 2020 года и на более отдаленную перспективу) // *Юридический мир*. 2010. № 2. С. 31—37.
7. *Гогоберидзе Г. Г.* Балтийское море: приморские регионы и их морехозяйственный потенциал // *Экономические стратегии*. 2009. Т. 11. № 8. С. 150—155.
8. *Гогоберидзе Г. Г., Домнина А. Ю.* Возможные конфликты между видами морской деятельности в акваториях российской части юго-восточной Балтики и разработка рекомендаций по их предотвращению // *Ученые записки Российского государственного гидрометеорологического университета*. 2010. № 12. С. 132—151.

9. *Мякиненков В. М.* Вопросы функциональной совместимости территориального и морского планирования // Вестник Санкт-Петербургского университета. Сер. 7 «Геология, география». 2013. № 3. С. 153—160.

10. *Мякиненков В. М.* Основные подходы к формированию инструментария и методические особенности морского пространственного планирования // Балтийский регион. 2013. № 1. С. 41—53.

11. *Мосин О. В.* Основные экологические проблемы Балтийского моря и пути их решения // Балтийский регион. 2011. № 1. С. 41—53.

12. *Клемешев А. П., Федоров Г. М.* О совершенствовании управления развитием Калининградской области // Региональное сотрудничество. 2004. С. 5—20.

13. *Каленченко М. М.* Проблемы организации территориальных мер охраны морской среды в пределах юрисдикции РФ // Актуальные проблемы юридических наук : сб. статей III Всероссийской науч.-практ. конференции. Пенза, 2007. С. 146—149.

14. *Morf A.* BaltSeaPlan Report 7 — Strategies with relevance for Swedish maritime space. Gothenburg, 2012.

15. *Jacek Zaucha.* The key to governing the fragile Baltic Sea. Maritime Spatial Planning in Baltic Region and Way Forward. Riga, 2014. С. 73—86.

Об авторах

Валерий Михайлович Мякиненков, кандидат географических наук, доцент, Санкт-Петербургский государственный университет, Россия.

E-mail: myakinenkov@yandex.ru

Павел Павлович Спирин, кандидат географических наук, доцент, директор по научной работе, руководитель научно-проектного центра развития территорий и морского планирования, ОАО «ОМСКНЕФТЕХИМПРОЕКТ», Россия.

E-mail: pavelsp@list.ru

Юлия Семеновна Вязилова нач. группы территориального планирования научно-проектного центра развития территорий и морского планирования, ОАО «ОМСКНЕФТЕХИМПРОЕКТ», Россия.

E-mail: julia.vyazilova@mail.ru

MODEL STRUCTURE AND CONTENT OF A COMPREHENSIVE MARITIME PLAN: THE CASE OF KALININGRAD

V. Myakinenkov*, P. Spirin**, Yu. Vyazilova**

*Saint Petersburg State University
7—9 Universitetskaya nab., Saint Petersburg, 199034 Russia

**OMSKNEFTEHIMPROEKT
5 Torzhkovskaya st, Saint Petersburg, 197342 Russia

Submitted on April 14, 2015

The need for maritime spatial planning is articulated in the Strategy for Marine Development of the Russian Federation until 2030. However, Russian legislation contains no provisions regulating this field.

This article presents the results of a study aimed to devise a methodology for developing the model structure of a maritime plan for the Baltic Sea.

The study methodology is based on current regulations on marine use and nature management as well as international maritime planning practices. Since marine planning is closely connected with spatial planning, the study pays special attention to their convergence in developing maritime plans. The authors stress the need for legislative efforts aimed at integrating marine planning in the current legal framework for the regional authorities of different territorial levels.

The structure and contents of the maritime plan and the methodological framework for suggested measures are based on relevant regulations, publications, and maps. The main result of the study is the identification of functional offshore areas of federal, regional, and local significance.

The research significance of this study is associated with the further development of strategic planning, namely, marine planning. Its practical significance is in devising the legal and methodological framework for marine spatial planning.

Key words: spatial planning, marine planning, territory, offshore area.

References

1. *Strategija razvitija morskoj dejatel'nosti Rossijskoj Federacii do 2030 goda, utverzhdena rasporjazheniem Pravitel'stva Rossijskoj Federacii ot 8 dekabnja 2010 goda № 2205-FZ* [The development strategy of maritime activities of the Russian Federation until 2030 approved by the Federal Government of December 8, 2010 № 2205-FL], 2010, Moscow.
2. Zenkov, A. F., Ismailov, A. I. 2013, O morskoj doktrine Rossijskoj Federacii do 2030 goda i koncepcii federal'nogo zakona o gosudarstvennom upravlenii morskoi dejatel'nost'ju [About the Marine Doctrine of the Russian Federation until 2030 and the concept of the federal law on public administration maritime activities], *Navigacija i gidrografija* [Navigation and Hydrography], no. 35, p. 8—17.
3. Vargina, T. V., Myakinenkov, V. M. 2008, Gradostroitel'nyj kodeks RF [Town Planning Code of the Russian Federation], *Upravlenie razvitiem territorij* [Governance of territories], no. 1, p. 17—20.
4. Mityagin, S. D. 2012, Morskoe planirovanie — novoe napravlenie prostranstvennoj organizacii Rossijskoj Federacii [Marine planning — a new direction of the spatial organization of the Russian Federation], *Vestnik Zodchij 21 vek* [Architect Herald 21st Century], no. 4(45), p. 4—7.
5. Mityagin, S. D. 2014, Segodnja i zavtra morskogo prostranstvennogo planirovanija [Today and tomorrow, marine spatial planning], *Vestnik Zodchij 21 vek* [Architect Herald 21st Century], no. 1(50), p. 38—45.
6. Pokrovsky, I. F., Ovlachenko, A. V. 2010, Morskoe prostranstvennoe planirovanie i metodologija KUPZ: Nuzhdaetsja li v nih Rossija (k obsuzhdeniju proekta strategii razvitija morskoi dejatel'nosti do 2020 goda i na bolee otdaljonnuju perspektivu) [Marine spatial planning and ICZM methodology: Does Russia in them (to the discussion of the draft strategy of development of maritime activities to 2020 and to a more distant prospect)], *Juridicheskij mir* [Legal World], no. 2, p. 31—37.
7. Ghoghoberidze, G. G. 2009, Baltijskoe more: primorskie regiony i ih morehozjajstvennyj potencial [Baltic Sea: coastal regions and marine economic potential], *Jekonomicheskie strategii* [Economic strategies], Vol. 11, no. 8, p. 150—155.
8. Ghoghoberidze, G. G., Domnina, A. Yu. 2010, Vozmozhnye konflikty mezhdu vidami morskoi dejatel'nosti v akvatorijah rossijskoj chasti jugo-vostochnoj Baltiki i razrabotka rekomendacij po ih predotvrashheniju [Possible conflicts between

the types of maritime activities in waters of the Russian part of the south-east of the Baltic Sea and the development of recommendations for their prevention], *Uchjonye zapiski Rossijskogo gosudarstvennogo gidrometeorologicheskogo universiteta* [Scientists note by the Russian State Hydrometeorological University], no. 12. p. 132—151.

9. Myakinenkov, V. M. 2013, Voprosy funkcional'noj sovместimosti territorial'nogo i morskogo planirovaniya [Interoperability issues of territorial and maritime planning], *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Ser.7 Geologija, geografija* [Bulletin of St. Petersburg State University. Ser.7 Geology, Geography], no. 3, p. 153—160.

10. Myakinenkov, V. M. 2013, Key Strategies of Development of Research Tools and Methods for Marine Spatial Planning, *Balt. Reg.*, no. 1, p. 71—81. DOI: 10.5922/2079-8555-2013-1-7.

11. Mosin, O. V. 2011, The main environmental problems of the Baltic Sea and the ways to solve them, *Balt. Reg.*, no. 1, p. 35—47. DOI: 10.5922/2079-8555-2011-1-5.

12. Klemeshev, A. P., Fedorov, G. M. 2004, O sovershenstvovanii upravlenija razvitiem Kaliningradskoj oblasti [On improving the management of development of the Kaliningrad region], *Regional'noe sotrudnichestvo* [Regional cooperation], p. 5—20.

13. Kalenchenko, M. M. 2007, Problemy organizacii territorial'nyh mer ohrany morskoy sredy v predelakh jurisdikcii RF [Problems of organization of territorial measures to protect the marine environment within the jurisdiction of the Russian Federation]. In: Baranova, N. B., Fedoseyeva, L. V. (eds.), *Aktual'nye problemy juridicheskikh nauk* [Actual problems of jurisprudence], a collection of articles III All-Russian scientific-practical conference, Penza, September 2007, Penza, p. 146—149.

14. Morf, A. 2012, *BaltSeaPlan Report 7 — Strategies with relevance for Swedish maritime space*, Gothenburg.

15. Zaucha, Ja. 2014, *The key to governing the fragile Baltic Sea. Maritime Spatial Planning in Baltic Region and Way Forward*, VASAB, Riga, p. 73—86.

About the authors

Dr Valerii Myakinenkov, Associate Professor, Saint Petersburg State University, Russia.

E-mail: myakinenkov@yandex.ru

Dr Pavel Spirin, Associate Professor, Director for Research, Head of the R&D Centre for Territorial Development and Spatial Planning, OmskNefteKhimProekt, Russia.

E-mail: pavelsp@list.ru

Julia Vyazilova, Head of the Territorial Planning Unit, R&D Centre for Territorial Development and Spatial Planning, OmskNefteKhimProekt, Russia.

E-mail: julia.vyazilova@mail.ru

УДК 330.322.01

**ВОЗМОЖНОСТИ
И ОГРАНИЧЕНИЯ
РЕАЛИЗАЦИИ
КРУПНОМАСШТАБНОГО
ИНВЕСТИЦИОННОГО
ПРОЕКТА В НОВЫХ
ЭКОНОМИЧЕСКИХ
УСЛОВИЯХ НА ПРИМЕРЕ
МОРСКОГО ПОРТА
УСТЬ-ЛУГА**

Г. И. Поподько*
О. С. Нагаева*

* Красноярский отдел, Институт экономики и организации промышленного производства СО РАН 660036, Россия, Красноярск, Академгородок, 50

Поступила в редакцию 26.05.2015 г.

doi: 10.5922/2074-9848-2015-3-6

© Поподько Г. И., Нагаева О. С., 2015

Цель настоящего исследования заключается в поиске механизма реализации крупномасштабных инвестиционных проектов, имеющих важное народнохозяйственное значение, в современных экономических условиях, для которых характерна санкционная политика зарубежных государств, ограничение государственного бюджетного инвестирования и массовый отток иностранных инвесторов. В качестве примера крупномасштабного инвестиционного проекта рассмотрено строительство морского торгового порта Усть-Луга как многофункционального мультимодального комплекса. Это один из самых значимых проектов развития морской портовой инфраструктуры, реализуемый в последние годы. Дана оценка значимости реализации этого проекта для развития Балтийского региона, проведен конкурентный анализ положения морского торгового порта в сравнении с крупнейшими портами европейских стран. Определены возможности развития морского торгового порта Усть-Луга, основными из которых можно назвать благоприятные природно-климатические условия, удачное географическое положение, высокая заинтересованность в строительстве современного морского порта со стороны государства и региональных властей. Рассмотрены ограничения в реализации проекта строительства морского порта Усть-Луга, а именно неблагоприятная геополитическая ситуация, растущая конкуренция со стороны других морских портов, дефицит инвестиционных средств и якорных инвесторов.

На основе анализа возможных ограничений реализации проекта сделан вывод о наличии существенных рисков, основным из которых является дефицит инвестиционных ресурсов. В этих условиях для осуществления крупномасштабного инвестиционного проекта предлагается сделать упор на совершенствование государственно-частного партнерства. Это позволит, по мнению авторов, реализовать подобного рода проект в намеченные сроки.

Ключевые слова: крупномасштабный инвестиционный проект, морской торговый порт, Усть-Луга, риски, инвестиции, государственно-частное партнерство, концессия

Введение

Повышение конкурентоспособности российской экономики в условиях геополитических рисков ставит задачу по ускоренной модернизации и дальнейшему развитию морской портовой инфраструктуры как важнейшему элементу транспортной системы.

Морские порты стали одним из ключевых элементов транспортного комплекса страны, они обеспечивают связь различных видов транспорта между собой. С их участием осуществляется более 80 % внешнеторгового грузооборота России и обеспечивается экономическая взаимосвязь России примерно со 100 странами мира [2]. Однако современный уровень развития морской портовой инфраструктуры не отвечает потребностям страны в обеспечении грузоперевозок. Об этом свидетельствует тот факт, что за период с 1990 по 2013 г. объем внешней торговли вырос в 8,8 раза, в то время как объем перевозок, осуществляемый морским транспортом, сократился в 6,6 раза. В результате доля морского транспорта в общем объеме грузопотока страны уменьшилась в три раза (табл. 1).

Таблица 1

Динамика внешней торговли и морских перевозок России за период 1990—2013 г.

Показатель	1990	2000	2005	2010	2013
Объем внешней торговли, млрд долларов	95,6	149,9	368,9	648,9	844,0
Объем перевозки грузов морским транспортом, млн тонн	112	35	26	37	17
Доля морского транспорта в общем объеме грузопотока, %	0,6	0,4	0,3	0,5	0,2

Одним из перспективных направлений развития морской торговли является Балтийский регион, который в настоящее время занимает лидирующее положение в грузопотоках страны [14]. На его долю (по состоянию на 2013 г.) приходилось 36 % всех грузоперевозок, осуществляемых через морские порты страны [5].

Для сохранения лидерства морских торговых портов Балтийского региона в условиях растущей конкуренции как со стороны крупнейших европейских портов, так и прибалтийских государств, необходимо дальнейшее развитие морского торгового порта Усть-Луга, создаваемого как многофункциональное предприятие на основе использования передовых инновационных технологий. Это связано с тем, что существующие морские порты данного региона практически исчерпали возможности дальнейшего расширения. Кроме того, все они (за исключением морского порта Калининграда) имеют «замерзающие» и мелководные акватории, что существенным образом ограничивает возможность их интенсивного использования [11].

Цель данного исследования заключается в оценке возможностей и ограничений реализации крупномасштабного проекта и поиске механизма его реализации в новых экономических условиях, которые можно рассматривать скорее как угрозы, на примере создания морского торгового порта Усть-Луга.

В настоящее время порт Усть-Луга находится в стадии строительства, по окончании которого в его состав войдут 20 перегрузочных комплексов с общим грузооборотом при полной загрузке 180 млн тонн в год [1]. За счет этого будет создан крупнейший производственно-логистический кластер, то есть порт будет функционировать как мульти-модальный комплекс.

Сегодня, несмотря на то что строительство продолжается, порт способен обрабатывать любые крупнотоннажные наливные суда и океанские суда любых типов.

1. Оценка внешней конкурентной среды развития морского порта Усть-Луга

Внешняя конкурентная среда реализации проекта строительства морского торгового порта Усть-Луга формируется под влиянием следующих факторов [9; 15]:

1. Усиление процессов глобализации экономических отношений между странами и расширение международных связей.

2. Высокий уровень развития экономики стран Европы с широкими международными связями, осуществляемыми в том числе на основе морских грузо- и пассажироперевозок.

3. Пересечение торговых путей России, стран Прибалтики и Западной Европы и схожий уровень оказания услуг.

4. Расширение международной торговли европейских стран со странами Азиатско-Тихоокеанского региона, Ближнего Востока, Японии.

5. Высокий уровень развития морской портовой инфраструктуры стран Прибалтики и Европы, основанной на использовании как современного высокотехнологичного оборудования и высококвалифицированных кадров, так и благоприятных природно-климатических условий (незамерзающие и глубоководные порты).

6. Растущая конкуренция по грузо- и пассажироперевозкам между портами Балтийского и Северного морей.

Развитие морского торгового порта Усть-Луга испытывает серьезное конкурентное давление со стороны крупнейших портов Европы и стран Прибалтики [12].

Говоря о конкурентах, следует отметить морские порты Роттердама, Антверпена и Гамбурга. Их основными конкурентными преимуществами являются:

- удобное географическое расположение;
- благоприятные природно-климатические условия;
- многовековой исторический опыт развития;
- современные технологии обеспечения грузоперевозок;

- огромные мощности и развитая материально-техническая база;
- высокое качество обслуживания;
- специализация в грузоперевозках;
- высокий престиж мирового грузоперевозчика;
- ориентация на расширение грузопотока.

Однако, несмотря на планы перспективного развития морского порта Усть-Луга, даже при достижении полной проектной мощности он не сможет составить серьезной конкуренции крупнейшим морским портам Европы. Это связано с тем, что их конкурентные преимущества основаны прежде всего на природно-климатических факторах, таких как удобное местоположение; незамерзающая акватория; сложившиеся традиции ведения морских перевозок. Кроме того, крупнейшие морские порты Европы имеют развитую инфраструктуру, огромные мощности по обработке грузов, что позволяет создавать новую систему портов — хабов. Морские порты Европы представляют собой сложные инфраструктурные объекты, включающие морской, железнодорожный, автомобильный транспорт; развитую логистику; диверсифицированное промышленное производство.

Другое дело — морские порты стран Прибалтики: Эстонии, Латвии и Литвы. Морские порты этих некогда советских республик развивались как «морские ворота» Балтийского моря СССР. С приобретением независимости они стали представлять для нашей страны (и морских торговых портов Балтийского региона) серьезную конкуренцию [23]. Речь идет в первую очередь о следующих морских портах Балтийского моря:

1. Порт Клайпеда (Литва).
2. Порт Вентспилс (Латвия).
3. Порт Рига (Латвия).
4. Порт Таллинн (Эстония).

Суммарный грузооборот этих портов за период 2000—2013 г. увеличился с 97 до 132 млн тонн. При этом он вырос в 2,7 раза в Риге и в 1,9 раза — в Клайпеде. Грузооборот в морском порту Таллинна за это время остался практически неизменным, а в Вентспилсе уменьшился на 18%. За этот же период сменились лидеры морских грузоперевозок стран Прибалтики. Так, если в 2000 г. это были Таллинн и Вентспилс, то к 2013 г. — Клайпеда и Рига. Несмотря на лидирующее положение в грузоперевозках, мощности морского порта Риги используются на 77%, а Клайпеды — на 78% [5; 18].

Для ускорения развития крупных морских портов стран Прибалтики некоторым из них присвоен статус «свободной экономической зоны». Например, такой имеют порты Латвии — Вентспилс и Рига.

Статус СЭЗ обозначает, что территория порта освобождается от налогов. Инвесторы, которые приходят в «свободный порт» и начинают работать там, получают статус лицензированной компании, который дает возможность получить прямые и косвенные налоговые льготы. Это относится к уплате подоходного налога (скидка 80—100%), налога на недвижимость, НДС, акцизного налога, таможенных пошлин (скидки составляют до 100%).

Другим прогрессивным направлением развития морских портов стран Прибалтики является создание на их базе крупных логистических центров. При строительстве морского порта Усть-Луга учитываются все факторы, которые обеспечили бы его высокую конкурентоспособность с портами России и зарубежных стран [24]. Это относится как к техническому оснащению порта, так и применению экономических методов стимулирования роста грузоперевозок. В результате уже сегодня порт Усть-Луга составляет серьезную конкуренцию морским портам Прибалтийских государств. В дальнейшем этот разрыв будет только увеличиваться (табл. 2).

Таблица 2

**Соотношение объемов грузооборота морского порта Усть — Луга
в сравнении с грузопотоками крупнейших портов Прибалтики, %**

Морские порты Прибалтийских государств	Грузооборот порта Усть-Луга (%) к грузообороту порта 2013 г., факт	Грузооборот порта Усть-Луга (%) к грузообороту порта 2030 г., прогноз
Рига	170,0	360,0
Клайпеда	172,5	375,8
Вентспилс	208,9	428,5
Таллинн	230,9	529,4

Таким образом, можно говорить о том, что морской торговый порт Усть-Луга имеет серьезные конкурентные преимущества и в перспективе может рассматриваться как крупнейший порт Балтийского моря.

**2. Возможности и ограничения развития
морского торгового порта Усть-Луга**

Морской порт Усть-Луга обладает рядом бесспорных конкурентных преимуществ. Это в первую очередь его удачное расположение в Лужской губе Финского залива Балтийского моря рядом с границей Российской Федерации и Европейского Союза и в то же время в отдалении от Санкт-Петербурга с его перегруженными транспортными артериями. Данный порт обеспечивает прямой выход на европейских покупателей, что положительно влияет на развитие экономики региона и страны в целом [21]. Между тем необходимо указать на его близость к основным промышленно-развитым районам страны и центрам потребления основных импортных грузов, что существенно сокращает затраты на транспортировку. Следующим конкурентным преимуществом порта Усть-Луга являются благоприятные навигационные условия. Незамерзающий даже при самых низких температурах в этой части побережья Финский залив дает возможность круглогодичной эксплуатации порта. Период ледового паводка составляет всего около 40 дней. Причем помощь ледокола понадобится лишь в самые сильные морозы. В обычные зимы для обеспечения провоек в канале достаточно буксира ледового класса.

Среди особенностей порта также следует отметить достаточно глубокую акваторию (17,5 м) в сочетании с коротким подходным каналом (3,7 км), что делает порт Усть-Луга единственным российским портом на Балтике, способным принимать суда дедвейтом до 160 тыс. тонн. Второй подходный канал обеспечивает беспрепятственное круговое движение судов без длительного ожидания на рейде. Сильным конкурентным преимуществом морского порта Усть-Луга стала его универсальность. На данный момент в порту функционирует 18 терминалов, в том числе несколько перегрузочных терминалов, складской комплекс, автомобильно-железнодорожный паромный комплекс и контейнерный терминал. Терминалы порта могут оказывать услуги по перевалке и дополнительной обработке более 20 категорий грузов. Современное технологическое оснащение порта и надежное оборудование позволяют быстро обрабатывать различные категории грузов и выдерживать конкурентные сроки обслуживания. При этом планируется строительство еще как минимум пяти терминалов и площадок. К 2018 г., когда все планируемые терминалы будут введены в эксплуатацию, пропускная способность порта Усть-Луга должна достичь 180 млн тонн, что соответствует показателю уровня первой европейской тройки.

Еще одним конкретным преимуществом порта служит наличие собственного портфлота, что существенно повышает уровень его эксплуатационных возможностей и обеспечивает автономность. На сегодня в составе портфлота порта имеются буксиры, в том числе для работы с судами океанского класса. В дальнейшем планируется расширение портфлота также за счет приобретения и строительства специализированных судов портового класса. Немаловажным преимуществом порта Усть-Луга является и то, что грузопотоки в порт идут в обход крайне перегруженного Санкт-Петербургского транспортного узла. Одновременно со строительством порта идет развитие и сопутствующей инфраструктуры. При непосредственном участии Министерства транспорта РФ и ОАО «Российские железные дороги» активно ведется реконструкция внешних подходов к порту, автомобильных трасс и железнодорожных путей, соединяющих порт Усть-Луга с основными транспортными магистралями.

Однако, несмотря на то что порт Усть-Луга имеет достаточно много сильных сторон и конкурентных преимуществ, которые позволяют сделать его крупнейшим портом Балтийского региона, отдельное внимание следует уделять слабым сторонам и ограничениям, сдерживающим его развитие [8].

Среди основных внутренних факторов, ограничивающих развитие порта и снижающих его конкретные преимущества, необходимо отметить следующие:

1. Неготовность автомобильной инфраструктуры к возрастающим объемам грузоперевозок. Несмотря на то что проводится реконструкция существующих дорог и строительство новых, на сегодня проблема перегруженности автомагистралей еще остается. Недостатки транспортной инфраструктуры Усть-Луги препятствуют запуску построен-

ных терминалов и увеличению объема грузооборота действующих терминалов.

2. Нарушение экосистемы и загрязнение окружающей среды в районе размещения морского порта. Морская экосистема Балтийского моря очень чувствительна из-за естественных условий. В течение нескольких последних десятилетий загрязнение моря стало все более серьезным и не последнюю роль в этом играет строительство Усть-Луги. К наиболее серьезным экологическим угрозам, связанным с функционированием морского порта, можно отнести:

- эвтрофикацию, вызванную присутствием избытка питательных веществ на дне моря, особенно азота и фосфора;
- загрязнение вредными веществами, включая пестициды, тяжелые металлы, промышленные вещества, хлорированные парафины и случайные побочные продукты, такие как диоксиды;
- разрушение среды обитания представителей морской флоры и фауны;
- нефтеразливы.

3. Отсутствие должных условий проживания для работников и строителей порта. Сегодня уже строятся первые микрорайоны нового города Усть-Луга, однако проблема обеспечения работников и строителей жильем стоит особенно остро. Также невысока доля благоустроенного жилья в поселке Усть-Луга.

4. Негибкая тарифная политика. Как отмечают эксперты, залог успеха морского порта Усть-Луга заключается в том, что инвесторы терминалов порта одновременно являются грузоотправителями и будут заинтересованы в отправке грузов через свои мощности. А вот сторонние грузопотоки вряд ли поменяют направление, если инвесторы Усть-Луги не предложат конкурентные (более низкие) цены.

5. Высокая вероятность отклонения от сбалансированного и рационального использования средств на развитие портовой инфраструктуры. Реализация проекта строительства и развития морского порта Усть-Луга осуществляется на принципах государственно-частного партнерства. Координация действий множества участников проекта, нередко имеющих разные интересы, стала достаточно сложной управленческой задачей.

Наряду с внутренними ограничивающими факторами существуют также внешние факторы и угрозы, которые негативным образом могут сказаться на развитии и конкурентоспособности порта Усть-Луга.

В первую очередь это ухудшение внутренней и внешней экономической конъюнктуры, в результате чего могут замедлиться темпы роста грузооборота. Критическим фактором для развития российских морских портов остаются мировые цены на энергоносители и цветные металлы, которые формируют основную часть российских грузопотоков в данном регионе.

Кроме того, негативно на динамике развития порта могут сказаться последствия переживаемого сейчас экономического кризиса, в резуль-

тате которого снижаются объемы инвестирования портовой и сопутствующей инфраструктуры, срываются сроки ввода в эксплуатацию новых объектов на территории порта, возникают сложности с привлечением новых инвесторов.

Во многом данные ограничения определяют риски реализации проекта строительства морского порта Усть-Луга.

3. Риски реализации проекта строительства морского порта Усть-Луга

Высокие риски строительства морского порта Усть-Луга обусловлены многими факторами, а именно сложностью проекта, затратным финансированием (по оценкам Внешэкономбанка — около 700 млрд рублей [20]), участием большого количества партнеров, непредсказуем изменением геополитической ситуации и многим другим.

При анализе рисков необходимо прежде всего выделять внешние и внутренние риски реализации проекта строительства морского порта Усть-Луга как мультимодального комплекса.

Внешние риски, как отмечено в Стратегия развития морской портовой инфраструктуры России до 2030 г., — это в основном связанные с природными явлениями, макроэкономической ситуацией, реализацией внешней политики государств, в том числе посредством принятия актов международного права, и находятся вне прямого ведения Российской Федерации [1].

Внутренние риски — это риски производственного, инвестиционного и коммерческого характера, возникающие в результате деятельности в самой компании [19].

Характеристика внешних и внутренних рисков реализации проекта строительства порта Усть-Луга представлены в таблице 3.

Таблица 3

Внешние и внутренние риски реализации проекта строительства морского порта Усть-Луга

Внешние риски	Внутренние риски
<p>Макроэкономические риски:</p> <ul style="list-style-type: none"> • ухудшение внешней конъюнктуры на рынках сбыта; • санкции в отношении России и антисанкции в отношении западноевропейских стран; • снижение темпов экономического роста развитых стран и сокращение спроса на сырьевые товары; • появление «горячих» точек, затрудняющих товарообмен. 	<p>Финансовые риски:</p> <ul style="list-style-type: none"> • риск ликвидности — это риск того, что у компании возникнут сложности по выполнению финансовых обязательств; • кредитный риск — это риск возникновения финансового убытка, связанного неисполнением покупателем или контрагентом по финансовому инструменту своих договорных обязательств; • нехватка инвестиционных средств

Внешние риски	Внутренние риски
<p>Отраслевые риски:</p> <ul style="list-style-type: none"> • конкуренция между морскими портами; • отставание в развитии транспортной инфраструктуры (железных и автодорог); • отставание в развитии системы логистики; • несовершенная тарифная политика 	<p>Рыночные риски:</p> <ul style="list-style-type: none"> • валютный риск связан с осуществлением операций продаж, закупок и привлечения займов, выраженных в валюте (евро и долларах США); • процентный риск связан с изменением ключевой ставки ЦБ РФ и возможностью удорожания кредитов
<p>Инвестиционные риски:</p> <ul style="list-style-type: none"> • неблагоприятный инвестиционный климат в стране и в мире; • отсутствие или недостаточное количество якорных инвесторов; • сокращение бюджетного финансирования из-за ухудшения экономической ситуации 	<p>Инфраструктурные риски:</p> <ul style="list-style-type: none"> • ограничения, связанные с развитием портовой инфраструктуры; • дефицит портовых мощностей, ориентированных на импорт грузов; • отсутствие развитой инфраструктуры, низкое техническое оснащение пунктов пропуска грузов на границе
<p>Законодательные риски:</p> <ul style="list-style-type: none"> • отсутствие твердых гарантий государства перед инвесторами; • непринятие законов о развитии морской портовой инфраструктуры; • непринятие законов о создании в порту особой экономической зоны; • несовершенная тарифная политика; • недостаточная регламентация законодательством правовых аспектов государственно-частного партнерства в рамках осуществления инвестиционной деятельности 	<p>Кадровые риски:</p> <ul style="list-style-type: none"> • дефицит квалифицированных кадров для строительства портовых мощностей; • нехватка строителей для создания транспортно-логистического комплекса порта; • использование вахтового метода как основного способа обеспечения строительства производственных мощностей квалифицированными кадрами
<p>Экологические (техногенные) риски:</p> <ul style="list-style-type: none"> • строительство терминалов вредных производств (химического); • неэффективная переработка отходов промышленного производства; • запоздалое строительство очистных сооружений 	<p>Риски нарушения партнерских отношений:</p> <ul style="list-style-type: none"> • неисполнения обязательств; • несогласованности действий; • запоздалое финансирование; • отказ от финансирования

Как показывает анализ таблицы 3, основными рисками реализации стратегии создания порта Усть-Луга в большей степени являются внешние риски. Глобальность проекта делает его уязвимым от решения многих вопросов, которые находятся за пределами реализации проекта. Это в первую очередь геополитические риски, а также риски несовершенного законодательства РФ и инвестиционные риски, связанные с неблагоприятной экономической ситуацией в стране и в мире в целом.

Но при этом нельзя не учитывать влияние внутренних рисков реализации данного проекта. Основными из них стали следующие:

1) риск дефицита инвестиционных ресурсов (из группы финансовых рисков);

2) инфраструктурные риски;

3) кадровые риски;

4) риски нарушения партнерских отношений.

Влияние рисков выражается прежде всего в отставании ввода ряда инфраструктурных объектов, что существенно затруднит деятельность морского порта в ближайшем будущем.

Воздействие рисков сказывается на нарушении сроков выхода морского порта на проектную мощность, увеличении затрат на строительство, снижении интенсивности развития проекта, уменьшении масштаба проекта, отказе инвесторов от участия в проекте.

Поскольку большинство внешних рисков проекта по созданию и развитию морского порта Усть-Луга находятся за пределами возможностей управления с позиции нивелирования их влияния на реализацию проекта, мы можем говорить о нивелировании или уменьшению негативного воздействия только внутренних рисков.

Для этого предлагается классификация внутренних рисков строительства морского порта Усть-Луги по масштабу воздействия. В этом случае можно говорить о рисках, имеющих несущественное, существенное и катастрофическое воздействие на реализацию данного проекта (табл. 4).

Таблица 4

Классификация внутренних рисков реализации проекта строительства морского порта Усть-Луга по масштабу воздействия

Малозначимые риски	Умеренные риски	Критические риски
Ликвидность	Кредитный	Кадровый
Процентный	Валютный	Нарушение партнерских отношений
Несогласованность действий партнеров	Инфраструктурный	Нехватка инвестиционных ресурсов

В настоящее время создание развитой инфраструктуры в порту Усть-Луга является одной из первостепенных задач его развития как мультимодального комплекса [18]. При этом несвоевременное решение этой проблемы (как из-за отсутствия квалифицированных кадров, так и из-за нехватки инвестиционных ресурсов или несогласованности действий партнеров), может привести к критическим рискам.

Наличие критических рисков стало прямым сигналом в первую очередь для инвесторов, а потом и для потребителей услуг морского порта. Поэтому выявление и нивелирование подобных рисков является целью эффективного управления деятельностью по развитию порта Усть-Луга [10].

Для минимизации влияния рисков на строительство и развитие морского порта Усть-Луга необходимо разработать мероприятия, реализация которых позволит избежать возможных катастрофических последствий. Основные из них представлены в таблице 5.

Таблица 5

Мероприятия, направленные на минимизацию и нивелирование влияния внутренних рисков при строительстве морского порта Усть-Луга

Риски реализации проекта	Мероприятия по снижению влияния риска
Несо согласованность действий партнеров	1. Заключение соглашений о партнерских отношениях 2. Хеджирование рисков
Кредитный	1. Государственная поддержка проекта 2. Лимитирование 3. Увеличение количества инвесторов, в том числе частных 4. Заключение соглашений о выполнении финансовых обязательств на основе гарантий ГЧП
Инфраструктурный	1. Диверсификация в реализации инфраструктурных проектов 2. Страхование рисков
Кадровый	1. Скорейшее строительство города для проживания строителей и персонала порта 2. Заключение соглашения о подготовке специалистов с крупными вузами Санкт-Петербурга и Ленинградской области 3. Постепенный уход от вахтового метода
Нарушение партнерских отношений	1. Страхование рисков 2. Распределение рисков
Нехватка инвестиционных ресурсов	1. Широкое использование механизма ГЧП 2. Привлечение иностранных инвестиций 3. Разработка комплексных программ развития территории морского порта

Таким образом, мероприятия, направленные на нивелирование и снижение влияния внутренних рисков создания морского порта Усть-Луга, — комплексные и затратные. Их реализация требует согласованности действий государства и частных инвесторов и рассчитана на длительное время. Вместе с тем снижение рисков приведет к вводу порта Усть-Луга как мультимодального комплекса в намеченные сроки.

4. Государственно-частное партнерство как механизм реализации проекта по строительству морского порта Усть-Луга

В условиях дефицита инвестиционных ресурсов, возможной несогласованности действий партнеров, необходимости соблюдения сроков реализации проекта одним из эффективных вариантов решения названных проблем является использование механизмов государственно-частного партнерства (ГЧП) [17; 22].

В широком смысле ГЧП определяют как институциональный и организационный альянс между государством и частным бизнесом в целях реализации общественно значимых проектов [6].

Под ГЧП мы будем понимать юридически оформленное, добровольное, публичное, взаимовыгодное сотрудничество государства и частного

бизнеса, основанное на объединении ресурсов, определении прав и обязанностей участников и разделении в заранее определенных пропорциях рисков и результатов с целью наиболее эффективной реализации проектов, имеющих существенное социально-экономическое значение.

Поскольку ГЧП представляет собой взаимовыгодное сотрудничество государства и частного инвестора, участие в таком проекте как строительство морского порта Усть-Луга имеет ряд преимуществ прежде всего для государства, выражаясь в следующем [10; 15]:

- минимизация нагрузки на бюджет при реализации стратегического социально-значимого проекта;
- повышение экономической и бюджетной эффективности проекта за счет участия в них частного бизнеса;
- ускорение сроков реализации проекта;
- сокращение государственных расходов на строительство и содержание объектов инфраструктуры;
- обеспечение экономически эффективного управления реализацией проекта путем передачи управленческих функций частному инвестору;
- привлечение современных высокоэффективных технологий.

Основными преимуществами участия в строительстве морского порта для частного инвестора являются [3; 4]:

- возможность использования прямой государственной поддержки;
- разделение рисков реализации проекта с государством;
- возможность долгосрочных инвестиционных вложений под устраивающие государственные гарантии;
- получение гарантии обеспечения минимального дохода.

Наиболее эффективной формой ГЧП для реализации такого крупного инфраструктурного проекта, как морской порт, являются концессии, в рамках которой частный партнер (концессионер) участвует в создании или модернизации инфраструктурного объекта, а затем получает его на длительный срок в оперативное управление (эксплуатацию) с целью возврата вложенных им инвестиций и получения прибыли [7]. Концессионное соглашение заключается на длительный период, что позволяет обеим сторонам осуществлять стратегическое планирование своей деятельности. Помимо этого на срок действия концессионного соглашения частный сектор обладает полной свободой в принятии управленческих решений. При этом у государства остается достаточно рычагов воздействия на частный бизнес при необходимости защиты общественных интересов.

В зависимости от объема передаваемых частному партнеру правомочий собственности, инвестиционных обязательств сторон, принципов разделения рисков и ответственности за осуществление различных видов работ возможно применение различных механизмов концессий в проектах ГЧП развития морского порта Усть-Луга [25; 26] (табл. 6).

Несмотря на частичное использование данного механизма при строительстве морского торгового порта Усть-Луга, его применение необходимо расширить за счет использования концессии в таких ее формах, как BOT, BOOT, BOO.

Таблица 6

**Механизмы государственно-частного партнерства
в форме концессий для строительства морского порта Усть-Луга**

Механизмы концессий	Характеристика
Механизм ВОР: «Строительство — эксплуатация/управление — передача»	Частный инвестор осуществляет строительство и эксплуатацию нового сооружения на основе долгосрочного концессионного соглашения за свой счет и на свой риск. Прибыль от эксплуатации полностью поступает частному инвестору, компенсируя инвестиционные затраты и текущие издержки. По истечении срока действия соглашения объект передается государству
Механизм DBFO: «Проектирование — строительство — финансирование — эксплуатация»	Частный инвестор несет ответственность за проектирование, финансирование и строительство объекта, также эксплуатирует объект в период действия концессионного соглашения, а затем передает его государству
Механизм ВООТ: «Строительство — владение — эксплуатация — передача»	Частный инвестор осуществляет строительство объекта и получает право не только пользования, но и владения объектом в течение всего срока концессионного соглашения, по истечении которого объект передается государству
Механизм ВОО: «Строительство — владение — эксплуатация»	Частный инвестор осуществляет строительство объекта и эксплуатирует объект на основе пожизненного владения или аренды
Механизм ВТО: «Строительство — передача — эксплуатация»	Частный инвестор осуществляет строительство объекта и после его завершения передает государству. Эксплуатация объекта частным инвестором с целью возмещения инвестиционных затрат и получения прибыли осуществляется после передачи его государству. Данный механизм предполагает прямой контроль государства над объектом концессии и его наибольшее влияние на решения и действия концессионера

Заключение

Подводя итог проведенному исследованию по анализу возможностей и ограничений и поиску механизма реализации крупномасштабного проекта на примере морского порта Усть-Луга в новых экономических условиях, следует отметить следующее:

1. Сложная геополитическая ситуация, внутренние проблемы развития российской экономики, рост неопределенности и дефицит инвестиционных ресурсов существенным образом осложняют реализацию крупномасштабных инвестиционных проектов.

2. Основные (критические) риски реализации крупномасштабных проектов связаны с дефицитом инвестиций и недостаточным количеством якорных инвесторов. Для проекта по строительству морского порта Усть-Луга это находит выражение как в отставании ввода в эксплуатацию объектов транспортной инфраструктуры, так и в дефиците квалифицирован-

ных кадров, поскольку до сих пор не решена проблема финансирования создания города для строителей и будущих работников порта.

3. Для осуществления масштабных проектов в условиях оттока иностранного капитала основной упор необходимо делать на усиление государственно-частного партнерства. Наиболее эффективной его формой служит концессия, которая определяет высокую заинтересованность частных инвесторов в реализации крупномасштабных инвестиционных проектов.

4. При выборе концессии при строительстве морского порта Усть-Луга следует предусматривать возможность реализации различных ее форм и в особенно таких, как BOT, BOOT, BOO, что позволит найти наиболее эффективный механизм реализации взаимодействия государства и частных инвесторов.

5. Реализация крупномасштабных инвестиционных проектов с помощью механизма ГЧП требует осуществления комплекса организационно-правовых и финансово-экономических мероприятий, позволяющих создать благоприятные условия для инвестирования. Основной упор необходимо делать на совершенствование законодательства, позволяющего отстраивать интересы партнеров в спорных моментах, а также предусматривать предоставление льгот по налогам, кредитам, аренде для тех участников, которые осуществляет масштабное инвестиционное финансирование.

Список литературы

1. *Стратегия* развития морской деятельности Российской Федерации до 2030 г., утверждена Распоряжением Правительства РФ от 8 декабря 2010 г. № 2205-р : доступ из справ.-правовой системы «Консультант-Плюс».
2. *Транспортная стратегия* России на период до 2030 г., утверждена Распоряжением Правительства РФ от 22 ноября 2008 № 1734-р (в ред. Распоряжения Правительства РФ от 11 июня 2014г. № 1032-р) : Доступ из справ.-правовой системы «Консультант-Плюс».
3. *Бейсембинова А. Ш. З.* Проблемы инвестиционной деятельности на основе государственно-частного партнерства. // *Инвестиции и инновации.* 2012. № 1. С. 144—150.
4. *Брагина З. В., Орлов В. В., Андреева Н. Ю.* Государственно-частное партнерство: механизмы развития. Кострома, 2011.
5. *Быркова Е.* Грузооборот портов Балтики: ключевые тенденции 2014 года. URL: <http://провэд.рф/analytics/research/19841-gpuzoobopot-poptov-baltiki-klyuchevye-tendentsii-2014-goda.html> (дата обращения 11.05.2015).
6. *Варнавский В. Г.* Государственно-частное партнерство: некоторые вопросы теории и практики // *Мировая экономика и международные отношения.* 2011. № 9. С. 41—50.
7. *Варнавский В. Г., Королев В. А.* Концессионный механизм партнерства государства и частного сектора. М., 2009.
8. *Ветренко Л. Д.* Управление работой морского порта. СПб., 2000.
9. *Вытирайло А.* Приоритетные направления совершенствования государственно-частного партнерства // *Вестник Института экономики РАН.* 2011. № 4. С. 303—311.

10. Дульзон А. А. Успешность управления проектами: проблемы, оценка, возможности // Управление проектами и программами. 2014. № 4. С. 292—302.
11. Жусупов С. Д. Состояние и перспективы развития морских портов России // Транспорт Российской Федерации. 2011. № 6 (37). С. 36—39.
12. Йонниеми П. Стратегия ЕС для региона Балтийского моря: чего мы достигли? // Балтийский регион. 2010. № 2. С. 44—47.
13. Макаров И. Н., Колесников В. В. Национальная инфраструктура и государственно-частное партнерство: потребности современной экономики // Креативная экономика. 2012. № 5. С. 50—54.
14. Мельник Д. А. Морской транспорт как системообразующий элемент Балтийского транснационального транспортного региона // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. 2013. Вып. 1. С. 140—147.
15. Никулина С. В. Факторы конкурентоспособности международных морских портов // Экономика и управление. 2011. № 5. С. 141—143.
16. Привлекательность по-прибалтийски. URL: <http://www.morvesti.ru/analytics/detail.php?ID=28170> (дата обращения 27.03.2015).
17. Рыбцев В. В. Частно-государственное партнерство как способ развития инфраструктуры // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. 2011. № 3. С. 132—134.
18. Сергеев А. С. Организационно — экономические основы формирования и развития морских портовых агломераций // Вестник ТГЭУ. Сер. : Экономика и управление. 2012. № 2. С. 63—68.
19. Уланов С. Анализ рисков при управлении инвестиционными проектами // РИСК: ресурсы, информация, снабжение, конкуренция. 2011. № 1, ч. 2. С. 645—650.
20. Усть Луга: реализация проекта комплексного развития морского торгового порта. URL: <http://www.xn----etbbebrbp5ahkja1ae7v.xn--plai/news/publication-185/> (дата обращения 29.03.2015).
21. Федоров Г. М., Корнеев В. С. Трансграничные регионы в иерархической системе регионов: системный подход // Балтийский регион. 2009. № 2. С. 32—41.
22. Халтурин Р. А. Развитие инфраструктуры и возможности государственно-частного партнерства // Экономика науки. 2012. № 5. С. 28—30.
23. Цветков В. А., Зоидов К. Х., Медков А. А. Проблемы интеграции и инновационного развития транспортных систем России и стран Балтии. М., 2012.
24. Чимшир В. И., Чимшир А. В. Основные аспекты формирования организационно-экономического механизма обеспечения конкурентоспособности морского порта // Восточно-Европейский журнал передовых технологий. 2014. № 3, т. 2. С. 21—24.
25. Широков А. А. Проблемы прогнозно-аналитического сопровождения взаимоотношений бизнеса и государственных структур // Проблемы прогнозирования. 2010. № 3. С. 19—32.
26. Юзвович Л. И. Концессионный механизм как инструмент государственной инвестиционной политики в современных условиях. URL: <http://sovman.ru/all-numbers/archive-2011/july2011/item/42-the-concession-mechanism-as-the-tool-of-the-state.html> (дата обращения 31.03.2015).

Об авторах

Поподько Галина Ивановна, доктор экономических наук, ведущий научный сотрудник Красноярского отдела Института экономики и организации промышленного производства СО РАН, Россия.

E-mail: pgi90@bk.ru

Нагаева Ольга Сергеевна, кандидат экономических наук, старший научный сотрудник Красноярского отдела Института экономики и организации промышленного производства СО РАН, Россия.

E-mail: espro@mail.ru

OPPORTUNITIES AND CHALLENGES OF LARGE INVESTMENT PROJECTS IN THE NEW ECONOMY: THE PORT OF UST-LUGA

G. Popodko *, O. Nagaeva *

** Krasnoyarsk Branch of the Institute of Economics
and Industrial Organisation of the Russian Academy of Sciences
50 Akademgorodok, Krasnoyarsk, 660036, Russia*

Submitted on May 26, 2015

The aim of this study is to search for a mechanism for implementing large investment projects of crucial economic importance in the modern economic conditions characterized by the sanction policy of foreign states, limited public investment, and a mass exodus of foreign investors.

An example of a large-scale investment project is the construction of a multi-purpose multimodal complex — the commercial seaport of Ust-Luga. This is one of the most recent large projects in seaport infrastructure development.

This article estimates the project's significance for the development of the Baltic region and presents a competitive analysis of the seaport position in comparison to the largest European ports.

The authors analyze the strengths of the seaport construction project, namely, the favorable natural environment and climate, advantageous geographical position, strong political will demonstrated by the federal and regional authorities. The article also considers the challenges the project faces — unfortunate geopolitical situation, growing competition from other seaports, and lack of investment.

Based on the analysis of challenges, it is concluded that there are significant risks associated predominantly with lack of investment.

In these conditions, a large investment project requires the enhancement of public-private partnership, which will ensure the timely implementation of such projects.

Key words: large-scale investment project, commercial seaport, Ust-Luga, risks, investment, public-private partnership, public private partnership.

References

1. *Strategija razvitija morskoy dejatel'nosti Rossijskoj Federacii do 2030goda, utverzhdena Rasporjazheniem Pravitel'stva RF ot 8 dekabnja 2010 g. № 2205-r* [Strategy of development of maritime activities of the Russian Federation to 2030goda, approved by Decree of the Government of the Russian Federation dated December 8, 2010 № 2205-r], 2010, Moscow.

2. *Transportnaja strategija Rossii na period do 2030g, utverzhdena Rasporjazheniem Pravitel'stva RF ot 22 nojabnja 2008 № 1734-r (v red. Rasporjazhenija*

Pravitel'stva RF ot 11 ijunja 2014g. № 1032-r) [Transport Strategy of Russia until 2030, approved by Decree of the RF Government of November 22, 2008 № 1734-p (in the red. Order of the Government of the Russian Federation dated 11 June 2014. № 1032-r)], 2008, Moscow.

3. Beysebinova, A. 2012, Problemy investicionnoj dejatel'nosti na osnove gosudarstvenno-chastnogo partnerstva [Problems of investment through public-private partnerships], *Investicii i innovacii* [Investments and Innovations], no. 1, p.144—150.

4. Bragina, Z. V., Orlov, V. V., Andreeva, N. Yu. 2011, Gosudarstvenno-chastnoe partnerstvo: mehanizmy razvitija [Public-private partnership: the development of mechanisms], Kostroma, 186 p.

5. Byrkova, Ye. Gruzooborot portov Baltiki: kljuchevye tendencii 2014 goda [Cargo turnover of Baltic ports: key trends in 2014], *PROVJeD* [PROVED], available at: <http://провэд.рф/analytics/research/19841-gpuzoobopot-poptov-baltiki-kljuchevye-tendentsii-2014-goda.html> (accessed 11.05 2015).

6. Varnavskiy, V. G. 2011, Gosudarstvenno-chastnoe partnjorstvo: nekotorye voprosy teorii i praktiki [Public-private partnership: some questions of the theory and practice], *Mirovaja jekonomika i mezhdunarodnye otnoshenija* [World Economy and International Relations], no. 9, p. 41—50.

7. Varnavskiy, V. G., Korolev, V. A. 2009, *Koncessionnyj mehanizm partnerstva gosudarstva i chastnogo sektora* [The concession mechanism of partnership between the state and the private sector], Moscow.

8. Vetrenko, L. D. 2000, *Upravlenie rabotoj morskogo porta* [The operation of the seaport], Saint Petersburg, 264 p.

9. Vypiraylo, A. 2011, Prioritetnye napravlenija sovershenstvovaniya gosudarstvenno-chastnogo partnerstva [Priorities for improving public-private partnerships], *Vestnik Intitituta jekonomiki RAN* [Bulletin of the Institute of Economics], no. 4, p. 303—311.

10. Dulzon, A. A. 2014, Uspeshnost' upravlenija proektami: problemy, ocenka, vozmozhnosti [The success of the project management issues, assessment, opportunities], *Upravlenie proektami i programmami* [Project and Program Management], no. 4, p. 292—302.

11. Zhusupov, S. D. 2011, Sostojanie i perspektivy razvitija morskih portov Rossii [State and prospects of development of Russian ports], *Transport Rossijskoj Federacii* [Transport of the Russian Federation], no. 6 (37), p. 36—39.

12. Joenniemi, P. 2010, The EU strategy for the Baltic region: where are we now? *Balt. Reg.*, no. 2, p. 39—42. DOI: 10.5922/2079-8555-2010-2-4.

13. Makarov, I. N., Kolesnikov, V. V. 2012, *Nacional'naja infrastruktura i gosudarstvenno-chastnoe partnjorstvo: potrebnosti sovremennoj jekonomiki* [National infrastructure and public-private partnership: the needs of the modern economy], *Kreativnaja jekonomika* [Creative economy], no. 5, p. 50—54.

14. Melnik, D. 2013, Morskoj transport kak sistemoobrazujushhij jelement Baltijskogo transnacional'nogo transportnogo regiona [Maritime transport as a system-building element of the Baltic transnational transport region], *Vestnik Immanuel Kant Baltic University*, no. 1, p. 140—147.

15. Nikulina, S. V. 2011, Faktory konkurentosposobnosti mezhdunarodnyh morskikh portov [Factors of competitiveness of international seaports], *Jekonomika i upravlenie* [Economics and Management], no. 5, p.141—143.

16. Privlekatel'nost' po-pribaltijski [The attractiveness of the Baltic], 2013, *Morskie porty* [Seaports], no. 8, available at: <http://www.morvesti.ru/analytics/detail.php?ID=28170> (accessed 27.03.2015)

17. Rybtsev, V. V. 2011, Chastno-gosudarstvennoe partnerstvo kak sposob razvitija infrastruktury [Public-private partnerships as a way of infrastructure develop-

ment], *Aktual'nye problemy gumanitarnyh i estestvennyh nauk* [Actual problems of the humanities and the natural sciences], no. 3, p. 132—134.

18. Sergeev, A. S. 2012, Organizacionno — jekonomicheskie osnovy formirovaniya i razvitiya morskikh portovyh aglomeracij [Organizational — economic bases of formation and development of the sea port agglomerations], *Vestnik tihookeanskogo gosudarstvennogo jekonomicheskogo universiteta. Jekonomika i upravlenie* [Bulletin of Pacific State Economic University. Economics and Management.], no. 2, p. 63—68.

19. Ulanov, S. 2011, Analiz riskov pri upravlenii investicionnymi proektami [Risk analysis in the management of investment projects], *RISK: resursy, informacija, snabzhenie, konkurencija* [RISK: resources, information, procurement, competition], no. 1, Vol. 2, p. 645—650.

20. Ust' Luga: realizacija proekta kompleksnogo razvitiya morskogo trgovogo porta [Ust Luga project of integrated development of sea trade port], 2012, 23 June, *Kingisepp-segodnja* [Kingisepp-today], available at: <http://www.xnetbcebrbp5ahkja1ae7v.xn--p1ai/news/publication-185/> (accessed 29. 03.2015).

21. Fedorov G. M., Korneevets V. S. 2009, Trans-Border Regions in the System of the Regional Hierarchy: the Systemic Approach, *Balt. Reg.*, no. 2, p. 26—33. DOI: 10.5922/2079-8555-2009-2-3.

22. Halturin, R. A. 2012, Razvitie infrastruktury i vozmozhnosti gosudarstvenno-chastnogo partnerstva [Development of infrastructure and the possibility of public-private partnerships], *Jekonomika nauki* [Economy of the science], no. 5, p. 28—30.

23. Tsvetkov, V. A., Zoidov, K. H., Medkov, A. A. 2012, *Problemy integracii i innovacionnogo razvitiya transportnyh sistem Rossii i stran Baltii* [Problems of integration and innovative development of transport systems of Russia and the Baltic countries], Moscow, 175 p.

24. Chimshir, V. I., Chimshir A. V. 2014, Osnovnye aspekty formirovaniya organizacionno-jekonomicheskogo mehanizma obespechenija konkurentosposobnosti morskogo porta [The main aspects of formation of the organizational-economic mechanism of maintenance of competitiveness of the seaport], *Vostochno-Evropejskij zhurnal peredovyh tehnologij* [East European Journal of advanced technologies], no. 3, Vol. 2, p. 21—24.

25. Shirov, A. A. 2010, Problemy prognozno-analiticheskogo soprovozhdenija vzaimootnoshenij biznesa i gosudarstvennyh struktur [Problems of forecasting and analytical support of the relationship between business and government], *Problemy prognozirovaniya* [Problems of Forecasting], no. 3, p. 19—32.

26. Yuzvovich, L. I. 2011, Koncessionnyj mehanizm kak instrument gosudarstvennoj investicionnoj politiki v sovremennyh uslovija [The concession mechanism as the tool of the state the investment policy in modern conditions], *Sovremennye tehnologii upravlenija* [Modern control technology], no. available at: <http://sovman.ru/all-numbers/archive-2011/july2011/item/42-the-concession-mechanism-as-the-tool-of-the-state.html> (accessed 31.03.2015).

About the authors

Prof. Galina Popodko, Leading Research Fellow, Krasnoyarsk Branch of the Institute of Economics and Industrial Organisation of the Russian Academy of Sciences, Russia.

E-mail: pgi90@bk.ru

Dr Olga Nagaeva, Senior Research Fellow, Leading Research Fellow, Krasnoyarsk Branch of the Institute of Economics and Industrial Organisation of the Russian Academy of Sciences, Russia.

E-mail: ecpro@mail.ru

ЭКОНОМИКА КАЛИНИНГРАДСКОЙ ОБЛАСТИ

УДК 330.342 (470.26)

О НАПРАВЛЕНИЯХ СОЗДАНИЯ УСТОЙЧИВОЙ И ДИНАМИЧНОЙ ЭКОНОМИКИ В КАЛИНИНГРАДСКОЙ ОБЛАСТИ

А. Л. Кузнецова*

Эксклавная Калининградская область отличается недостаточно устойчивой экономикой, сильно зависящей от внешних воздействий. Цель данной работы — оценить современную экономическую ситуацию в регионе и показать возможные пути повышения устойчивости региональной экономики. В ходе исследования использованы экономико-статистические методы и выявлены факторы, определяющие развитие региона. Показано, насколько развитие его обрабатывающей промышленности зависит от таможенных и налоговых льгот закона «Об Особой экономической зоне в Калининградской области» и федеральных программ, финансирующих развитие производственной и социальной инфраструктуры, а также, что прекращение действия в 2016 г. таможенных льгот приведет к существенному сокращению производств, зависящих от импортного сырья и комплектующих. Ожидается, что предприятия, использующие таможенные льготы для производства продукции на общероссийский рынок, получат государственную поддержку для переоснащения производства. Для повышения эффективности использования выделяемых средств целесообразно разработать региональную программу с выделением приоритетных направлений развития экономики области, обеспечивающих повышение ее устойчивости. Одновременно следует стимулировать производства, обеспечивающие экономическую, в том числе продовольственную безопасность региона.

* Правительство Калининградской области
236007, Россия, Калининград,
ул. Дм. Донского, 1

Поступила в редакцию 20.02.2015 г.

doi: 10.5922/2074-9848-2015-3-7

© Кузнецова А. Л., 2015

Ключевые слова: Калининградская область, эксклав, устойчивое развитие, реструктуризация экономики

Введение

Попытки реализации многочисленных концепций и стратегий социально-экономического развития Калининградской области [20; 23], разработанных в разное время учеными и специалистами Калининграда, Москвы и других российских научных центров, как и зарубежными учеными, не получили длительной реализации, несмотря на то что отдельные их элементы и положения с успехом были использованы при осуществлении тех или иных направлений государственной политики в регионе. В 2013—2014 гг. по заданию Министерства экономики Калининградской области были выполнены исследовательские проекты, позволяющие более объективно оценить сложившуюся в экономике региона ситуацию и предложить перспективные направления ее дальнейшего развития. Необходимым компонентом стратегии регионального развития должна стать политика реструктуризации экономики на основе более полного использования местных трудовых, природных, инновационных и иных ресурсов, а также отраслевого подхода и кластеризации предприятий [6; 12]. В настоящей статье мы продолжим обсуждение перспективных направлений совершенствования отраслевой структуры экономики и особенно обрабатывающей промышленности.

Теоретически возможные подходы к разработке стратегии развития области

Устойчивое развитие региональной экономики тесно и положительно связано с понятием конкурентоспособности региона [10; 11; 24]. Существуют различные методологические подходы к определению конкурентоспособности на мезоуровне. В отечественной и зарубежной науке выделяют три основных подхода, раскрывающих содержание региональной конкурентоспособности с акцентом на первостепенную важность одного или нескольких аспектов, приведенных ниже [17]:

а) экономического (как способности обеспечивать рост валовой добавленной стоимости и производительности труда, высокий уровень инвестиционной привлекательности региона; поддерживать конкурентоспособность региональных товаров на мировых и национальных рынках; стимулировать внедрение инноваций в экономику и т. д. В этом случае конкурентоспособность региона рассматривается как производная от конкурентоспособности хозяйствующих субъектов, сосредоточенных на его территории [24]);

б) социального (как способности обеспечивать сравнительно высокий уровень и качество жизни населения в регионе, устойчивые значительные темпы роста реальной заработной платы и душевого дохода);

в) социального и экономического (как способности удовлетворять потребности различных групп акторов (жителей, хозяйствующих субъектов, инвесторов и т. д.) и обеспечивать условия для улучшения качества жизни населения путем повышения эффективности использования экономического потенциала региона).

Иногда дополнительно рассматривают экологический аспект региональной конкурентоспособности в качестве связующего элемента между экономической и социальной составляющими [10; 17].

Оценка конкурентоспособности региона включает определение его потенциальных и реальных конкурентных преимуществ. При проведении анализа следует различать понятия конкурентного преимущества и фактора конкурентоспособности. Первое может быть определено как «превосходство региона в величине и качестве имеющегося потенциала; в умении» быстро приспосабливаться (вставка моя. — *А. К.*) «к меняющимся условиям... в уровне экономических и социальных достижений по сравнению с регионами-конкурентами» [14, с. 1398]. Фактор конкурентоспособности, в свою очередь, является условием и/или причиной существования/отсутствия определенных конкурентных преимуществ.

В методологическом и практическом плане представляет интерес типология конкурентных преимуществ, предложенная Г. Коллетисом и Б. Пекуером [28] и адаптированная для Калининградской области международным коллективом ученых под руководством И. Самсона [7]. Согласно указанному подходу всю совокупность ресурсов региона, определяющих его конкурентоспособность, можно разделить на две группы (рис. 1):

а) по характеру использования: активы (ресурсы, находящиеся в использовании) и собственно ресурсы (то есть скрытые или неиспользуемые в настоящий момент);

б) по наличию и силе связи между ценностью активов/ресурсов и социальной, экономической, культурной, природной и иными компонентами среды региона: общие (чья рыночная ценность не зависит от участия в конкретном проекте) и специфические (имеющие сильную территориальную привязку).

Формирование новых конкурентных преимуществ региона требует дифференцированного подхода к развитию территории через реализацию мероприятий по систематическому аудиту специфических ресурсов и упрочению их связи с активами. В долгосрочном периоде такая стратегия развития позволит обеспечить общую конкурентоспособность региона, предотвращая или ослабляя процессы свертывания и перемещения хозяйственной деятельности из наиболее значимых сфер региональной экономики.

При разработке стратегии развития региона также необходимо учитывать комплекс внешних и внутренних факторов, влияющих на его конкурентоспособность. В зависимости от своей природы факторы конкурентоспособности могут носить как экономический, так и неэкономический (когнитивный, социальный, культурный, институциональный и т. д.) характер [24]. В условиях усиливающейся глобализации и упрочении роли регионов как самостоятельных участников международных процессов значимость последних непрерывно возрастает. Эта тенденция нашла отражение в ряде исследований, посвященных изучению широкого спектра вопросов, связанных с региональным эндогенным развитием (концепции территориального капитала, коллективного обучения, территориальной сплоченности, территориальных инновационных моделей и т. д.) [2; 26; 27; 29—31].

Рис. 1. Типология конкурентных преимуществ региона

Важнейшую роль в обеспечении конкурентоспособности региона играют институциональные факторы, которые могут быть как экзогенными, так и эндогенными. Если изменение значения фактора является «прямым следствием решений и действий субъектов экономической политики на уровне соответствующего региона», то его следует относить к эндогенным факторам, в противном случае — к экзогенным [24, с. 24]. Социально-экономическая политика региональных властей, реализуемая ими в рамках стратегии развития региона, — значимый эндогенный институциональный фактор конкурентоспособности.

Главной особенностью Калининградской области, во многом определяющей возможности и направления ее экономического развития, как известно, стало ее географическое положение, в котором, в свою очередь, выделяются два фактора: размещение вблизи экономически развитых стран ЕС (плюс наличие выхода к морю) и отделенность от основной территории России, эксклавность. Оценка соотношения этих факторов наряду с фактическим состоянием экономики на момент прогнозирования определяет содержание разрабатываемых стратегий развития региона. На реальный выбор реализуемой стратегии (что определяется совместно органами государственной власти регионального и федерального уровня), кроме ее теоретической обоснованности, влияют стратегические установки и возможности социально-экономического развития РФ в целом.

Если разработчики стратегии выдвигают на передний план соседство стран ЕС, то обнаруживаются два подхода:¹

¹ Подробный анализ конкретных подходов и примеры стратегий см.: [19].

— обоснование необходимости интеграции области как таковой в (западно)европейское экономическое пространство (к такому варианту склонялись в 1990-е гг. прежде всего многие западные авторы);

— рассмотрение ее как «региона-моста» («пилотного региона», «региона сотрудничества», «коридора развития») (этот вариант предлагает большинство калининградских исследователей).

В случае выдвижения на передний план проблем эксклавноности и поиска путей ее преодоления можно отметить также два следующих подхода:

— развитие экономики в первую очередь за счет региональных ресурсов (природных, трудовых и пр.), достижение экономической безопасности, возможно большего самообеспечения региона (разработки отдельных калининградских авторов);

— предположение о неуклонном наращивании интеграционных процессов «Россия — ЕС», которые обеспечили бы преодоление недостатков эксклавноности (осторожные высказывания отдельных авторов в период действия Соглашения о партнерстве и сотрудничестве России и ЕС, 1997—2007 гг.).

Наиболее перспективным представляется использование и согласование в разрабатываемой стратегии всех указанных выше подходов с учетом, с одной стороны, динамики социально-экономического развития Российской Федерации в целом, а с другой — характера взаимоотношений РФ и ЕС. Соотношение этих двух показателей образуют матрицу условий развития области (рис. 2).

Как можно заметить из рисунка, период, начавшийся в 2014 г., характеризуется наименее благоприятными условиями развития области — как внутрirosсийскими, связанными с падением цен на нефть, так и внешними, обусловленными двусторонними санкциями РФ — ЕС. (При этом ответные санкции РФ по запрету ввоза продовольственной продукции из стран ЕС более сильно сказались на импортозамещающих производствах региона, многие из которых основывались именно на доработке импортного сельскохозяйственного сырья.) В этой связи еще более актуальными становится реструктуризации и создания более устойчивой к внешним воздействиям экономики региона.

В области создана экономика, во многом зависящая от льгот закона «Об Особой экономической зоне в Калининградской области» [15; 16] и инвестиций в инфраструктуру, предоставляемых Федеральной целевой программой развития Калининградской области на период до 2020 г. [22]. Иными словами, основу ее функционирования составляют не специфические региональные факторы, с помощью которых можно было бы обеспечить относительную устойчивость экономики к внешним воздействиям, а искусственно созданные институциональные факторы, изменение которых ведет к нежизнеспособности многих созданных в области производств. Недостатки использовавшегося механизма ОЭЗ, способствовавшего созданию неустойчивой рентноориентированной экономики, были выявлены на основе анализа модели товарных потоков региона в начале «нулевых» годов [4; 5] и подтверждены последними исследованиями [3; 6; 12].

1992—1998 гг.	<i>РФ — ЕС</i> хорошие	1999—2006 гг.
плохие	<i>Условия</i>	<i>развития РФ</i> хорошие
2014—2015 гг.	<i>Отношения</i> плохие	2007—2013 гг.

Рис. 2. Матрица общих условий развития Калининградской области

Оценка специализации обрабатывающих производств

Каждый субъект Российской Федерации выполняет задачи экономического развития в собственных интересах и в интересах всей страны. Последние заключаются либо в производстве товаров и услуг для других субъектов РФ, либо в их производстве на экспорт. Экономика Калининградской области значительнее, чем большинство российских регионов, интегрирована в мировой рынок. Это связано, во-первых, с обслуживанием российских внешнеэкономических связей. Во-вторых (по порядку, а не по значению), обрабатывающие производства области в подавляющем большинстве работают на привозном сырье и полуфабрикатах. В-третьих (но в меньшей степени), речь идет о поставках про-

дукции на экспорт (как товаров, так и услуг — в основном в сфере туризма). В-четвертых, в области сконцентрировано значительное количество совместных и иностранных предприятий (а объем иностранных инвестиций в расчете на душу населения, хотя и меньше среднероссийского уровня, но выше, чем в среднем по субъектам РФ, если исключить из сравнения Москву). В-пятых, наличие границ практически все экономические операции превращает во внешнеэкономические, а транспортировка сырья и готовой продукции напрямую зависит и от администрирования на границе и от взаимодействия соседствующих государств.

Область относится к регионам, производящим ряд товаров и услуг на общероссийский рынок и в малой степени — на мировой рынок (табл. 1).

Таблица 1

**Производство товаров и услуг видами экономической деятельности
Калининградской области на региональный,
общероссийский и мировой рынки, 2014 г.**

Виды экономической деятельности	Производство продукции на рынки:		
	региональный	общероссийский	мировой
<i>Производство товаров</i>			
Сельское хозяйство, охота и лесное хозяйство	++ ²	–	++
Рыболовство, рыбоводство	++	+	+
Добыча полезных ископаемых	++	–	++
Обрабатывающие производства	+	++	+
Производство и распределение электроэнергии, газа и воды	++	–	–
Строительство	++	–	–
<i>Производство рыночных услуг</i>			
Оптовая и розничная торговля; ремонт автотранспортных средств, мотоциклов, бытовых изделий и предметов личного пользования	++	–	–
Гостиницы и рестораны	++	+	+
Транспорт и связь	++	++	+
Финансовая деятельность	++	–	–
Операции с недвижимым имуществом, аренда и предоставление услуг	++	–	–
<i>Производство нерыночных услуг</i>			
Государственное управление и обеспечение военной безопасности; обязательное социальное обеспечение	++	++	–
Образование	++	+	–

² В том числе для обеспечения местных предприятий пищевой переработки.

Окончание табл. 1

Виды экономической деятельности	Производство продукции на рынки:		
	региональный	общероссийский	мировой
Здравоохранение и предоставление социальных услуг	++	–	–
Предоставление прочих коммунальных, социальных и персональных услуг	++	–	–
Предоставление услуг по ведению домашнего хозяйства	++	–	–
Деятельность экстерриториальных организаций	–	++	+

Значимость рынка: ++ высокая, + менее высокая, – рынок не значим.

Производство товаров во многом, а в некоторых видах деятельности преимущественно, ориентировано не столько на региональный рынок, сколько на российский и мировой.

Сельскохозяйственная продукция поступает (в зависимости от вида) на региональный и мировой рынки. Региональный — потребляет основную часть продукции животноводства (за исключением пушнины, поступающей на экспорт). В растениеводстве кормовые культуры, картофель и овощи, небольшая часть производимого зерна идут на местное потребление (здесь под потреблением подразумевается не только потребление населением, но и обрабатывающей промышленностью). Основная часть зерна, а также семена рапса, отправляются на экспорт.

Продукция рыболовства в основном перерабатывается в регионе, но частично отправляется в другие российские области и за рубеж без переработки.

Основная часть янтаря (в виде полуфабриката), торфа и нефти отправляются на экспорт. Строительные полезные ископаемые — строительные (песок, глина, щебень, песчано-гравийные смеси), минеральные воды и лечебные грязи используются в регионе.

Обрабатывающие производства Калининградской области (особенно автомобиле- и судостроение, производство электронной бытовой техники, мясная и рыбная промышленность, мебельное производство) производят продукцию преимущественно на общероссийский рынок. На экспорт направляются некоторые машины и оборудование, продукция маслостроительной, промышленности, деревообрабатывающей, целлюлозно-бумажной и химической промышленности, черные металлы, иногда строятся суда (в том числе военные). На региональный рынок, естественно, в той или иной мере работают все производства, но прежде всего пищевая, швейная и обувная, деревообрабатывающая и полиграфическая, мебельная промышленность, производство стройматериалов (табл. 2).

Таблица 2

**Производство товаров обрабатывающими производствами
Калининградской области на региональный,
общероссийский и мировой рынки, 2014 г.**

Обрабатывающие производства	Производство продукции на рынки:		
	региональный	общероссийский	мировой
производство пищевых продуктов, включая напитки, и табака	++	++	+
текстильное и швейное производство	++	+	–
производство кожи, изделий из кожи и производство обуви	++	+	–
обработка древесины и производство изделий из дерева	++	+	++
целлюлозно-бумажное производство; издательская и полиграфическая деятельность	++	–	+
производство кокса и нефтепродуктов	++	–	–
химическое производство	+	+	++
производство резиновых и пластмассовых изделий	+	+	++
производство прочих неметаллических минеральных продуктов	++	–	–
металлургическое производство и производство готовых металлических изделий	+	–	++
производство машин и оборудования	+	+	++
производство электрооборудования, электронного и оптического оборудования	+	++	–
производство транспортных средств и оборудования	+	++	+
прочие производства (в том числе мебельное)	++	++	+

Значимость рынка: ++ высокая, + менее высокая, – рынок не значим.

Строительство, все виды экономической деятельности по производству рыночных услуг, производство нерыночных услуг (кроме деятельности экстерриториальных организаций) или полностью, или в значительной мере работают на региональный рынок. Не только региональное, но и важное общероссийское значение имеет транспорт, а также государственное управление и обеспечение военной безопасности. Гостиницы и рестораны, участвующие в обслуживании туристов, работают как на региональный рынок (обеспечивающий, в первую очередь более значительную часть оборота ресторанов), так и на общероссийский и мировой рынки.

Сложнейшая проблема обрабатывающих производств Калининградской области заключается в том, что большая их часть зависит от таможенных льгот режима Особой экономической зоны образца 1996 г. Доля предприятий различных режимов хозяйствования в совокупных показателях обрабатывающих предприятий производств характеризуют данные таблицы 3.

**Доля предприятий различных режимов
в совокупных показателях всех режимов, 2013 г., %**

Режим	Показатель		
	Численность занятых	Стоимость основных средств	Выпуск продукции
ОЭЗ 1996	38,8	16,9	71,7
ОЭЗ 2006	17,7	48,2	12,2
ОЭЗ 1996 и ОЭЗ 2006	6,1	23,5	6,4
Прочие	37,4	11,4	9,7
<i>Всего</i>	<i>100</i>	<i>100</i>	<i>100</i>

На предприятиях, использующих режим ОЭЗ 1996 г. (включая и те, которые используют одновременно оба режима), занято 45 % всех работающих в обрабатывающих производствах области, но стоимость основных средств составляет только около 40 %, тогда они выпускают 78 % всей продукции. Правда, доля выпускаемой ими продукции собственного производства существенно ниже из-за невысокой нормы добавленной стоимости. Отметим положительную роль налоговых льгот закона об ОЭЗ 2006 г.: на предприятия-резиденты ОЭЗ, использующие такие льготы (в том числе и одновременно таможенные льготы) приходится 72 % стоимости основных средств обрабатывающей промышленности.

Совершенствование стратегии регионального развития

Цель государственной программы развития региона определены следующим образом: «Создание условий для устойчивого социально-экономического развития Калининградской области, обеспечивающего достижение уровня жизни, сопоставимого с уровнем жизни сопредельных стран, а также формирование благоприятного инвестиционного климата в регионе для сближения Российской Федерации и государств — членов Европейского союза» [19]. Речь идет о значительных федеральных финансовых средствах, направляемых на развитие производственной и социальной инфраструктуры региона, а также на улучшение экологической обстановки. Средства на реализацию государственной программы выделяются в рамках Федеральной целевой программы «Развитие Калининградской области на период до 2020 года» [22].

С учетом наличия указанных программ подготовлены и реализуются государственные программы Калининградской области, в том числе — «Модернизация экономики» [13]. В ней прогноз развития социально-экономической ситуации в регионе основан на следующих факторах:

— оценка фактических показателей динамики экономического развития страны и региона;

— изменения в 2016 г. в регионе режима хозяйствования (положений закона «Об Особой экономической зоне в Калининградской области» [15; 16]);

— разработанные к 2013 г. документы федерального уровня, определяющих развитие всех регионов страны — Прогнозе долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2030 г. [18] и Концепции долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020 г. [8];

— возможности, создаваемые государственной программой РФ «Социально-экономическое развитие Калининградской области до 2020 года» и федеральной целевой программой «Развитие Калининградской области на период до 2020 года».

В программе «Модернизация экономики» названо следующее учтенное внешнее условие развития Калининградской области, которое в период подготовки программы было наиболее актуальным (и актуальность его не снизилась): окончание в 2016 г. режима таможенных преференций, предоставленных региону режимом ОЭЗ (с утверждением, что продление данного режима невозможно вследствие того, что Россия в августе 2012 г. вступила в ВТО, а также вследствие начала действия положений Таможенного союза и Единого экономического пространства).

Выделены те обрабатывающие производства и другие виды экономической деятельности (оптовая торговля, транспорт), которые могут пострадать из-за проблемы 2016 г. Кроме того, показано, что во время глобального кризиса 2009 г. наиболее пострадали предприятия, работающие на российский рынок с использованием таможенных льгот. Более того, отметим, что всегда в период роста российской экономики в Калининградской области наблюдаются более высокие темпы роста, а в период кризиса спад в экономике региона наиболее глубок [6; 12]. В этой связи следует отметить неблагоприятные прогнозы развития российской экономики, которые делаются многими экспертами на 2015 г. и, по крайней мере, несколько последующих.

В региональной программе «Модернизация экономики» справедливо указано, что развитие области невозможно без серьезной перестройки экономики, на внедрении новых форм стимулирования и поддержки приоритетных отраслей экономики. Действительно, во время визита в мае 2014 г. в Калининградскую область Председателя Правительства РФ было декларировано, что предприятия — резиденты ОЭЗ 1996 г., которые могут пострадать от отмены таможенных льгот, получают финансовую поддержку для модернизации производства и налаживания работы в новых условиях. Порядок компенсации разрабатывается, но главным условием должно стать наличие бизнес-плана, способного обеспечить эффективную жизнедеятельность хозяйствующих субъектов. Формированию новой отраслевой структуры экономики будут также налоговые льготы инвесторам в соответствии с законом об ОЭЗ 2006 г.

Сейчас трудно говорить о ближайших перспективах динамики экономического развития региона. Все эксперты, опрошенные в ходе про-

веденного в регионе осенью 2014 г. социологического обследования, прогнозируют в течение нескольких лет спад промышленного производства и в целом ухудшение экономического положения области [1]. Как скоро начавшийся кризис будет преодолен зависит от темпов реструктуризации экономики, особенно промышленности, сельского и рыбного хозяйства.

Выполненные по заданию министерства экономического развития Калининградской области в 2013—2014 гг. научные исследования позволили сделать несколько важных выводов, касающихся оценки факторов, особенностей и приоритетов развития экономики региона [1; 6; 12; 21].

С учетом геополитических изменений второй половины 2014 г. положения ранее принятых федеральных и региональных документов могут быть дополнены следующими:

1. Следует обратить внимание на обеспечение экономической безопасности региона, в особенности на продовольственную безопасность, тем более что аграрный сектор экономики области имеет хорошие предпосылки развития. Упрочению экономической безопасности поможет диверсификация электроснабжения области в результате строительства Балтийской АЭС (если будет решен вопрос об экспорте электроэнергии за рубеж) и сравнительно небольших тепловых электростанций на природном газе и каменном угле. Необходимо увеличить мощности подземных газохранилищ для создания резервного запаса природного газа.

2. Нужно усилить ориентацию обрабатывающих производств на использование местного сырья (развивая отрасли, использующие сельскохозяйственное сырье и местные полезные ископаемые).

3. Осуществляя реструктуризацию экономики, необходимо обратить внимание на развитие связей по кооперации между предприятиями области, обеспечивая формирование межотраслевых кластеров. Совершенствование территориальной организации производства является важным фактором повышения его эффективности.

Однако современные геоэкономические концепции утверждают, что нельзя замыкаться только на собственном региональном или даже национальном рынке, а необходимо занять наиболее выгодное место в мировых производственных цепочках, желательнее на более высоких технологических стадиях производства товаров или услуг. Исходя из данных теоретических положений, нужно отметить, что сборочные производства (характерные для Калининградской области) — не самая низкая стадия производства и распределения товаров. К сожалению, в 2016 г. это достаточно выгодное место обрабатывающих производств региона будет утеряно. И нужно искать новые, желательнее достаточно экономически эффективные, сферы приложения труда работников, высвобождаемых из нынешних импортозамещающих производств, составляющих основу производственного потенциала региона.

Органы государственной власти (и федеральные, и региональные) в рыночной экономике обычно непосредственно не занимаются управле-

нием производства товаров и услуг. Они создают для их развития экономики и привлечения инвесторов инфраструктурные предпосылки. Однако в критических случаях (какой стала и необходимость поддержки российской эксклавной территории на Балтике — Калининградской области) возможно и непосредственное финансирование технического и технологического переоснащения производства. Выделяемые федеральными властями на реструктуризацию экономики финансовые средства целесообразно объединить в специальную программу, предусмотрев в ней отраслевые и межотраслевые, а также институциональные приоритеты (обеспечивающие развитие производственных связей между предприятиями).

Заключение

Современная экономика Калининградской области неустойчива, сильно зависит от внешних воздействий (конъюнктуры мирового и российского рынка, курса рубля, взаимоотношений РФ и ЕС) и федеральной поддержки социально-экономического развития региона (положений закона об ОЭЗ и федеральных программ, касающихся области). Между тем региональные природные, трудовые, инновационные ресурсы используются далеко не в полной мере. Целесообразно использовать дополнительные финансовые ресурсы, если они будут выделены на поддержку производств, лишающихся в 2016 г. таможенных льгот, в рамках специальной программы. В ней должны быть выделены следующие приоритеты:

— более полное и эффективное использование земельных ресурсов (развитие агропродовольственного комплекса на местном сельскохозяйственном и рыбном сырье);

— использование природных условий и лечебных ресурсов (грязи, минеральные воды) для развития лечебного, водно-спортивного, экологического туризма;

— вовлечение в хозяйственный оборот новых ресурсов полезных ископаемых и формирование янтарного кластера, извлечение попутных полезных ископаемых (фосфоритов и глауконитов, стройматериалов) и ускоренное развитие ювелирного производства, а также производства парфюмерии, химических продуктов, промышленных деталей из янтаря;

— повышения уровня инновационности производства, расширение партнерства бизнеса и науки;

— совершенствование подготовки кадров в соответствии с современными и перспективными запросами экономики;

— развитие кооперации между предприятиями и формирование межотраслевых кластеров, включающих как крупные и средние, так и малые и микропредприятия; на этой основе будет обеспечено возникновение цепочек производства добавленной стоимости, при этом значительно повысится норма добавленной стоимости, создаваемой на территории региона.

Список литературы

1. *Анализ* хозяйствующих субъектов и определение требований к их экономическим характеристикам на основе балансовой модели развития региона для формирования механизмов поддержки с целью наращивания конкурентоспособности экономики Калининградской области : отчет о научно-исследовательской работе / РЭУ им. Г. В. Плеханова. М., 2014.
2. *Гареев Т. Р.* Региональный институционализм: terra incognita или terra ficta? // Журнал институциональных исследований. 2010. Т. 2, № 2. С. 27—37.
3. *Гареев Т. Р., Елисеева Н. А.* Модель товарных потоков эксклавного региона: в поисках ренты переходного периода // Балтийский регион. 2014. № 1 (19). С. 72—90.
4. *Гареев Т. Р., Жданов В. П., Федоров Г. М.* Новая экономика Калининградской области // Вопросы экономики. 2005. № 2. С. 23—39.
5. *Гареев Т. Р., Федоров Г. М.* Плюсы и минусы режима Особой экономической зоны // Космополис. 2005. № 3(13). С. 83—89.
6. *Гимбицкий К. К., Кузнецова А. Л., Федоров Г. М.* Развитие экономики Калининградской области: этапы реструктуризации // Балтийский регион. 2014. № 1 (19). С. 56—71.
7. *Калининградский регион 2010: потенциал, концепции и перспективы* / под ред. И. Самсона. Гренобль ; Калининград ; М., 2000.
8. *Клемешев А. П.* Сравнительная оценка инновационного потенциала стран балтийского региона // Балтийский регион. 2011. № 2. С. 48—54.
9. *Концепция* долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020 года. URL: http://economy.gov.ru/minec/activity/sections/fcp/rasp_2008_N1662_red_08.08.2009# (дата обращения 06.01.2015).
10. *Кузьмин Д. И., Соколовский А. А.* Конкурентоспособность региона и ее факторы (на примере Красноярского края) // Вестник Томского государственного университета. 2012. № 356. С. 135—139.
11. *Мингалева Ж. А., Гершанок Г. А.* Устойчивое развитие региона: инновации, экономическая безопасность, конкурентоспособность // Экономика региона. 2012. № 3. С. 68—77.
12. *Моделирование* региональной системы долгосрочной устойчивости Калининградской области. Калининград, 2015.
13. *Модернизация* экономики. Государственная программа Калининградской области : постановление Правительства Калининградской области от 28.04.2014 № 262. Доступ из справ.-правовой системы «Гарант».
14. *Неживенко Е. А., Новикова И. А.* Классификация факторов конкурентоспособности региона // Фундаментальные исследования. 2013. № 11. С. 1397—1401.
15. *Об Особой* экономической зоне в Калининградской области : федеральный закон от 22 января 1996 г. № 13-ФЗ // Российская газета. 1996. 30 янв.
16. *Об Особой* экономической зоне в Калининградской области: Федеральный закон от 10 января 2006 г. № 16-ФЗ // Российская газета. 2006. 19 янв.
17. *Печаткин В. В., Перфилов В. А.* Теоретические и методические аспекты оценки конкурентоспособности регионов России // Проблемы современной экономики. 2010. № 3. С. 285—290.
18. *Прогноз* долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2030 года. URL: http://economy.gov.ru/minec/activity/sections/macro/prognoz/doc20130325_06 (дата обращения 06.01.2015).

19. *Социально-экономическое* развитие Калининградской области до 2020 года. Государственная программа Российской Федерации : постановление Правительства РФ от 15 апреля 2014 г. №311. Портал государственных программ РФ. URL: <http://programs.gov.ru/Portal/programs/passport/37> (дата обращения 06.01.2015).

20. *Стратегии* развития Калининградской области. Калининград, 2007.

21. *Сценарный* прогноз формирования и использования трудовых ресурсов Калининградской области с учетом сравнительной экономической эффективности различных вариантов развития региона по приоритетным видам экономической деятельности : отчет о научно-исследовательской работе. Калининград, 2014.

22. *Федеральная* целевая программа развития Калининградской области на период до 2020 года : постановление Правительства РФ от 7 декабря 2001 г. №866 (с изменениями и дополнениями): доступ из справ.-правовой системы «Гарант».

23. *Федоров Г. М.* Калининградская дилемма: «коридор развития» или «двойная периферия»? Геополитический фактор развития российского эксклава на Балтике // Балтийский регион. 2010. №2 (4). С. 5—15.

24. *Щастишко А. Е.* Конкурентоспособность региона: содержание, факторы, политика // Балтийский регион. 2009. №1(1). С. 11—31.

25. *Boschma R.* Competitiveness of Regions from an Evolutionary Perspective // Regional Studies. 2004. №38 (9). P. 1001—1014.

26. *Capello R.* Territorial capital and regional development / R. Capello, P. Nijkamp Handbook of Regional Growth and Development Theories. Cheltenham, 2009. P. 118—133.

27. *Cheshire P. C., Gordon I. R.* Territorial Competition and the Predictability of Collective (In)Action // International Journal of Urban and Regional Research. 1996. №20(3). P. 383—399.

28. *Colletis G., Pecqueur B.* Les facteurs de la concurrence spatiale et la construction des territoires / G. Garafoli. et A. Vasquez Barquero (eds), Organization of Production and Territory: Local Models of Développement, Pavia: Gianni Iuculano Editore. 1994.

29. *Eskelinen H., Hannibalsson I., Malmberg A. et al.* Competitiveness, Localised Learning and Regional Development: Specialisation and Prosperity in Small Open Economies. Routledge. L., 1998.

30. *Karlsson C., Rouchy P.* Regional Economic Development, Social Capital and Governance: A Buchananian Approach. CESIS Electronic Working Paper Series. Paper №390, 2015.

31. *Wilson J.* Territorial competitiveness and development policy. Orkestra, Basque Institute of Competitiveness, Basque Country. Spain, 2008.

Об авторе

Анастасия Леонидовна Кузнецова, министр экономики, Правительство Калининградской области, Россия.

E-mail: a.kuznetsova@gov39.ru

TOWARDS A STABLE AND DYNAMIC ECONOMY
IN THE KALININGRAD REGION

Kuznetsova A.*

*Government of the Kaliningrad region
1 Dm. Donskogo st, Kaliningrad, 236007, Russia

Submitted on February 20, 2015

The economy of the Kaliningrad exclave is not sufficiently stable and is heavily affected by external factors. This work aims to estimate the current economic situation in the region and explore possible ways to increase the stability of regional economy. The study employs economic statistical methods and identifies factors affecting regional development. The author analyses the dependence of the manufacturing industry on customs and tax privileges under the law On the Special Economic Zone in the Kaliningrad region and federal programmes supporting the development of manufacturing and social infrastructure. The article stresses that the abolition of customs privileges in 2016 will result in a significant reduction in industrial output, since a lot of production is heavily dependent on imported raw materials and components. It is expected that the companies enjoying customs privileges to produce goods for the national market will receive government support for re-equipment. Effective use of the allocated funds would require setting up a regional programme identifying priority areas of regional economic development thus ensuring economic stability. There is also a need to support companies ensuring the economic — including food — security of the region.

Key words: Kaliningrad region, exclave, sustainable development, economy restructuring

References

1. *Analiz hozjajstvujushhijh sub#ektov i opredelenie trebovanij k ih jekonomicheskim harakteristikam na osnove balansovoj modeli razvitija regiona dlja formirovanija mehanizmov podderzhki s cel'ju narashhivanija konkurentosposobnosti jekonomiki Kaliningradskoj oblasti* [Analysis of the economic entities and determining the requirements for their economic performance, based on the balance of regional development models for the formation of the support mechanisms for the purpose of increasing competitiveness of the economy of the Kaliningrad region], 2014, Report on research work, Moscow, Plekhanov Russian University of Economics.
2. Gareev, T. R. 2010, Regional'nyj institucionalizm: terra incognita ili terra ficta? [Regional institutionalism: terra incognita or terra ficta?], *Zhurnal institucional'nyh issledovanij* [Journal of Institutional Research], Vol. 2, no. 2, p. 27—37
3. Gareev, T. R., Yeliseeva N. A. 2014, Commodity flow model for an exclave region: Rent-seeking in the 'transitional period' of the special economic zone, *Balt. Reg.*, no. 1, p. 54—68. DOI: 10.5922/2079-8555-2014-1-5.
4. Gareev, T. R., Zhdanov, V. P., Fedorov, G. M. 2005, Novaja jekonomika Kaliningradskoj oblasti [The new economy of the Kaliningrad region], *Voprosy jekonomiki* [Problems of Economics], no. 2, p. 23—39.

5. Gareev, T. R., Fedorov, G. M. 2005, Pljusy i minusy rezhima Osoboj jekonomichej zony [Pros and cons of the Special Economic Zone], *Kosmopolis*, no. 3 (13), p. 83—89.
6. Gimbitsky K. K., Kuznetsova A. L., Fedorov G. M. 2014, The development of Kaliningrad regional economy: A new stage of restructuring, *Balt. Reg.*, no. 1, p. 41—53. DOI: 10.5922/2079-8555-2014-1-4.
7. Samson, I. (ed.), 2000, *Kaliningradskij region 2010: potencial, koncepcii i perspektivy* [Kaliningrad Region 2010: the potential of the concept and perspectives], Grenoble, Kaliningrad, Moscow, Tasit Prometheus II, 343 p.
8. Klemeshev, A. 2011, A comparative assessment of the innovation potential of the Baltic Sea region countries, *Balt. Reg.*, no. 2, p. 43—48. DOI: 10.5922/2079-8555-2011-2-5.
9. Koncepcija dolgosrochnogo social'no-jekonomichej razvitija Rossijskoj Federacii na period do 2020 goda [The concept of long-term socio-economic development of the Russian Federation for the period till 2020], 2009, Russian *Ministry of Economic Development*, available at: http://economy.gov.ru/minrec/activity/sections/fcp/rasp_2008_N1662_red_08.08.2009# (accessed 06.01.2015).
10. Kuzmin, D. I., Sokolovsky, A. A. 2012, Konkurentosposobnost' regiona i ee faktory (na primere Krasnojarskogo kraja) [The competitiveness of the region and its factors (for example, the Krasnoyarsk Territory)], *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of Tomsk State University], no. 356, p. 135—139.
11. Mingaleva, Zh. A., Gershanok, G. A. 2012, Ustojchivoje razvitie regiona: innovacii, jekonomichej bezopasnost', konkurentosposobnost' [Sustainable development of the region: innovation, economic security, competitiveness], *Jekonomika regiona* [The region's economy], no. 3, p. 68—77.
12. Voloshenko, K. Yu., Gimbitsky, K. K., Kuznetsova, A. L., Fedorov, G. M. 2015, *Modelirovanie regional'noj sistemy dolgosrochnoj ustojchivosti Kaliningradskoj oblasti* [Modelling of long-term sustainability of the regional system of the Kaliningrad region], Kaliningrad, Immanuel Kant Baltic Federal University Publishing.
13. *Modernizacija jekonomiki. Gosudarstvennaja programma Kaliningradskoj oblasti* [Modernization of the economy. The State Programme of the Kaliningrad region], 2014, Resolution of the Government of the Kaliningrad region of 28.04.2014 № 262.
14. Nezhivenko, Ye. A., Novikova, I. A. 2013, Klassifikacija faktorov konkurentosposobnosti regiona [Classification of factors of regional competitiveness], *Fundamental'nye issledovanija* [Fundamental research], no. 11, p. 1397—1401.
15. Ob Osoboj jekonomichej zone v Kaliningradskoj oblasti [On the Special Economic Zone in the Kaliningrad Region], 1996, Federal Law of January 22, 1996 № 13-FZ, *Rossijskaja gazeta*, 30 January.
16. Ob Osoboj jekonomichej zone v Kaliningradskoj oblasti [On the Special Economic Zone in the Kaliningrad Region], 2006, Federal Law of January 10, 2006 № 16-FZ, *Rossijskaja gazeta*, 30 January. *Rossijskaja gazeta*, 19 January.
17. Pechatkin, V. V., Perfilov, V. A. 2010, Teoreticheskie i metodicheskie aspekty ocenki konkurentosposobnosti regionov Rossii [Theoretical and methodological aspects of the evaluation of the competitiveness of the regions of Russia], *Problemy sovremennoj jekonomiki* [Problems of Modern Economics], no. 3, p. 285—290.
18. Prognoz dolgosrochnogo social'no-jekonomichej razvitija Rossijskoj Federacii na period do 2030 goda [Forecast of long-term socio-economic development of the Russian Federation for the period till 2030], 2006, *Russian Ministry of Economic Development*, available at: http://economy.gov.ru/minrec/activity/sections/macro/prognoz/doc20130325_06 (accessed 06.01.2015).

19. Social'no-jekonomicheskoe razvitie Kaliningradskoj oblasti do 2020 goda. Gosudarstvennaja programma Rossijskoj Federacii [Socio-economic development of the Kaliningrad region until 2020. State program of the Russian Federation], 2014, Government Decree of April 15, 2014 № 311, Portal gosudarstvennyh programm RF [Portal of the state programs of the Russian Federation], available at: <http://programs.gov.ru/Portal/programs/passport/37> (accessed 06.01.2015).

20. Klemeshev, AP., Mau, V. A. 2007, *Strategii razvitija Kaliningradskoj oblasti* [Strategy for the Development of the Kaliningrad Region], Kaliningrad, 472 p.

21. *Scenarnyj prognoz formirovanija i ispol'zovanija trudovyh resursov Kaliningradskoj oblasti s uchetom sravnitel'noj jekonomicheskoi jeffektivnosti razlichnyh variantov razvitija regiona po prioritetyim vidam jekonomicheskoi dejatel'nosti* [Scenario forecast of formation and use of labor resources of the Kaliningrad region, taking into account the relative cost-effectiveness of different options for the development of the region in priority economic activities], 2014, Report on research work, Kaliningrad, Immanuel Kant Baltic Federal University.

22. Federal'naja celevaja programma razvitija Kaliningradskoj oblasti na period do 2020 goda [The federal target program for the development of the Kaliningrad region for the period till 2020], 2001, Government Decree of December 7th, 2001 № 866, available at: <http://base.garant.ru/1587100/> (accessed 04.01.2015).

23. Fedorov G. 2010, The Kaliningrad dilemma: a 'development corridor' or a 'double periphery'? The geopolitical factor of the development of the Russian exclave on the Baltic Sea, *Balt. Reg.*, no. 2, p. 4—12. DOI: 10.5922/2079-8555-2010-2-1.

24. Shastitko A. 2009, Competitiveness of the region: content, factors, policies, *Balt. Reg.*, no. 1, p. 10—25. DOI: 10.5922/2079-8555-2009-1-2.

25. Boschma, R. 2004, Competitiveness of Regions from an Evolutionary Perspective, *Regional Studies*, no. 38 (9), p. 1001—1014.

26. Capello, R. 2009, Territorial capital and regional development. In: Capello, R., Nijkamp, P. *Handbook of Regional Growth and Development Theories*, Cheltenham, Edward Elgar Publishing, p. 118—133.

27. Cheshire, P. C., Gordon, I. R. 1996, Territorial Competition and the Predictability of Collective (In)Action, *International Journal of Urban and Regional Research*, no. 20(3), p. 383—399.

28. Colletis, G., Pecqueur, B. 1994, Les facteurs de la concurrence spatiale et la construction des territoires. In: Garafoli, G., Vasquez Barquero, A. (eds), *Organization of Production and Territory: Local Models of Développement*, Pavia, Gianni Luculano Editore.

29. Eskelinen, H., Hannibalsson, I., Malmberg, A., Maskell, P., Vatne, E. 1998, *Competitiveness, Localised Learning and Regional Development: Specialisation and Prosperity in Small Open Economies*, Routledge, London, 256 p.

30. Karlsson, C., Rouchy, P. 2015, Regional Economic Development, Social Capital and Governance: A Buchanian Approach, *CESIS Electronic Working Paper Series*, no. 390, 38 p.

31. Wilson, J. 2008, *Territorial competitiveness and development policy*, Orkestra, Basque Institute of Competitiveness, Basque Country, Spain, 31 p.

About the author

Anastasia Kuznetsova, Minister of Economy, Government of the Kaliningrad region, Russia.

E-mail: a.kuznetsova@gov39.ru

УДК 338.27

**МАТРИЧНОЕ
ПРЕДСТАВЛЕНИЕ
ПОКАЗАТЕЛЕЙ СИСТЕМЫ
РЕГИОНАЛЬНЫХ СЧЕТОВ
КАЛИНИНГРАДСКОЙ
ОБЛАСТИ:
ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНАЯ
РАЗРАБОТКА
И ПЕРСПЕКТИВЫ
МОДЕЛИРОВАНИЯ**

С. Э. Солдатова*
К. Ю. Волошенко*
Н. Ф. Огнева*

Рассматривается задача построения матрицы социальных счетов (МСС) для регионов на примере Калининградской области. Определение поведения экономических систем национального и субнационального уровней в современных условиях изменяющихся параметров внешней среды является одной из основных задач макроэкономических исследований. С помощью матриц возможно рассмотрение движения финансовых ресурсов, что в дальнейшем позволяет комплексно проанализировать товарные и денежные потоки на уровне региона. Определены главные источники данных для разработки матрицы и представлены ее основные результаты: выявлены источники данных для разработки счетов и заполнения матрицы социальных счетов, проконсолидированы региональные счета Калининградской области, разработана структура матрицы рассматриваемого региона и рассчитан мультипликатор матрицы социальных счетов региона. Важный аспект данного подхода заключается в поставленной цели, от которой зависит состав счетов матрицы, отражающих разные аспекты деятельности региона. Мультипликатор показал возможность моделирования социально-экономической системы в будущем с использованием матрицы социальных счетов на примере рассматриваемого региона. Представленный подход регионального моделирования способствует обеспечению сбалансированности, гарантированной реализации методологических требований национальной системы.

Ключевые слова: матрица социальных счетов, регион, мультипликатор, моделирование

Полноценная реализация методологии национального счетоводства на региональном уровне открывает исследователям широкие возможности для моделирования и решения аналитических и прогностических

* Балтийский федеральный университет им. И. Канта.
236041, Россия, Калининград,
ул. А. Невского, 14

Поступила в редакцию 17.04.2015 г.

doi: 10.5922/2074-9848-2015-3-8

© Солдатова С. Э., Волошенко В. Ю.,
Огнева Н. Ф., 2015

задач. Система региональных счетов (СРС) в настоящий период испытывает процесс становления. Среди всей совокупности региональных счетов относительной завершенностью пока характеризуется только разработка счетов производства товаров и услуг. Вместе с тем исследователи работают над получением экспериментальных оценок более широкого круга показателей СРС с учетом доступной статистики, косвенных и экспертных оценок [5; 12; 13].

Для восполнения дефицита данных для формирования СРС и повышения степени их надежности исследователи обращаются к технологиям матричного представления экономических потоков [5; 6; 11]. Матричная структура позволяет балансировать ресурсы и их использование комплексно по всем счетам сразу, что открывает возможность уверенно опираться на разреженные массивы данных. Матричная форма также повышает аналитическую ценность показателей региональных счетов, поскольку создает предпосылки к выявлению мультипликативных эффектов в региональном воспроизводственном процессе.

Матрица социальных счетов (МСС), в англоязычной литературе — Social Accounting Matrix (SAM), представляет собой один из перспективных инструментов для характеристики, анализа и моделирования потоков доходов и расходов региональных экономических агентов, выделяемых по воспроизводственным, отраслевым, секторальным или институциональным основаниям [4; 6; 11]. Структура МСС мотивирует к осмыслению и систематизации данных, распределенных среди множества автономных источников — официальных и неофициальных. При этом требование сбалансированности потоков доходов и расходов побуждает исследователей восполнять дефицит показателей, измеренных статистически путем использования расчетов, косвенных и экспертных оценок. Можно сказать, что разработчики МСС не вносят новаций в методы и процедуры сбора данных. Их миссия — извлечь максимум значимой информации из имеющегося их массива.

Именно этой целью руководствовались авторы статьи, ставя перед собой задачу разработки МСС для Калининградской области. Научная новизна проведенного исследования заключается в выбранном способе представления и интерпретации показателей, доступных для анализа доходов и расходов региональных экономических агентов. Таблица 1 дает общее представление об источниках этих показателей.

Таблица 1

**Источники данных
для разработки региональных счетов и заполнения МСС**

Группировка	Перечень данных для построения МСС	Источник
Национальная система таблиц «Затраты-Выпуск»	—	Федеральная служба государственной статистики России

Окончание табл. 1

Группировка	Перечень данных для построения МСС	Источник
Данные отдельных региональных счетов	1. Объемы конечного потребления домашних хозяйств. 2. Данные о промежуточном потреблении. 3. Объемы региональных закупок. 4. Объемы закупок товаров для инвестирования. 5. Фонд заработной платы по отраслям. 6. Объем валовой прибыли по отраслям. 7. Данные о доходах/расходах домохозяйств (а также трансферты). 8. Объем сбережений различных агентов. 9. Объем сбережений регионального правительства. 10. Региональные инвестиции. 11. Приток/отток капитала из региона	Федеральная служба государственной статистики России Калининградский территориальный орган статистики
Федеральный бюджет Российской Федерации	1. Объемы федеральных закупок для распределения по регионам 2. Расходы/доходы федерального правительства в данном регионе	1. Федеральное Казначейство. 2. Публичные данные отсутствуют
Данные о межбюджетных трансфертах	1. Трансферты федерального правительства регионам	Федеральное Казначейство
Данные о сборах налогов в разбивке по отраслям	1. Налоги на произведенную продукцию (НДС, акцизы, импортные пошлины). 2. Налоги на имущество предприятий, платежи за использование природными ресурсами, социальные отчисления, акцизы, берущиеся с производства. 3. Налог с продаж, подоходный налог, налог на прибыль организаций. 4. Налоги по бюджетным уровням. 5. Налоги, поступающие в федеральный бюджет. 6. Экспортные/импортные пошлины	1—5. Федеральная налоговая служба. 6. Расчетный показатель
Данные о международной и межрегиональной торговле	1. Объем производства для внутреннего потребления в регионе. 2. Объем потребления в регионе. 3. Экспорт/ импорт. 4. Ввоз/вывоз	1—2. Калининградский территориальный орган статистики. 3. Федеральная таможенная служба. Северо-Западное таможенное управление. 4. Публичные данные отсутствуют

В продолжение осуществленных в БФУ им. И. Канта в 2013 г. расчетов по региональной балансовой модели [2; 3] одним из авторов модели в экспериментальном режиме был сформирован ряд консолидированных счетов Калининградской области за 2012 г. (табл. 2). Показатели этих счетов послужили отправной точкой к наполнению МСС региона количественными показателями.

Таблица 2

**Консолидированные региональные счета
Калининградской области за 2012 год, тыс. рублей**

использование		ресурсы	
1. Счет товаров и услуг			
4. Промежуточное потребление	460 084 227,00	1. Выпуск в основных ценах	724 705 900,00
5. Расходы на конечное потребление	208 930 781,40	2. Ввоз товаров и услуг	31 396 159,60
6. Валовое накопление	113 241 603,60	3. Импорт товаров и у слуг	376 563 704,00
7. Вывоз товаров и услуг	285 156 169,60		
8. Экспорт товаров и у слуг	65 252 982,00		
Всего:	1 132 665 763,60	Всего:	1 132 665 763,60
2. Счет производства			
использование		ресурсы	
2. Промежуточное потребление	460 084 227,00	1. Выпуск в основных ценах	724 705 900,00
3. ВРП в рыночных ценах	264 621 673,00		
Всего:	724 705 900,00	Всего:	724 705 900,00
3. Счет образования доходов			
использование		ресурсы	
2. Оплата труда	110 696 950,00	1. ВРП в рыночных ценах	264 621 673,00
3. Другие налоги на производство	9 689 869,00		
4. Другие субсидии на производство	—		
5. Валовая прибыль	144 234 854,00		
Всего:	264 621 673,00	Всего:	264 621 673,00

использование		ресурсы	
4. Счет распределения первичных доходов			
7. Доходы от собственности переданные	4 716 711,45		144 234 854,00
8. Валовой региональный доход	313 691 595,42		110 696 950,00
		в том числе	
		сальдо заработной платы, полученной за границей и выплаченной нерезидентам, включая регионы России	1 106 969,50
		4. Налоги на производство и импорт	55 652 894,43
		5. Субсидии на производство и импорт (-)	500 000,00
		6. Доходы от собственности полученные	8 323 608,44
Всего:	318 408 306,87		318 408 306,87
5. Счет вторичного распределения доходов			
использование		ресурсы	
3. Текущие трансферты переданные	163 476 080,36		313 691 595,42
4. Валовой располагаемый региональный доход	320 372 702,91		170 157 187,85
Всего:	483 848 783,27		483 848 783,27
6. Счет использования располагаемого дохода			
использование		ресурсы	
2. Расходы на конечное потребление	208 930 781,40		320 372 702,91
3. Валовые сбережения	111 441 921,51		
Всего:	320 372 702,91		320 372 702,91
7. Счет операций с капиталом и финансовыми инструментами			
использование		ресурсы	
3. Капитальные трансферты переданные	195 503,36		111 441 921,51
4. Валовое накопление	113 241 603,60		17 987 686,90
5. Чистое кредитование (+) / чистое заимствование (-)	15 992 501,45		
Всего:	129 429 608,41		129 429 608,41

Однако первым шагом в построении МСС является разработка ее структуры, которую образуют счета экономических агентов. Каждый счет представлен, с одной стороны, строкой матрицы, а с другой — ее столбцом. Строки матрицы образуют доходы экономических агентов, а столбцы — их расходы. Согласно экономическому подходу к заполнению МСС счета объединены в группы, отражающие стадии процесса воспроизводства. Первая группа счетов — «Товары» и «Производство» — соответствует процессу создания благ и формирования ресурсов товаров и услуг. Далее следуют факторные счета — счет труда и счет капитала, которые отражают образование первичных (факторных) доходов. Затем идет группа счетов, характеризующих формирование и использование располагаемых доходов экономических агентов, среди которых отдельно выделен капитальный счет. Строка капитального счета отражает сбережения экономических агентов, а столбец — инвестиции. Замыкающей служит группа счетов остального мира, фиксирующая внешние для региона потоки.

Однако универсального и детализированного стандарта формирования МСС не существует, общие экономические требования к построению МСС конкретизируются в методиках, адаптированных к конкретным условиям и к решению специфических исследовательских задач. В этом можно убедиться, изучив практику разработок МСС по отдельным регионам Российской Федерации, отличающимся существенным разнообразием [4; 6; 10; 13].

Высокая степень открытости экономики Калининградской области, специфика постановки решаемых исследовательских проблем и объем реально располагаемых информационных ресурсов побудили авторов статьи к разработке технологии построения МСС региона, адекватной описанным выше условиям. С ней можно ознакомиться [7].

Одним из существенных аспектов этой технологии стало обеспечение сбалансированности итогов строк и столбцов с одинаковыми номерами, которые в идеале должны совпадать. Общие балансовые соотношения, лежащие в основе построения МСС, описаны в литературе [1; 5; 6; 11]. Однако на практике выдержать требование полной сбалансированности МСС непросто. Во-первых, для региона как открытой системы характерно несоответствие показателей, описывающих внешние связи, а также неравенство сбережений и инвестиций. Вместе с тем, если сумма сбережений, ввоза и импорта совпадает с суммой инвестиций вывоза и экспорта, то баланс не является нарушенным. Во-вторых, несовершенство сбора, обработки и интерпретации данных, их неполнота часто приводят к тому, что итоги строк и столбцов по остальным счетам матрицы также не соответствуют друг другу. В таких случаях требуется тщательная проверка и исправление ошибок заполнения формы МСС, что подтвердилось и опытом разработки МСС для Калининградской области.

Согласно разработанной методике к заполнению предлагается таблица матричного типа размером 13×13, содержанием которой выступают показатели счетов доходов (по горизонтали) и расходов (по вертикали) основных экономических агентов региона (табл. 3).

Таблица 3

Общая структура МСС Калининградской области

Номер счета	Тип агента/ название счета	Итог строки — элемент столбца 13	Итог столбца — элемент строки 13
1	Товары	агрегированный спрос: внутренний и внешний	агрегированное предложение: внутреннее и внешнее
2	Производство	доход производителей от продаж	валовой расход отраслей
3	Капитал	факторный доход капита- тала	факторный расход капита- тала
4	Труд	факторный доход труда	факторный расход труда
5	Домохозяйства	доходы домохозяйств	совокупные расходы домохозяйств
6	Предпри- ятия/корпорации	доходы корпораций	совокупные расходы корпораций
7	Региональное пра- вительство	доходы регионального правительства	расходы регионального правительства
8	Федеральное пра- вительство	доходы федерального правительства	расходы федерального правительства в регионе
9	Налоги	собранные в регионе на- логи	распределенные по уровням налоги
10	Капитальный счет: сбережения — строка; инвести- ции — столбец	совокупные сбережения	совокупное накопление капитала
11	Остальные регио- ны	доходы остальных ре- гионов	расходы других регио- нов
12	Остальные страны	доходы остальных стран	расходы других стран

Существенным аспектом технологии разработки МСС стало определение источника данных и способа расчета показателя для заполнения той или иной ячейки матрицы. Основные ее характеристики, реализованные при заполнении МСС Калининградской области, отражены в таблице 4. Формирование МСС, как видно, в условиях ограниченности информационной базы не типовая задача, для решения которой существует готовый алгоритм.

Таблица 4

Способы определения показателей МСС региона

Номер ячейки	Способ оценки
1:2; 1:5; 1:7; 1:10; 1:12; 2:1; 3:2; 4:2; 5:3; 5:4; 8:9; 9:2; 10:6; 12:1;	Статистика: отчетные данные за 2012 год
1:11; 6:3; 6:7; 7:8; 7:9; 9:12; 11:1	Расчетным путем: выделение из агрегированного регионального показателя пропорционально доле институционального сектора в валовой добавленной стоимости

Окончание табл. 4

Номер ячейки	Способ оценки
6:12; 8:11; 9:12; 12:10	Балансирующие
остальные	Косвенные оценки с использованием долевых показателей (например, доля ВРП Калининградской области в общероссийском показателе)

Примечание: При обозначении ячеек матрицы первым значится номер строки, а вторым — номер столбца (номер строки: номер столбца).

Разработка базовых сбалансированных матриц — исходный пункт в процессе моделирования экономической системы региона. Моделирование включает следующие этапы: а) формулировка и обоснование гипотезы относительно набора экзогенных факторов; б) разделение счетов МСС на экзогенные, соответствующие факторам влияния, и эндогенные; в) агрегирование экзогенных счетов, в результате чего МСС сокращается за счет уменьшения набора счетов; г) вычисление мультипликатора леонтьевского типа для сокращенной МСС; д) аналитические и прогнозные расчеты с применением мультипликатора МСС.

Высокая степень открытости экономики Калининградской области побудила авторов статьи выдвинуть в качестве гипотезы предположение о том, что использование внешнего спроса и внешних финансовых потоков в роли экзогенных региональных факторов является выражением существенной причинно-следственной связи, характеризующей возникновение мультипликативных эффектов во всей региональной воспроизводственной цепочке.

Исходя из предложенного набора экзогенных факторов, в региональной МСС были агрегированы 8-й, 11-й и 12-й счета. Таблица 5 характеризует МСС Калининградской области за 2012 г., разработанную авторами статьи в порядке исследовательского эксперимента. В данном представлении МСС сумма 8-го, 11-го и 12-го счетов отражена в виде объединенного счета №10 «Остальной мир, включая федеральное правительство». Другие счета даны в исходной последовательности, охарактеризованной в таблице 3, и имеют номера 1—9. Финальные строка и столбец — итоговые.

Таблица 5

**МСС региона за 2012 г.
после агрегирования экзогенных счетов, млн рублей**

	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11
1		460084			151429	146	57335		113242	350409	1132646
2	724706										724706
3		144235									144235
4		110697								1107	111804
5			12128	110697		24313	292			40174	187603
6			130126				2950			-15194	117882
7			1410					30819		39772	72001
8		9690			12499	11166				45963	79317
9					22241	79706	9495			17792	129234
10	407960			1107				51731	15993	28215	505005
11	1132666	724706	143664	111804	186169	115331	70072	82550	129234	508239	3204433

После нормирования показателей расходов в эндогенных счетах (похожим образом рассчитывают коэффициенты прямых материальных затрат в модели Леонтьева) была сформирована матрица средних склонностей к расходованию. Матрица средних склонностей к расходованию может рассматриваться в качестве аналога леонтьевской матрицы прямых материальных затрат. В нашем случае она имеет размерность 9×9. С ее помощью вычислен мультипликатор МСС (табл. 6), характеризующий прямое и косвенное воздействие единичного изменения экзогенных счетов на итоговые показатели доходов региональных экономических агентов. За этим мультипликатором по аналогии закрепилось название леонтьевский.

Таблица 6

Мультипликатор МСС региона

	1	2	3	4	5	6	7	8	9
1	2,5566	2,4329	2,175	2,3859	2,4097	2,1497	2,496	0,9318	2,2402
2	1,6358	2,5566	1,3916	1,5265	1,5418	1,3754	1,597	0,5962	1,4333
3	0,3256	0,5088	1,277	0,3038	0,3069	0,2737	0,3178	0,1187	0,2853
4	0,2499	0,3905	0,2126	1,2332	0,2355	0,2101	0,2439	0,0911	0,2189
5	0,3374	0,5274	0,5631	1,3053	1,3184	0,4951	0,3425	0,1279	0,2957
6	0,2962	0,4629	1,1598	0,2774	0,2802	1,2508	0,3313	0,1237	0,2595
7	0,0305	0,0477	0,0755	0,0533	0,0539	0,0672	1,0317	0,3852	0,0267
8	0,0732	0,1144	0,1687	0,1349	0,1363	0,1727	0,0764	1,0285	0,0641
9	0,2491	0,3894	0,8791	0,3549	0,3585	0,9327	0,4097	0,1529	1,2183

Располагая вариантами прогнозных оценок экзогенных параметров, исследователь получает возможность, используя мультипликатор, моделировать будущие состояния социально-экономической системы региона путем вычислений прогнозных МСС. К числу достоинств такого подхода к региональному моделированию относится обеспечение сбалансированности, гарантированной реализацией методологических требований системы национального счетоводства и усиленной использованием матричного принципа, заложенного в структуру модели.

Список литературы

1. Власюк Л. И., Захарченко Н. Г., Калашиников В. Д. Исследование региональных макроэкономических пропорций и мультипликативных эффектов: Хабаровский край // *Пространственная экономика*. 2012. № 2. С. 44—66.
2. Волошенко К. Ю., Кузнецова А. Л. Опыт разработки и применения балансовой модели управления региональным развитием в специфических территориальных условиях // *Балтийский регион*. 2014. № 3. С. 7—26.
3. Волошенко К. Ю., Кузнецова А. Л. Балансовая модель управления региональным развитием: проблемы и новые возможности для специфических территориальных условий // *Региональные исследования*. 2014. № 3 (45). С. 126—135.
4. Громова О. В. Построение и обновление региональных матриц социальных счетов. URL: <http://kapital-rus.ru/articles/article/239471> (дата обращения: 15.09.2014).

5. *Замараев Б. А., Назарова А. Г.* СНС и матричные формы представления статистических данных в практике макроэкономического анализа и прогнозирования // Вопросы статистики. 2011. №2. С. 1—14.

6. *Захарченко Н. Г.* Использование матриц социальных счетов в моделировании структуры экономической системы // Пространственная экономика. 2012. № 1. С. 69—89.

7. *Информационно-аналитический портал БФУ им. И. Канта.* Региональная экономика и управление. URL: <http://science.kantiana.ru/> (дата обращения: 06.10.2014).

8. *Йенсен Й., Резерфорд Т., Тарр Д.* Матрицы социального учета для регионов России, 2007. URL: <http://econ.worldbank.org/WBSITE/EXTERNAL/EXTDEC/EXTRESEARCH> (дата обращения: 06.10.2014).

9. *Мартьякова Е. В., Лена В. В.* Использование матрицы социальных счетов для оценки мультипликативных эффектов в экономике. URL: <http://www.donntu.edu.ua> (дата обращения: 15.12.11).

10. *Михеева Н. Н.* Региональная экономика и управление. Хабаровск, 2000.

11. *Развитие региональных экономических счетов и макроэкономических измерений в России.* М., 2007.

12. *Татаринов А.* Субнациональные счета: проблемы разработки и использование в региональном анализе. М., 2005.

13. *Федеральная служба государственной статистики.* URL: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/vvp/metod.htm (дата обращения: 30.11.2014).

14. *Федеральное Казначейство* : [официальный сайт]. Информация об исполнении бюджетов субъектов РФ и местных бюджетов. URL: <http://www.roskazna.ru/byudzheto-subektov-rf-i-mestnykh-byudzheto/> (дата обращения: 07.11.2014).

15. *Audit-it.ru.* Бухгалтерский учет. Налогообложение. Аудит. URL: http://www.audit-it.ru/currency/sr_vz.php (дата обращения: 07.11.2014).

16. *Федеральная таможенная служба.* Северо-Западное таможенное управление. URL: http://sztu.customs.ru/index.php?option=com_content&view=article&id=14690:2011-02-02-05-23-24&catid=189:2011-01-30-21-31-27&Itemid=104 (дата обращения: 08.11.2014).

17. *Федеральная служба государственной статистики.* Структура ВВП по видам экономической деятельности в 2012г. URL: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/accounts/# (дата обращения: 30.11.2014).

18. *Федеральная служба государственной статистики.* Валовой региональный продукт: В текущих основных ценах — всего (1998—2012гг.) URL: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/accounts/ (дата обращения 30.11.2014).

Об авторах

Светлана Эдуардовна Солдатова, кандидат экономических наук, доцент, Балтийский федеральный университет им. И. Канта, Россия.

E-mail: SSOLDATOVA@kantiana.ru

Ксения Юрьевна Волошенко, кандидат экономических наук, доцент, Балтийский федеральный университет им. И. Канта, Россия.

E-mail: shusha2@mail.ru

Наталья Федоровна Огнева, ассистент, Балтийский федеральный университет им. И. Канта, Россия.

E-mail: NSergieievich@kantiana.ru

MATRIX REPRESENTATION OF THE KALININGRAD
REGIONAL ACCOUNTS SYSTEM: EXPERIMENTAL DEVELOPMENT
AND MODELLING PROSPECTS

Soldatova S. *, Voloshenko K. *, Ogneva N. *

*Immanuel Kant Baltic Federal University 14
A. Nevski St., Kaliningrad, 236041, Russia

Submitted on April 17, 2015

This article addresses the task of creating a regional Social Accounting Matrix (SAM) in the Kaliningrad region. Analyzing the behavior of economic systems of national and sub-national levels in the changing environment is one of the main objectives of macroeconomic research. Matrices are used in examining the flow of financial resources, which makes it possible to conduct a comprehensive analysis of commodity and cash flows at the regional level. The study identifies key data sources for matrix development and presents its main results: the data sources for the accounts development and filling the social accounting matrix are identified, regional accounts consolidated, the structure of regional matrix devised, and the multiplier of the regional social accounting matrix calculated. An important aspect of this approach is the set target, which determines the composition of matrix accounts representing different aspects of regional performance. The calculated multiplier suggests the possibility of modelling of a socioeconomic system for the region using a social accounting matrix. The regional modelling approach ensures the matrix compliance with the methodological requirements of the national system.

Key words: Social Accounting Matrix, region, multiplier, modeling.

References

1. Vlasyuk, L.I., Zakharchenko, N.G., Kalashnikov, V.D. 2012, Issledovanie regional'nyh makroekonomicheskikh proporcij i mul'tiplikativnyh jeffektov: Habarovskij kraj [The study of regional macroeconomic proportions and multiplicative effects: Khabarovsk region], *Prostranstvennaja jekonomika* [Spatial Economics], no. 2, p. 44—66.
2. Voloshenko, K., Kuznetsova, A. 2014, The Balance Model of Regional Development Management in Certain Territorial Conditions: Development and Application, *Balt. Reg.*, no. 3, p. 4—21. DOI: 10.5922/2079-8555-2014-3-1.
3. Voloshenko, K. Yu, Kuznetsova, A. L. 2014, Balansovaja model' upravlenija regional'nyh razvitiem: problemy i novye vozmozhnosti dlja specificheskikh territorial'nyh uslovij [Balance sheet management model of regional development: challenges and opportunities for specific territorial conditions], *Regional'nye issledovaniya* [Regional studies], no. 3 (45), p. 126—135.
4. Gromova, O. V. 2013, Postroenie i obnovlenie regional'nyh matric social'nyh schetov [Construction and renovation of regional social accounting matrices], *Kapital strany* [The capital of the country], available at: <http://kapital-rus.ru/articles/article/239471> (accessed 15.09.2014).
5. Zamaraev, B. A., Nazarova, A. G. 2011, SNS i matrichnye formy predstavlenija statisticheskikh dannyh v praktike makroekonomicheskogo analiza i prognozirovaniya [SNA and matrix presentation of statistical data in the practice of macroeconomic analysis and forecasting], *Voprosy statistiki* [Statistical Issues], no. 2, p. 1—14.
6. Zakharchenko, N. G. 2012, Ispol'zovanie matric social'nyh schetov v modelirovanii struktury jekonomicheskoi sistemy [Using a matrix of social accounts in

modeling the structure of the economic system], *Prostranstvennaja jekonomika* [Spatial Economics], no. 1, p. 69—89.

7. Informacionno-analiticheskij portal BFU im. I. Kanta. Regional'naja jekonomika i upravlenie [Informational and analytical portal Immanuel Kant Baltic Federal University. Regional economy and management], available at: <http://science.kantiana.ru/> (accessed: 06.10.2014).

8. Jensen, J., Rezerford, T., Tarr, D. 2007, Matricy social'nogo ucheta dlja regionov Rossii [Social Accounting Matrix for the Russian regions], *World Bank*, available at: <http://econ.worldbank.org/WBSITE/EXTERNAL/EXTDEC/EXTRESEARCH> (accessed 06.10.2014).

9. Martyakova, Ye. V., Lepa, V. V. 2005, Ispol'zovanie matricy social'nyh schetov dlja ocenki mul'tiplikativnyh jeffektov v jekonomike [Using a matrix of social accounts to assess the multiplier effect in the economy], *Nauchnye trudy DonNTU. Serija: jekonomicheskaja* [Proceedings of DonNTU. Series: Economic], no. 100, Vol. 2, p. 150—157, available at: <http://www.donntu.edu.ua> (accessed 15.12.11).

10. Mikheeva, N. B. 2000, *Regional'naja jekonomika i upravlenie* [Regional economy and management], Khabarovsk.

11. Kam, Yu.I. Masakova, A., Tatarinov, A. 2007, *Razvitie regional'nyh jekonomicheskikh schetov i makrojekonomicheskikh izmerenij v Rossii* [Development of Regional Economic Accounts and Macroeconomic measurements in Russia], Moscow.

12. Tatarinov, A. 2005, *Subnacional'nye scheta: problemy razrabotki i ispol'zovanie v regional'nom analize* [Sub-accounts: the development and use in the regional analysis], Moscow.

13. Federal State Statistics Service, available at: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/vvp/metod.htm (accessed 30.11.2014).

14. Informacija ob ispolnenii bjudzhetov sub#ektov RF i mestnyh bjudzhetov [Information on execution of budgets of subjects of the Russian Federation and local budgets], *The official website of the Treasury Russia*, available at: <http://www.roskazna.ru/byudzhetov-subektov-rf-i-mestnykh-byudzhetov/> (accessed 07.11.2014).

15. Buhgalterskij uchet. Nalogooblozhenie. Audit [Accounting. Taxation. Audit], *Audit-it-ru*, available at: http://www.audit-it.ru/currency/sr_vz.php (accessed 07.11.2014).

16. *Federal Customs Service. North-West Customs Administration*, available at: http://sztu.customs.ru/index.php?option=com_content&view=article&id=14690:2011-02-02-05-23-24&catid=189:2011-01-30-21-31-27&Itemid=104 (accessed 08.11.2014).

17. Struktura VRP po vidam jekonomicheskoi dejatel'nosti v 2012 g. [GRP structure by economic activities in 2012], *Federal State Statistics Service*, available at: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/accounts/# (accessed 30.11.2014).

18. Valovoj regional'nyj produkt: V tekushhix osnovnyh cenah — vsego (1998—2012gg.) [Gross regional product: The current basic prices — total (1998—2012gg.)], *Federal State Statistics Service*, available at: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/accounts/ (accessed 30.11.2014).

About the authors

Dr Svetlana Soldatova, Associate Professor, Immanuel Kant Baltic Federal University, Russia.

E-mail: SSOLDATOVA@kantiana.ru

Dr Kseniya Voloshenko, Associate Professor, Immanuel Kant Baltic Federal University, Russia.

E-mail: shusha2@mail.ru

Natalia Ogneva, Lecturer, Immanuel Kant Baltic Federal University, Russia.

E-mail: NSergieievich@kantiana.ru

ОБЩИЕ ЗАКОНОМЕРНОСТИ ПРОСТРАНСТВЕННОЙ ОРГАНИЗАЦИИ РОССИИ

УДК 911.3:316.347(470)

СОВРЕМЕННЫЕ ТЕНДЕНЦИИ ТРАНСФОРМАЦИИ ЭТНИЧЕСКОГО СОСТАВА НАСЕЛЕНИЯ РОССИИ

С.Г. Сафронов*

На основе итогов переписей населения 1989, 2002 и 2010 гг. в территориальном разрезе проанализированы процессы, происходившие в этнической структуре России в постсоветский период. Вопрос устойчивости этнической структуры «русского мегаядра» и «коренизации» национальных субъектов России рассмотрены с учетом различий в миграционной ситуации в течение двух межпереписных периодов и социально-экономической ситуации в субъектах РФ. Представленный уровень урбанизированности основных этносов косвенно характеризует перспективы сохранения традиционной «примордиалистской» этнической идентичности для разных этнических групп. Особое внимание уделено новым тенденциям — росту числа лиц, не давших однозначного ответа или уклонившихся от ответа на вопрос о своей этнической идентичности. Наряду с серьезными погрешностями при проведении переписи их причины могут быть связаны со скоростью модернизационных процессов и усложнением структуры этнической идентичности, по-разному протекающим в русских и национальных регионах. По данным переписи населения 2010 г. для сельского и городского населения исследованы различия в уровне полиэтничности, которая связана с историей и характером освоения регионов, особенностями расселения, а также миграционными процессами последних двух десятилетий.

* Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова
119991, Россия, Москва,
Ленинские горы, 1.

Поступила в редакцию 13.06.2015 г.

doi: 10.5922/2074-9848-2015-3-9

© Сафронов С.Г., 2015

Ключевые слова: этническая география, переписи населения, индекс этнической мозаичности, география населения

Особенности и проблемы учета этничности. Россия принадлежит к странам, в которых этнокультурное разнообразие всегда оказывало существенное влияние на внутреннюю и внешнюю политику. Не успев как другие европейские страны полностью пройти путь становления национального государства, она оказалась под влиянием этнонациональных концепций, принесенных вместе с социал-демократическими идеями из Австро-Венгрии и Германии. На рубеже XIX—XX вв. в дискуссии о сути понятия нация и возможных формах ее самоопределения — территориальной и экстерриториальной — приняли участия такие видные теоретики национального вопроса, как К. Каутский, О. Бауэр и К. Реннер.

В России национальный вопрос большевики, как и классики марксизма, рассматривали скорее с тактической точки зрения. Ленин, а позднее и Сталин жестко выступали против экстерриториальной национально-культурной автономии, которая угрожала бы «полному единству рабочих всех наций» [5; 6]. Однако право наций на самоопределение в форме национально-территориальной автономии могло бы привлечения на сторону большевиков население окраин, среди которого доля пролетариата была незначительна. Считалось, что оно станет одной из составных частей в борьбе за построение новой власти, а потом уступит место новым интернациональным формам идентичности [4].

Однако на деле советская национально-территориальная модель федерализма и административно-территориального деления, построенная на противоречивых и эклектичных принципах [16], этнические депортации и репатриации, способствовали закреплению в сознании населения примордиалистского понимания этничности. Оно уходит корнями в традиционалистское, преимущественно аграрное, малоподвижное общество, когда этнос рассматривается как объективные социальные образования людей на основе родства или свойства и имеющие общие интересы и цели. Этничность, дававшаяся человеку от рождения, жестко и однозначно фиксировалась в паспортах вплоть до начала 1990-х гг. В результате устойчивое доминирование примордиалистского подхода к этничности в умах рядовых граждан и значительной части российской элиты — один из серьезных вызовов для будущего страны.

При проведении переписей населения состав официально утвержденных списков народов и их иерархии утверждались политическим руководством страны и во многом определялись особенностями политической ситуации. Постсоветские переписи населения 2002 и 2010 г. и анализ их результатов проходят на фоне споров о природе этничности. В 1990—2000-е гг. в этнической сфере проявились новые тенденции — особенности воспроизводства этничности в крупных городах, множественная или вообще не вполне определенная этническая идентичность, быстрая ее смена в условиях геополитических подвижек или, наоборот, мобилизация в случае возникновения конфликтных ситуаций. Для их объяснения требуется привлечение инструменталистских и конструктивистских концепций, делающих акцент на функции этничности или на способы ее мобилизации и культивирования [8; 13; 14].

Постсоветские переписи оказались, за исключением расширения списка этносов, используемых для разработки ее результатов, мало адаптированы к новым процессам [10; 11]. Одни из наиболее серьезных

претензий к ним — однозначность фиксации этничности и качество проведения. Почти повсеместно отмечались случаи заполнения переписных листов на основе материалов, имеющихся в органах власти, без личного общения с людьми. Интенсивные миграционные процессы, значительный рост временно зарегистрированного и незарегистрированного населения приводят к снижению доли жителей, охваченных переписью. Однако, несмотря на все недостатки, переписи пока остаются основным источником данных о территориальной структуре этнического состава населения. Ее изменение происходит в результате сочетания классических этнодемографических процессов, связанных с естественным движением и миграциями представителей различных этносов, и относительно новых для России, связанные с трансформацией и усложнением структуры этнической идентичности.

При анализе территориальных сдвигов в составе *этнического пространства* России традиционно выделяются *три ключевых компонента*:

— *«русское мегаядро»*, контуры которого, по В. Н. Стрелецкому, «в основном (но не полностью) соответствуют границам сплошного территориального массива «русских» областей и краев» [12];

— *национальные регионы*, сильно дифференцированные по весу в населении страны и доле титульных этносов;

— *переходные этноконтактные зоны*, структура которых в последние десятилетия значительно усложнилась.

Наряду с традиционными поясами на периферии русского мегаядра, своего рода «внешними» этноконтактными зонами, расширяются и «внутренние» — крупные города с мозаичным этническим составом населения. И хотя, как правило, доля этнических меньшинств в них пока не столь значительна, активность последних, конкуренция на рынке труда, а также ареалы сегрегированного расселения по этническому признаку, привлекают все большее внимание [3]. При этом нет и однозначного ответа на вопросы о том, что из себя представляют этнические диаспоры в крупных городах — группы людей, объединенные объективно существующими целями и потребностями, или искусственно конструируемые и мобилизуемые элитами группы.

Русское «мегаядро», территории с абсолютным преобладанием (более 80%) в этническом составе населения русских на протяжении постсоветского периода почти не изменило своей конфигурации (рис. 1). Однако даже с учетом серьезных погрешностей данных переписей в его границах, несмотря на общую устойчивость¹, проявляются разные процессы. Лишь на периферии Центрального и Северо-Западного районов

¹ Если рассчитывать этническую структуру не от всего населения, а лишь от числа тех, кто дал ответ на вопрос об этнической принадлежности, доля русских и их «спутников» в целом по России снижается намного медленнее (с 83,3% в 2002 г. до 82,9% — в 2010 г.), а доля русских, взятых отдельно, даже немного выросла с 79,8 до 81,5% [9]. Однако такой неучет «неопределенных», доля которых особенно велика в наиболее урбанизированных и миграционно привлекательных регионах, представляется не вполне оправданным.

вес русских и их «спутников»² в этнической структуре населения относительно стабилен, а его снижение сильно коррелирует с увеличением числа тех, у кого в переписных листах по тем или иным причинам этническая принадлежность не указана (рис. 2). Значительная часть из этих регионов, расположенных в Нечерноземной зоне, в социально-экономическом плане мало привлекательны.

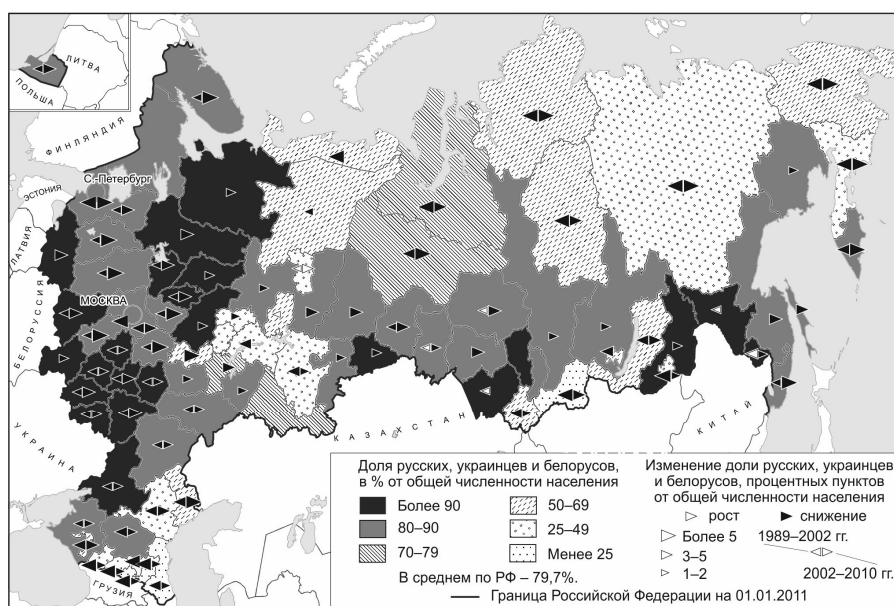

Рис. 1. «Русское мегадро» по данным переписи населения 2010 г.

В Центрально-Черноземном районе сохранение высокого веса славянских этносов во многом связано со сменой идентичности российских украинцев. Не только в пределах Слободской Украины, на современном российско-украинском пограничье, но и в других регионах украинцы и белорусы имеют сложную, подчас двойную этническую идентичность. Об этом свидетельствует быстрое сокращение доли украинцев и белорусов³ в постсоветский период, который невозможно объяснить лишь этнодемографическими процессами, включая миграцию [2].

² «Спутниками» русских В. В. Покшишевский весьма точно назвал украинцев и белорусов, принявших вместе с русскими активное участие в колонизационных процессах в пределах территории Российской империи и СССР, а также межэтнических браках [7].

³ В 2002—2010 гг. доля украинцев и белорусов в этнической структуре населения России продолжала быстро снижаться, в том числе и в регионах российско-украинского пограничья. Наряду с естественной убылью и незначительным миграционным оттоком важную роль играли ассимиляционные процессы в условиях распада СССР: по мере смены поколений молодежь все более ассоциируется с доминирующей этнокультурной традицией. Хотя украинцы и остаются «третьим» народом России (1,93 млн человек), их численность по сравнению с 1989 г. как и белорусов (0,54 млн человек) сократилась почти на 55%.

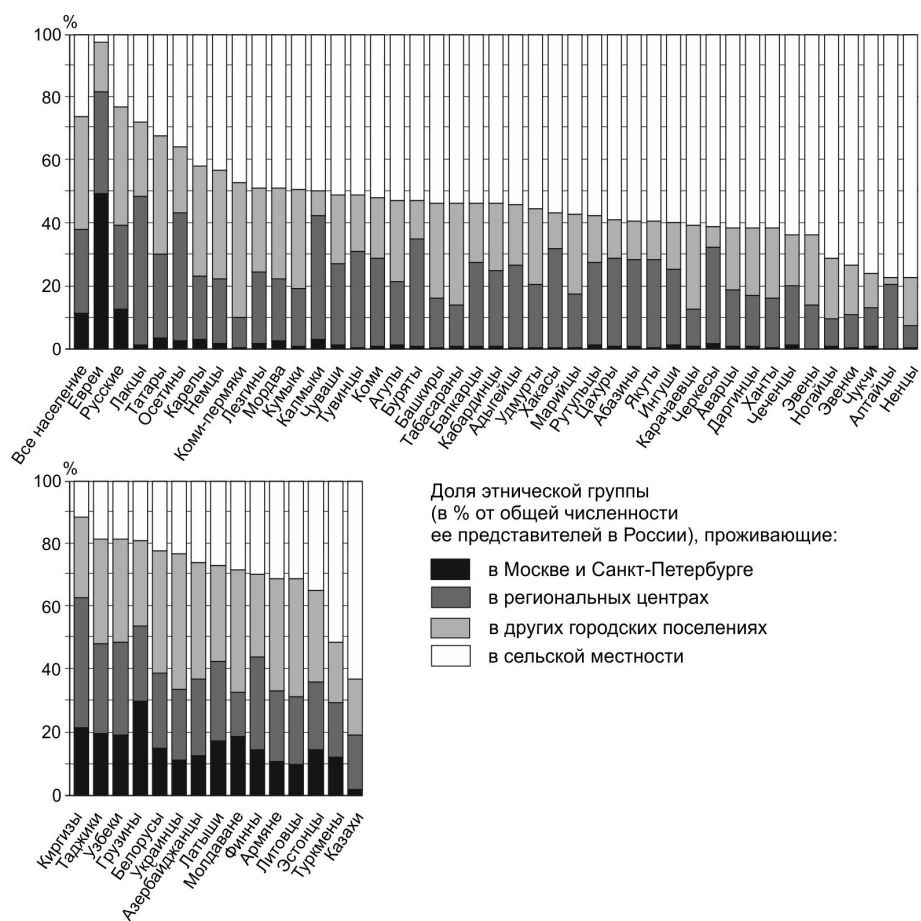

Рис. 2. Уровень урбанизированности этнических групп на территории России по данным переписи населения 2010 г.:
(а) — имеющих национально-территориальную автономию в составе России,
(б) — титульных народов бывших союзных республик

В Азиатской части страны доля русских и их «спутников» относительно высока и стабильна в пределах основной полосы расселения, выклинивающейся полосы, протянувшейся с запада на восток вдоль Транссибирской железнодорожной магистрали. В 1990—2000-е гг.

Повышенная доля белорусов сохраняется в «трофейных» регионах (Калининградская область, юго-западная часть Карелии), куда их активно переселяли в 1940—1950-х гг., после Великой Отечественной войны. Доля украинцев выше среднероссийской во многих регионах Европейского Севера и Азиатской части страны, население которых формировалось под влиянием интенсивных переселенческих миграций дореволюционного периода и советских трудовых миграций. Более 5% украинцев по-прежнему сохраняется в населении Ханты-Мансийского и Ямало-Ненецкого автономных округов, Магаданской области и Чукотском автономном округе.

крупные города, в первую очередь региональные центры, расположенные на Транссибе, приняли на себя часть миграции русских из более северных территорий.

Заметное снижение доли славянских этносов в пределах мегаядра в постсоветский период было характерно для экономически благополучных и миграционно привлекательных Санкт-Петербурга, Московской и некоторых соседних с ней областей, которые для многих мигрантов играют роль промежуточного этапа на пути в Московский столичный регион. «Необычная» ситуация характерна для Москвы: данные переписи 2010 г. не только не позволяют, а скорее «опровергают» очевидную и в целом продемонстрированную переписью 2002 г. тенденцию усиления полиэтнизации столицы. Это, вероятнее всего, связано с качеством проведения последней переписи и неполным охватом наличного населения Москвы.

Снижение доли русских в общей численности населения России в значительном числе регионов произошло за счет тех, кто в силу разных причин не дал ответа на вопрос о своей этнической принадлежности, что можно при всех оговорках считать одной из важных пока намечающихся тенденций трансформации этнической идентичности. В целом по России они составили около 5,6 млн человек, в сумме опередив татар, второй по численности народ России. И по образному выражению Д. Богоявленского, стали *вторым «квази-народом»* [2]. **«Неопределившиеся»** — это относительно новый элемент этнической структуры России, природа которого лучше трактуется в рамках конструктивистской концепции этничности. Значительному росту их числа способствовали как технические проблемы переписи — заполнение части переписных листов по административным данным, в которых сведения об этничности отсутствуют, так и отмена жесткой фиксации однозначной этнической принадлежности в паспортах, а значит и возможность для проявления множественной идентичности [10; 11].

Поэтому среди территорий с повышенной долей таких жителей выделяются как регионы со сложными в силу удаленности и разреженности расселения условиями для проведения переписи, так и более урбанизированные с интенсивным миграционным притоком (рис. 3). Прежде всего это федеральные города, наиболее «продвинутые» соседи Московской области первого порядка, где этот процесс начался еще в 1990-х гг., более урбанизированные регионы Урала и Западной Сибири.

Минимум же «неопределившихся» там, где этническая идентичность принципиальна для комфортного проживания индивида, испытывающего давление окружающего социума, где сильны позиции традиционной культуры, в которой этническая идентичность — средство политической мобилизации населения, нацеленное на увеличение доли титульного этноса. В первую очередь это республики Северного Кавказа и некоторые национальные субъекты в Среднем Поволжье.

Невелика доля «неопределившихся» и в пределах этноконтактных зон. Исключение составляют лишь отдельные наиболее сложные регионы, как например, Астраханская. В пределах этнического пограни-

чья этническая идентичность также выступает как средство политической мобилизации разных групп населения, которые, таким образом, по мнению национальных элит, смогут отстаивать свои социально-экономические интересы и сохранять культурную самобытность.

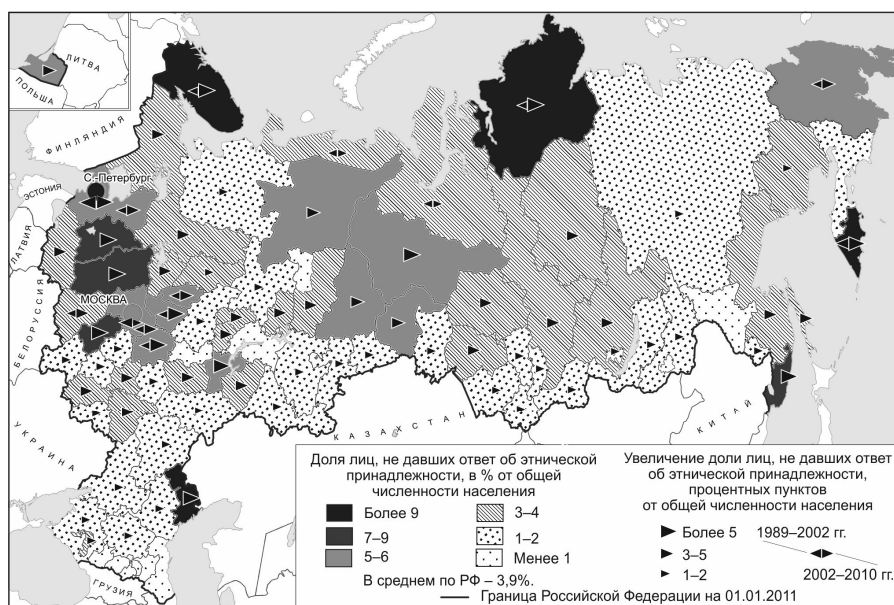

Рис. 3. Лица, не указавшие национальность по данным переписи населения 2010 г.

В большинстве национальных субъектов РФ⁴ в 1990-е гг. стала явно проявляться вторая ключевая тенденция трансформации этнического пространства — «**постсоветская коренизация**»⁵, увеличение доли титульных этносов в населении, сохранявшаяся хотя и с меньшими темпами и в 2000-х гг. Однако в отличие от советской коренизации ее содержание и природа была несколько иной: относительно более высокий естественный прирост у коренного населения национальных субъектов Северного Кавказа и Азиатской части страны на фоне оттока русских и их «спутников» и роста популярности этниче-

⁴ Здесь и далее сведения по национальным административно-территориальным даны в границах по состоянию на 2002 г.

⁵ Курс на коренизацию был провозглашен X съездом РКП(б) почти параллельно с началом НЭПа, а также работ по национальному размежеванию, и предусматривал «выращивание местных кадров и опору на коренное население республик». Одними из основных целей этой политики были усиление патернализма центра, воспитания новой советской элиты, борьба с традиционной культурой, освоение символов и смыслов индустриального общества [16]. Однако постепенно стала проявляться и обратная ее сторона — рост сепаратистских настроений среди новой национальной элиты — в полную силу проявившая себя по мере ослабления советского государства.

ской идентичности. Параллельно под влиянием социально-экономической нестабильности, ростом межэтнической напряженности или как в случае с Татарстаном еще и целенаправленной политики властей по привлечению этнической миграции из-за пределов России, происходило «стягивание» титульных народов в «свои» регионы — увеличение доли представителей этноса, проживающего в пределах национального субъекта (табл.).

Титульные этносы национальных субъектов РФ*
по данным Переписей населения 1989, 2002 и 2010 гг.

Субъект РФ	Этносы	Доля в населении республики, %			Доля представителей, проживающих в республике, %		
		1989г.	2002г.	2010г.	1989г.	2002г.	2010г.
<i>Республики</i>							
Чечня	чеченцы	...	93,5	95,1	—	75,8	84,3
Ингушетия	ингуши	...	77,3	93,5	—	87,4	86,7
Чечено-Ингушетия	<i>всево</i>	70,7	94,9**	95,9**	—	—	—
	<i>чеченцы</i>	57,8	71,7**	72,9**	81,7	82,9**	85,6**
	<i>ингуши</i>	12,9	23,2**	23,0**	76,1	88,1**	87,0**
Дагестан	Всего	80,2	86,6	87,4	—	—	—
	<i>аварцы</i>	27,5	29,4	29,2	91,2	93,1	93,2
	<i>даргинцы</i>	15,6	16,5	16,9	79,4	83,4	83,2
	<i>кумыки</i>	12,9	14,2	14,8	83,6	86,6	85,8
	<i>лезгины</i>	11,3	13,1	13,2	79,4	81,8	81,3
	<i>лакцы</i>	5,1	5,4	5,5	86,3	89,3	90,3
Тыва	тувинцы	64,3	77,0	81,0	96,3	96,7	94,5
Кабардино-Балкария	Всего	57,6	67,0	69,7	—	—	—
	<i>кабардинцы</i>	48,2	55,3	57,0	94,2	95,9	94,9
	<i>балкарцы</i>	9,4	11,6	12,6	90,4	96,8	96,2
Чувашия	чуваша	67,8	67,7	65,1	51,1	54,3	56,7
Северная Осетия-Алания	осетины	53,0	62,7	64,5	83,2	86,5	87,0
Калмыкия	калмыки	45,4	53,3	56,2	88,2	89,6	88,7
Татарстан	татары	48,5	52,9	53,2	32,0	36,0	37,9
Карачаево-Черкесия	Всего	40,9	49,8	52,5	—	—	—
	<i>черкесы</i>	9,7	11,3	11,8	79,3	81,9	77,2
	<i>карачаевцы</i>	31,2	38,5	40,7	86,1	88,0	89,0
Саха (Якутия)	Якуты	33,4	45,5	48,7	96,1	97,4	97,6
Марий Эл	марийцы	43,3	42,9	41,8	50,4	51,7	53,1
Мордовия	мордва	32,5	31,9	39,9	29,2	33,7	44,8
Алтай	алтайцы	31,0	32,7	33,9	85,2	92,5	92,7
Бурятия	буряты	24,0	27,8	29,5	59,8	61,3	62,2
Башкортостан	башкиры	21,9	29,8	28,8	64,2	73,0	74,0
Удмуртия	удмурты	30,9	29,3	27,0	69,5	72,3	74,3
Адыгея	адыгейцы	22,1	24,2	24,3	77,7	84,1	85,8
Коми	Коми	23,3	25,2	22,5	86,7	87,4	88,7
Хакасия	хакасы	11,1	12,0	12,0	80,1	86,5	87,2
Карелия	карелы	10,0	9,2	7,1	63,2	70,3	74,9

Окончание табл.

Субъект РФ	Этносы	Доля в населении республики, %			Доля представителей, проживающих в республике, %		
		1989г.	2002г.	2010г.	1989г.	2002г.	2010г.
<i>Автономные округа</i>							
Агинский Бурятский	буряты	54,9	62,5	65,1	10,1	10,1	10,9
Коми-Пермяцкий	коми-пермяки	60,2	59,0	54,2	64,8	64,1	66,7
Усть-Ордынский	буряты	36,3	39,6	39,8	11,8	12,1	10,8
Корякский	коряки	16,5	26,7	30,3	73,5	76,7	71,4
Таймырский (Долгано-Ненецкий)	Всего	13,2	21,5	25,8	—	—	—
	долгане	8,9	13,9	15,7	75,0	76,0	68,4
	Ненцы	4,4	7,7	10,1	7,2	7,4	7,8
Чукотский	чукчи	7,3	23,5	25,3	78,9	80,1	80,3
Эвенкийский	эвенки	14,0	21,5	22,0	11,6	10,7	9,3
Ненецкий	Ненцы	11,9	18,7	17,8	18,8	18,8	16,8
Ямало-Ненецкий	Ненцы	4,2	5,2	5,7	61,2	64,0	66,7
Ханты-Мансийский	Всего	1,4	1,9	2,0	—	—	—
	Ханты	0,9	1,2	1,2	53,4	59,7	61,6
	Манси	0,5	0,7	0,7	79,3	86,5	89,5
Еврейская авт. обл.	Евреи	4,2	1,2	0,9	1,7	1,0	1,0

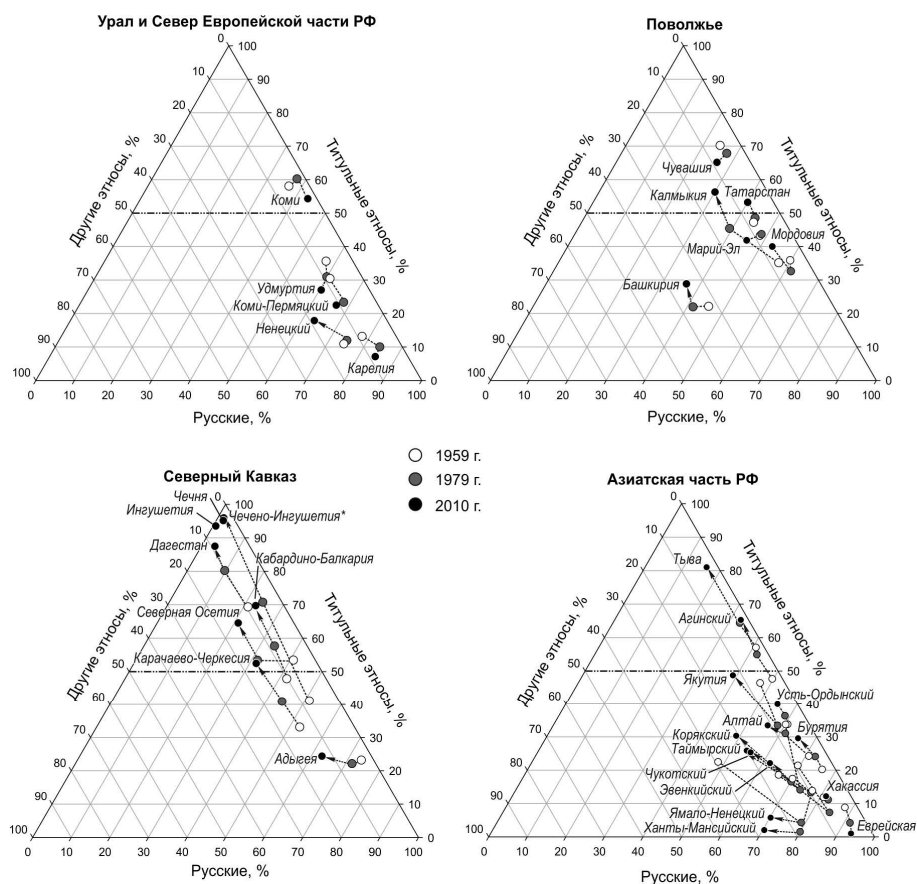
* По состоянию на 2002 г.

** В границах Чечено-Ингушетии 1989 г.

Однако в регионах эти тенденции проявлялись не столь однозначно и с разной интенсивностью, во многом обусловленной развитием на предшествующих исторических этапах. Значительный вклад в ход этих процессов вносит и этнодемографический фактор: почти все северокавказские этносы за последний межпереписной период увеличили или сохранили свою численность во многом благодаря сохранявшемуся положительному естественному приросту. Титульные этносы Урало-Поволжья и Севера Европейской части РФ в постсоветский период, как правило, имели суженное воспроизводство.

В результате выделяется три основные группы национальных субъектов в составе России по особенностям трансформации этнической структуры населения в послевоенный период (рис. 4).

Для *первой группы*, включающей республики Северного Кавказа, Калмыкию и Тыву, быстрое уменьшение доли русскоязычного населения — лишь продолжение давно обозначившейся тенденции. Сначала это происходило в силу различий в темпах естественного прироста различных этнических групп, а позднее — в сочетании с миграционным оттоком русскоязычного населения, в разной форме выдвигавшегося из республик. Все в итоге усиливает в этих регионах влияние традиционной культуры, способствует сохранению традиционных практик и институтов, а значит, и традиционной этнической идентичности, успешно конкурирующей с гражданской, общероссийской национально-политической. Даже периодические трудовые миграции из этих регионов в крупные города, в которые вовлечена значительная часть мужского населения, как правило, не в состоянии подорвать эту базовую этническую идентичность.

* В границах Чечено-Ингушетии 1989 г.

Рис. 4. Этническая структура населения национальных субъектов России

Диаметрально противоположная ситуация в регионах *второй группы*, которую образуют большинство национальных субъектов Севера Европейской части и Урало-Поволжья, где естественная убыль коренного населения сочетается с ассимиляционными процессами, что обычно приводит к незначительному росту доли в населении русских и их «спутников». По итогам переписи 2010 г. эта тенденция была статистически неправдоподобно резко и без каких-либо объективных на то оснований «переломлена» лишь в Мордовии, что обычно связывается или с «техническими особенностями проведения» переписи, или с соответствующей «работой с населением». И это «исключение» не отменяет значительного распространения более сложной двойной или множественной этнической идентичности.

Заметно отличается динамика лишь в двух тюркоязычных республиках. В Татарстане суженное естественное воспроизводство сочетается с активной социально-экономической и миграционной политикой властей на фоне умеренного оттока русскоязычного населения. В Башкортостане ситуация осложняется наличием трех этносов, доля кото-

рых сопоставимы — башкир (28,8%), татар (24,8%) и русских (35,2%). В последней сложно объяснимые обычными причинами резкие изменения этнической структуры (особенно на уровне отдельных муниципалитетов) по данным переписей населения 1979, 1989 и 2002 гг. уже стали хрестоматийным примером влияния административного фактора при проведении переписных кампаний.

Третья группа состоит из ресурсных или слабо экономически развитых регионов Азиатской части страны, относительно недавнего освоения, в которых интенсивная «постсоветская коренизация» вызвана не только и не столько более высокими темпами естественного прироста у коренных этносов, сколько интенсивным оттоком русскоязычного населения, связанным с экономическими причинами — сокращение числа и усилением конкуренции за престижные рабочие места, падение уровня жизни и относительного размера доходов. Для таких регионов для разных групп населения, по-видимому, характерно сочетание разных типов этнической идентичности, в том числе и множественной. Причем титульная этническая идентичность нередко, как, например, накануне переписи 2010 г. в республике Алтай, дополнительно мобилизуется усилиями властных элит.

Следствие концентрации этносов в пределах «своих» республик — сохранение пониженного **уровня урбанизированности** (см. рис. 2), что, в свою очередь, способствует сохранению этнического традиционализма. Относительно высокую долю горожан кроме русских имеют лишь татары и осетины, в пределах традиционных ареалов расселения которых сложились крупные экономические и административные центры. Историческая судьба, участие в вынужденных миграциях, способствовали более высокой урбанизированности евреев и лакцев⁶.

Намного более урбанизированы и представители этнических диаспор бывших союзных республик в России, сформировавшихся во многом в результате трудовых миграций советского и постсоветского периодов. Значительно выше концентрация представителей диаспор в региональных центрах и столицах. Исключение составляют лишь казахи, значительная часть которых расселена в сельской местности в приграничных с Казахстаном регионах, и туркмены, около 40% которых проживает в сельской местности Ставропольского края, куда они переселились на рубеже XVII—XVIII вв. с полуострова Мангышлак.

Представители диаспор благодаря низкой статистической базе были и остаются лидерами по темпам роста среди российских этносов.

⁶ В «первый» раз это произошло в ходе кампании переселения горцев в предгорья и на равнину, активно продвигавшейся советской властью. В 1944 г. часть лакцев была переселена на освободившиеся в процессе депортации чеченцев-аккинцев земли образованного Новолакского района. В 2011 г. на фоне роста межэтнической напряженности и земельных претензий вернувшегося из депортации чеченцев-аккинцев было принято решение о повторном переселении жителей Новолакского района на бывшие земли Кировского района к северу от Махачкалы. Сам по себе этот вариант несет потенциальную угрозу возникновения новых межэтнических противоречий.

В 1990-е гг. впереди были таджики и представители закавказских народов, миграции которых в Россию подталкивали острые межэтнические конфликты и экономическая ситуация в своих республиках. В 2000-е гг. максимальные темпы демонстрируют в первую очередь народы Средней Азии — киргизы, узбеки, таджики. А вот численность грузин и азербайджанцев по официальным данным в 1990—2000-х гг. даже несколько снизилась, что вряд ли поддается разумной интерпретации.

Еще одна общепризнанная тенденция в развитии этнического пространства России постсоветского периода — «гетерогенизация этнического состава населения крупных городов» [12, с. 1]. Однако эта не вызывающая сомнений на уровне обыденных представлений тенденция не столь универсальна: в пределах России можно выявить несколько вариантов-сочетаний уровня этнического разнообразия населения сельской местности, региональных столиц и остальных городов. Один из способов сопоставления этнического разнообразия — сравнение соответствующих **индексов этнической мозаичности**, которые были рассчитаны на основе методики, предложенной Б. М. Эккелем⁷ (рис. 5). В данном случае содержательный смысл индекса — оценка «теоретической вероятности вступления национальностей в межэтнические контакты» [15].

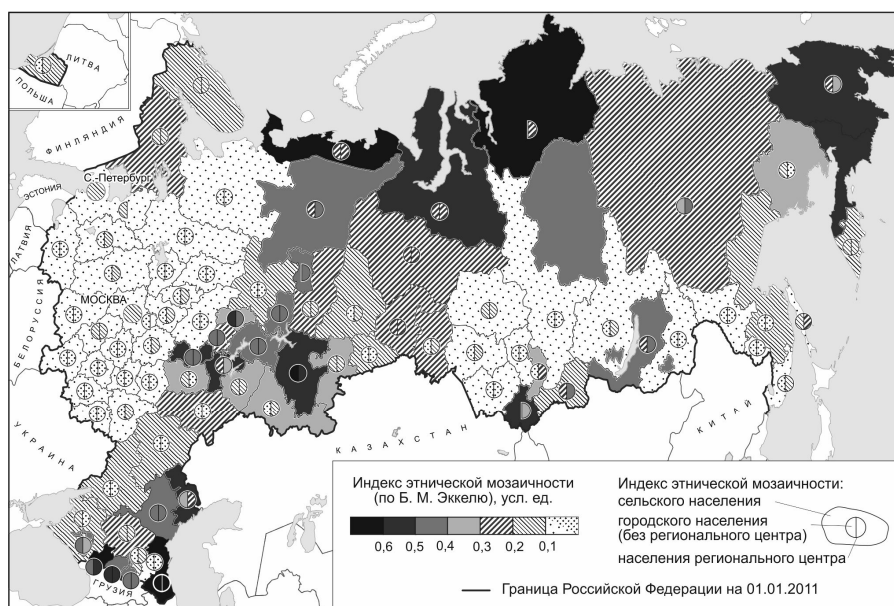

Рис. 5. Индекс этнической мозаичности по данным переписи населения 2010 г.

⁷ Индекс этнической мозаичности, по Б. М. Эккелю:

$$P = \sum_{i=1}^m \pi_i (1 - \pi_i),$$

где — P — индекс мозаичности этнической структуры населения, m — количество этнических групп в регионе, π_i — доля i -го этноса во всем населении.

При расчете учитывались этносы, доля которых в населении составляла более 0,5%, русские и «их спутники» рассматривались как единая этническая группа.

Четко вырисовываются две противоположные по типу ситуации. Значения индекса этнической мозаичности минимальны в «русском мегаядре»: как в Европейской части России, так и в русских регионах Азиатской части страны, расположенных вдоль основной полосы расселения⁸. На этом фоне выделяются центры некоторых областей-соседей первого порядка Московского столичного региона. Минимальные значения также характерны для Чечни с Ингушетией, откуда в 1990—2000 гг. было практически полностью вытеснено русскоязычное население. Максимальные значения индекса для сельской местности — в национальных республиках, где проживает несколько этносов, а также в пределах регионов этноконтактных зон, вовлеченных в интенсивные этнические миграции.

Хотя города в среднем более этнически мозаичны, эта закономерность не универсальна. Значения индекса для городов и сельской местности «русского мегаядра» отличаются незначительно — не более, чем на 0,1—0,2. Естественно, несколько более пестрое в этническом плане население более привлекательных для трудовой миграции региональных центров. Во многих национальных республиках крупные города, особенно столицы, также имеют более высокие значения индекса, но уже за счет более высокой доли русских и их «спутников». А вот в русских регионах в пределах этноконтактных зон в Среднем и Нижнем Поволжье, на Северном Кавказе, на Урале и в Азиатской части, города, опорные центры русской колонизации, а позднее советской индустриализации, чаще всего, наоборот, менее мозаичны в этническом отношении по сравнению с сельской местностью.

Выводы. Сравнительный анализ результатов постсоветских переписей населения России позволяет говорить об усложнении этнических процессов на территории страны. Наряду с классическими этнодемографическими процессами постепенно важную роль начинают играть вопросы формирования этнической идентичности и ее устойчивости.

Это касается прежде всего наиболее привлекательных и благополучных в экономическом и социально-политическом плане регионов, в которых наиболее интенсивно растет доля лиц по той или иной причине не давших ответ на вопрос о своей этнической принадлежности. Эти межрегиональные различия примечательны даже с учетом технических погрешностей, допущенных при проведении переписи, а тезис об устойчивости «русского мегаядра» требует уточнения.

Процессы увеличения доли титульных этносов в населении, а также «стягивания» народов в «свои» республики, характерные для большинства национальных субъектов России в постсоветский период несколько замедлились в 2000-е гг. Все большее значение приобретают трудовые миграции, в первую очередь в крупнейшие агломерации. Существенная часть трудоспособного (прежде всего мужского) населения большую часть года проводит вне регионов постоянной регистрации. Это «размывает» статичную территориальную этническую картину, фиксируемую переписью картину.

⁸ Здесь надо иметь в виду и некоторую возможную недооценку переписью этнического разнообразия урбанизированных территорий.

В то же время переписные данные не позволяют говорить о значительно более высоком по сравнению с окружающей сельской местностью этническом разнообразии населения всех городов России. Уровень этнической мозаичности определяется набором факторов, имеющих для каждого региона разный вес: размером и административным статусом городов, их генезисом, развитостью крупногородского расселения, экономической ситуацией в регионе.

Список литературы

1. *Белозеров В. С.* Этническая карта Северного Кавказа. М., 2005.
2. *Богоявленский Д.* Перепись 2010: этнический срез // *Население России 2010—2011*. М., 2013. С. 93—143.
3. *Вендина О. И.* Мигранты в Москве: грозит ли столице этническая сегрегация? М., 2005.
4. *Карр Э.* История Советской России: большевистская революция 1917—1923. М., 1990. К. 1. С. 325—402.
5. *Ленин В. И.* О праве наций на самоопределение // *Полн. собр. соч.* М., 1969. Т. 25.
6. *Осипов А. Г.* Национально-культурная автономия: идеи, решения, институты. СПб., 2004.
7. *Покишиевский В. В.* Этнические процессы в городах СССР и некоторые проблемы их изучения // *Советская этнография*. 1969. Март—апрель. №5. С. 3—15.
8. *Соколовский С. В.* Перспективы развития концепции этнонациональной политики в Российской Федерации. М., 2004.
9. *Социальный атлас регионов России: этнический состав населения.* URL: <http://www.socpol.ru/atlas/overviews/settlement/index.shtml#ethnic> (дата обращения 15.01.2014).
10. *Степанов В. В.* Этническая идентичность и учет населения // *Этнография переписи — 2002*. М., 2003. С. 31—62.
11. *Степанов В. В.* Этническая статистика и российское законодательство // *Этнические категории и статистика*. М., 2008. С. 20—32.
12. *Стрелецкий В. Н.* Россия в этнокультурном измерении: факторы регионализации и пространственные структуры // *Региональное развитие и региональная политика России в переходный период*. М., 2011. С. 146—176.
13. *Тишков В.* Идентичность и культурные границы // *Идентичность и конфликт*. М., 1997. С. 15—43.
14. *Тишков В. А.* Российский народ: история и смысл национального самосознания. М., 2013.
15. *Эккель Б. М.* Определение индекса этнической мозаичности национального состава республик, краев и областей СССР // *Советская этнография*. Март—апрель. 1976. №2. С. 33—42.
16. *Этнический и религиозный факторы в формировании и эволюции российского государства*. М., 2012.

Об авторе

Сафронов Сергей Геннадьевич, кандидат географических наук, доцент кафедры экономической и социальной географии России, Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова, Россия.

E-mail: saffff@mail.ru

RUSSIAN POPULATION ETHNIC STRUCTURE: TRENDS AND TRANSFORMATIONS

S. Safronov*

* *Lomonosov Moscow State University
1 Leninskie Gory, Moscow, 119991, Russia*

Submitted on June 06, 2015

Based on the census data from 1989, 2002 and 2010, the article analyzes the evolution of the ethnic structure of the population of the post-Soviet Russia from the territorial perspective. The stability of the ethnic structure of the "Russian mega nucleus" and indigenization of the national regions are considered in view of the differences in migration trends during the two inter-census periods and the socioeconomic situation in the regions. The urbanization rate of major ethnic groups is an indirect indicator of the prospects of traditional "primordial" ethnic identities in different ethnic groups. Special attention is paid to new trends — an increase in the number of people refraining from answering the question about their ethnic identity or giving an unclear answer. Alongside serious census errors, this phenomenon can be a result of growing complexity of the ethnic identity structures and the processes of modernization, which occur at different rates in Russian and national regions. Based on the 2010 census data, the article analyses the differences in polyethnicity between the rural and urban population, which are accounted for by the historical background, particularities of regional development, settlement features, and migration processes of the past two decades.

Key words: ethnic geography, population censuses, ethnic mosaic index, population geography

References

1. Belozerov, V. S. 2005, *Jetnicheskaja karta Severnogo Kavkaza* [Ethnic map of the North Caucasus], Moscow.
2. Bogojavlensky, D. 2013, *Perepis' 2010: jetnicheskij srez* [2010 Census: Ethnic section]. In: *Naselenie Rossii 2010—2011* [The population of Russia 2010—2011], Moscow, p. 93—143.
3. Vendnina, O. I. 2005, *Migranty v Moskve: grozit li stolice jetnicheskaja segregacija?* [Migrants in Moscow: whether threatens the capital of ethnic segregation?], Moscow.
4. Karr, E. 1990, *Istorija Sovetskoj Rossii: bol'shevistskaja revoljucija 1917—1923* [History of Soviet Russia: the Bolshevik Revolution 1917—1923], T. I, Moscow, p. 325—402.
5. Lenin, V. I. 1969, *O prave nacij na samoopredelenie* [On the right of nations to self-determination]. In: *Polnoe sobranie sochinenij* [Complete set of works], T. 25, Moscow.
6. Osipov, A. G. 2004, *Nacional'no-kul'turnaja avtonomija: idei, reshenija, instituty* [National-Cultural Autonomy: ideas, solutions, institutions], Saint Petersburg.
7. Pokshishevsky, V. V. 1969, *Jetnicheskie processy v gorodah SSSR i nekotorye problemy ih izuchenija* [Ethnic processes in the cities of the USSR and some problems in their study], *Sovetskaja jetnografija* [Soviet ethnography], March-April, no. 5, p. 3—15.

8. Sokolovsky, S. V. 2004, *Perspektivy razvitija koncepcii jetnonacional'noj politiki v Rossijskoj Federacii* [Prospects of development of the concept of ethnic policy of the Russian Federation], Moscow.

9. Social'nyj atlas regionov Rossii: jetnicheskij sostav naselenija [Social Atlas of Russian Regions: the ethnic composition of the population], *Nezavisimyj institut social'noj politiki* [Independent Institute for Social Policy], available at: <http://www.socpol.ru/atlas/overviews/settlement/index.shtml#ethnic> (accessed 15.01.2014).

10. Stepanov, V. V. 2003, *Jetnicheskaja identichnost' i uchet naselenija* [Ethnic identity and registration of the population]. In: *Jetnografija perepisi* [Ethnography census], Moscow, p. 31—62.

11. Stepanov, V. V. 2008, *Jetnicheskaja statistika i rossijskoe zakonodatel'stvo* [Ethnic statistics and the Russian legislation], available at: <http://www.valerytishkov.ru/engine/documents/document1258.pdf> (accessed 15.01.2014).

12. Streletsky, V. N. 2011, *Rossija v jetnokul'turnom izmerenii: faktory regionalizacii i prostranstvennyye struktury* [Russia in ethno-cultural dimension: the factors of regionalization and spatial structures]. In: *Regional'noe razvitie i regional'naja politika Rossii v perehodnyj period* [Regional development and regional policy of Russia in the transition period], Moscow, p. 146—176.

13. Tishkov, V. 1997, *Identichnost' i kul'turnye granicy* [Identity and cultural boundaries]. In: *Identichnost' i konflikt* [Identity and Conflict], Moscow, p. 15—43.

14. Tishkov, V. A. 2013, *Rossijskij narod: istorija i smysl nacional'nogo samoznaniija* [The Russian people: the history and meaning of national identity], Moscow.

15. Ekkel, B. M. 1976, *Opredelenie indeksa jetnicheskoy mozaichnosti nacional'nogo sostava respublik, kraev i oblastej SSSR* [Defining index ethnic mosaic of the national composition of the republics and regions of the USSR], *Sovetskaja jetnografija* [Soviet ethnography], March-April, no. 2, p. 33—42.

16. Krasovitskaia, T. Yu., Tishkov, V. A. (ex. ed.), 2012, *Jetnicheskij i religioznyj faktory v formirovanii i jevoljucii rossijskogo gosudarstva* [Ethnic and religious factors in the formation and evolution of the Russian state], Moscow.

About the author

Dr Sergey Safronov, Associate Professor, Department of Economic and Social Geography of Russia, Moscow State University, Russia.

E-mail: saffff@mail.ru

УДК 911.3:33

**ОСНОВНЫЕ ТРЕНДЫ
ТЕРРИТОРИАЛЬНО-
ОТРАСЛЕВЫХ ИЗМЕНЕНИЙ
В ПРОМЫШЛЕННОСТИ
РОССИИ**

В.И. Часовский*

Рассматриваются основные тенденции изменений территориально-отраслевой структуры национальной индустрии, закономерности перестроения промышленных систем в более эффективные в транзитивных условиях промышленно-интегрированные комплексы. Основная цель работы — предложить новый концептуальный подход к изучению процессов структурной трансформации промышленных систем в условиях переходного периода развития национальной экономики, который позволяет выявить тренды основных изменений в национальной индустрии. Исследование призвано привлечь внимание к методологии формирования и проведения промышленной политики и разработке алгоритма эффективного перестроения индустрии России в условиях современного международного разделения труда.

Процесс трансформации национальной индустрии связан с использованием механизмов формирования промышленно-интеграционных структур с помощью единичных организационно-производственных модулей, способных рационально соединять и модифицировать элементы национальной производственной структуры в транснациональные конкурентоспособные производства, такие как кластеры и другие рыночные формы производства, представляющие собой своеобразные «точки роста» и выступающие как элементы формирующегося нового каркаса национальной индустрии.

Результатом разработанной автором методики стали новые концептуальные подходы, методы и принципы анализа трансформации территориально-отраслевой промышленной системы страны в переходный период развития экономики, установлены и проанализированы современные факторы, особенности, закономерности и тенденции трансформации промышленной системы страны, разработан механизм формирования и осуществления структурной промышленной политики в России.

Ключевые слова: промышленность, территориально-отраслевые изменения, транзитивный период, трансформационная экономика, транснациональные воспроизводственные полюса, международная интеграция, «точки роста» экономики, промышленная политика

* Балтийский федеральный университет им. И. Канта.
236041, Россия, Калининград,
ул. А. Невского, 14

Поступила в редакцию 15.11.2014 г.

doi: 10.5922/2074-9848-2015-3-???

© Часовский В.И., 2015

Введение

На современном этапе развития мирового хозяйства актуализируется выявление и изучение экономических ядер для формирования стратегических направлений развития национальной индустрии. Особенно актуальным это изучение становится для стран с переходным типом экономики, к которым относится Россия. Научное осмысление структурных сдвигов в промышленной сфере традиционно относится к числу приоритетных задач экономической географии, и многие ее достижения в области аксиоматизации и законотворчества ассоциируются именно с развитием и размещением индустрии [20].

В начале 1990-х гг. Россия не была готова к активному проведению структурной трансформации национальной индустрии, отрасли которой не соответствовали требованиям мировых стандартов. В этой связи процесс структурно-пространственной модернизации промышленности носил в основном стихийный характер [19]. Между тем и в последнее десятилетие XXI в. эффективной структурной политики по отношению к национальной индустрии на всех территориальных уровнях еще не проводится, а решение данной проблемы сдерживается недостаточной проработанностью научных основ структурной трансформации индустриальных комплексов постсоветских стран. В условиях формирования рыночных начал в экономиках постсоветских республик, внимание экономикогеографов к теоретическим проблемам реструктуризации национальной промышленности заметно ослабло, что еще более актуализирует настоящее исследование [21].

Территориальные и отраслевые изменения, происходящие в промышленности России, часто остаются без глубокого теоретического анализа и методологического обоснования. В настоящее время по поводу перспектив развития промышленного комплекса страны больше вопросов, чем ответов. К примеру, не ясно, в чем состоят настоящие преимущества межреспубликанской производственной кооперации стран СНГ, нередко характеризующиеся однотипной сырьевой специализацией и ослабленные кризисами? Каким образом России следует учитывать свой природно-ресурсный потенциал при адаптации промышленности к глобальному рынку? Какие структуры — вертикально интегрированные или сетевые — могут обеспечить конкурентоспособность национальному производству на глобальном рынке? Несмотря на имеющиеся попытки отечественных ученых охарактеризовать структурные преобразования в национальных промышленных комплексах, соответствующих идей концептуального характера, оптимально отражающих данный процесс, мало. Между тем география российской индустрии обладает достаточно выраженной индивидуальностью, что обуславливает необходимость корректировки существующих методологических подходов с учетом данной специфики.

В силу своеобразия переходного характера российской экономики задача модернизации и формирования нового промышленного комплекса не может быть решена путем применения как сугубо планово-

административных, так и рыночных методов управления. Поэтому одной из приоритетных исследовательских задач является как поиск оптимальных путей территориально-отраслевой реструктуризации промышленности, так и методов территориального управления в транзитивных условиях развития российской экономики.

Методология исследования

Структурные изменения промышленной системы — процесс преобразования форм, структур и способов экономической деятельности в системах, обусловленных действием территориальной совокупности экономических, социальных и других факторов [14]. В основе изменения промышленной системы, как и любой территориально-экономической системы, лежат следующие качества: размеры предприятий, обеспеченность их ресурсами, экономико-географическое положение, уровень квалификации управленческого и инженерно-технического персонала и др. Промышленная система состоит из совокупности предприятий, обладающих специфическим сочетанием подобных качеств. Поэтому в качестве объекта исследования изменений территориальной организации промышленности следует рассматривать процесс структурных трансформаций в производственных системах разного ранга.

Отметим, что теоретико-методологическая основа данного исследования базируется на концептуальном аппарате и теоретических положениях, разработанных отечественными и зарубежными учеными по исследуемой проблеме. Значительное влияние на изложенные в работе теоретические обобщения оказали научные труды зарубежных ученых в области экономической теории, таких как Ж.-Р. Будвиль, И. Валлерстайн, У. Изард, Ф. Перру, М. Портер, Дж. Фридман, П. Хаггет, Г. Мюрдаль, Дж. Фридман, Т. Хегерstrand, Х. Р. Ласуэн [17; 28—32], а также труды отечественных экономико-географов и экономистов, таких как: А. И. Алексеев, П. Я. Бакланов, А. П. Горкин, Б. Н. Зимин, Б. М. Ишмуратов, Э. Г. Кочетов, А. В. Мошков, Н. М. Межевич, Н. С. Мироненко, Л. В. Смирнягин, А. И. Трейвиш, А. И. Чистобаев, М. Д. Шарыгин, П. Г. Щедровицкий [1—2; 7; 9; 12; 14; 21; 27] и др.

К сожалению, наиболее значимые труды по географии промышленности относятся либо к плановой экономике советской эпохи, либо к рыночной капиталистической, в то время как исследования изменений национальных промышленных систем в условиях транзитивного периода изложены крайне схематично и недостаточно географизированы. Без должной основательности рассматриваются тренды и специфика структурно-пространственных преобразований в индустриальном сегменте российской экономики.

В настоящем исследовании мы предлагаем новый концептуальный подход к изучению пространственных и структурных изменений национальной промышленной системы в условиях транзитивной экономики, который позволяет выявить тренды основных изменений в российской индустрии.

Концептуальные основы организации производства и тренды изменения в промышленных системах стран с транзитивной экономикой

Методологическим инструментарием для комплексного анализа изменений в промышленных системах стран с транзитивной экономикой предлагаем считать положения поляризованного развития государств и теорий конкурентоспособности, а также концепции промышленных кластеров с точки зрения перспектив их интернационализации как формы трансграничного сотрудничества.

В ходе данного исследования было выявлено, что Россия в силу своих специфических экономико-географических особенностей и сложностей транзитивного периода отличается замедленной модернизацией производственных структур и адаптацией к МРТ [12]. Поэтому при организации национального производства в условиях современных требований мирового развития стране необходимо использовать механизмы формирования промышленно-интеграционных структур с помощью единичных организационно-производственных модулей, способных оптимально соединять и трансформировать элементы национальной промышленной структуры в интернациональные конкурентоспособные производственные модули.

В переходных к рыночной экономике условиях интернационализация может стать одним из ориентиров для модернизации российской индустрии и ее дальнейшего участия в МРТ. В такой среде разрозненные звенья различных национальных производств соединяются в единый *интернационализированный воспроизводственный цикл* — вынесенный за национальные рамки процесс расширенного воспроизводства, где звеньями глобального воспроизводственного процесса становятся национальные и наднациональные хозяйствующие субъекты, принимающие участие в формировании единого *интернационализированного воспроизводственного поля*. Имея специфическую территориально-отраслевую структуру, состоящую из двух самостоятельных составных интернационализированных частей — *производства и сферы обращения* — данное поле влияет на сдвиги в промышленности страны [9]. В сумме интернационализированные части этих сфер и составляют, по нашему мнению, *транснациональные воспроизводственные полюса (ТНВП)* — интернационализированные территориально-отраслевые ядра воспроизводства (рис.1). ТНВП, связанные международными кооперационными связями, могут образовывать интермодальные «коридоры (оси) роста».

Известно, что международная кооперация может «растаскивать» и встраивать (в виде структурных звеньев) конкурентоспособные национальные производства сразу в несколько транснациональных образований. Тем более что в России к началу 2000-х гг. уже сформировались основные модули, составляющие структурные элементы для построения интернационализированных промышленных систем. Этому в данный период способствовал усилившийся обмен научными и техническими идеями, соединившийся с новыми возможностями финансиру-

ния крупных объектов, сооружаемых совместными усилиями ТНК в рамках *производственно-коммерческих агломераций (ПКА)* — подвижных «ядер» ТНВП. ПКА, как правило, функционируют в форме международных концернов или консорциумов, чаще совместных дочерних корпораций, создаваемых сразу несколькими корпорациями, с широким спектром деятельности [9]. Между ними осуществляются поставки продукции на всех стадиях производственного процесса, перешагнувшего за национальные рамки.

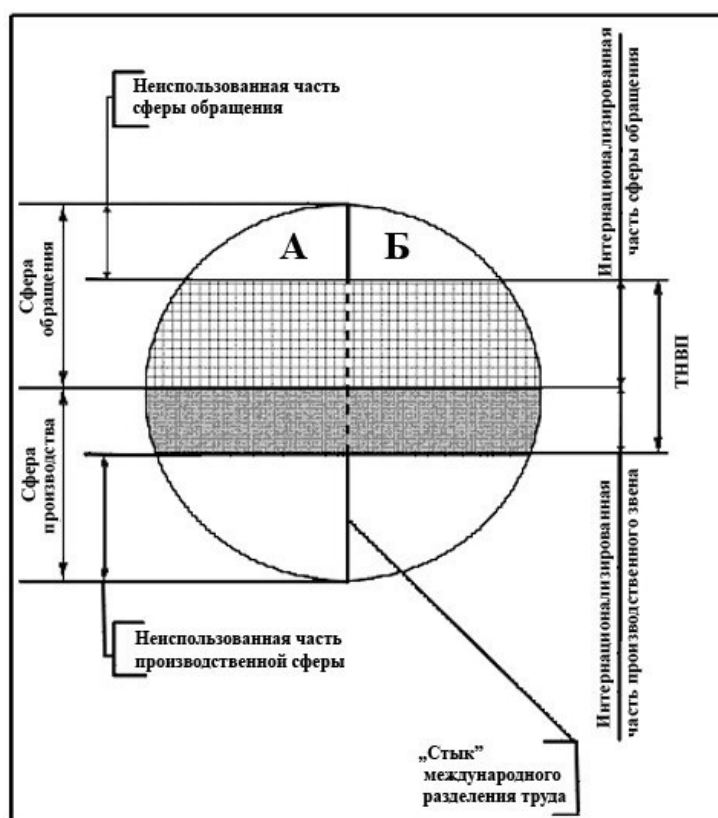

Рис. 1. Пространственно — отраслевая схема транснационального воспроизводственного полюса (ТНВП): А, Б — национальные промышленные комплексы и производства

В связи с развитием производственного, научно-технического и инвестиционного кооперирования границы обмена товарами переходят на новый стык — межфирменный (межкорпорационный, межквартальный) — обмен между производственно-инвестиционными комплексами.

В результате вышеперечисленных трансформационных процессов и на российском экономическом пространстве наметился *тренд*, связанный с приспособлением крупнейших национальных промышленных ТНК к МРТ, что связано с ускоренным развитием межкорпорационного разделения труда, то есть специализации предприятий, сформировав-

шихся на транснациональной основе и выступающих в организационном и управленческом плане как ТНВП.

Медленная адаптация трансформирующейся части промышленного комплекса России к системе МРТ и активное образование элементов ПКА обусловили возникновение и другого тренда — *территориально-го и отраслевого «свертывания» производства широкой гаммы товаров, «вымывания» ассортиментных ветвей товаров потребительского назначения, разнообразного технического оборудования и машин, производящихся еще по советским технологиям.*

При рассмотрении современного механизма развития общественно-го разделения труда в стране необходимо исходить из единства и взаимодействия межконтинентального и международного разделения труда, так как происходящая переориентация в движении международных кредитов создает предпосылки для расширения сферы деятельности ПКА по реализации сложных национальных проектов, что, в свою очередь, придает ТНВП подвижный характер. ТНВП быстро перемещаются в те точки геоиндустриального пространства, где создаются очень выгодные условия воспроизводства. *Сдвиги между межконтинентальным и международным общественным разделением труда приобретают характер пульсаций*, в которых выражается еще один тренд, присущий мировой экономике и распространяющийся на промышленность России как составную часть мировой экономики. Усложнение общественного разделения труда в геоиндустриальном пространстве ведет к постоянному пересмотру национальной отраслевой и территориальной структуры производства.

Особый интерес в данном исследовании представляет и вопрос эффективного участия трансформирующихся промышленных модулей в МРТ. В этой связи обеспечение максимального эффекта от включения в МРТ российских промышленных модулей требует тщательного дифференцированного отбора конкурентоспособных отраслей. Это могут быть производства, которые с учетом происходящих в них изменений имеют возможность активного включения в МРТ по линии экспорта своей продукции. Одновременно они должны иметь инфраструктуру, способную обеспечить на современном уровне отдачу от импортируемых ими технического оборудования и машин, комплектующих изделий и сырья [16; 18].

Между тем практика показывает, что *«слабо регулируемый» выход российских промышленных отраслей на мировой рынок без одновременного подключения к данному процессу сопряженных отраслей приводит в экономику страны негативные «очаговые» процессы. Гипертрофированное «очаговое» развитие отдельных промышленных отраслей ведет к искусственному моральному старению многих сопряженных отраслей*, и с этим связан еще один тренд изменения в отечественной промышленности [14; 23].

Для переходного периода также требуются новые экономические модели (сочетание типов моделей), которые нивелировали бы разрыв между условиями функционирования субъектов хозяйствования в на-

циональной и международной средах. Невозможно рационально использовать эффект разнообразия рыночных отношений, если индустрия страны представлена на мировом рынке гигантскими монополистами, причем степень финансовой и промышленной монополизации в некоторых российских структурах почти несопоставима ни с одной крупной корпорацией Запада. К сожалению, в российской экономике такое положение дел продолжает наблюдаться и сегодня. Поэтому следующий тренд в развитии отечественной экономики связан со *структурным перекосом в ее промышленности, который достиг такого размера, что последняя практически принесена в жертву трем отраслевым анклавам: сырьевому, оборонно-промышленному и топливно-энергетическому*. Экономические границы данных промышленных комплексов почти совпадают с национальными границами, «подмяв» под себя остальные отрасли хозяйства [27].

Однако в стратегическом плане важно не разрушать монопольные производственные структуры, а реструктуризировать их в новые экономические альянсы с выделением инновационно-индустриальных, высокотехнологичных и конкурентоспособных «популяций» [22]. Результатом развития данного процесса может стать возникновение отечественных рыночных структур, таких как ФПГ, кластеры, ТНК, ОЭЗ, которые должны гармонизировать и разнообразить национальную производственную структуру. Таким образом, создаются оптимальные условия для внедрения в промышленность транснационального элемента [8; 9; 15].

Как уже говорилось ранее, производственно-инвестиционная модель способствует «расчленению» национальных производственно-технологических цепочек выходу их отдельных звеньев за национальные рамки. Между тем за каждым производственным звеном стоит определенная организационно-функциональная структура (производственное, научно-исследовательское, инвестиционное, сервисное, внешнеторговое звено и др.), имеющая индивидуальную территориальную и отраслевую организацию. Как известно, система мирохозяйственных связей формируется из хозяйственных ячеек, в совокупности образующих специфическую решетку, узлы которой — единичные организационно-производственные структуры (рис. 2). Компоновка организационных структур различного назначения в особые ассоциативные группировки дает различного рода производственные образования: концерны, ТНК, ПКА и др. При анализе конструкций таких структур можно заметить в их построении повторяемость отдельных ячеек — *единичных организационно-производственных модулей*. Эти модули независимо от их комбинации могут изменять свою структуру, но остаются одинаковыми из-за наличия трех обязательных компонентов: а) единичной производственной ячейки; б) производственной связи с другими субъектами; в) связи с экономической средой функционирования. На базе единичных организационно-производственных модулей можно компоновать различные организационные структуры — субъекты транснационального общения, обладающие определенной территориально-отраслевой организацией и влияющие на структурные сдвиги в промышленном производстве [9].

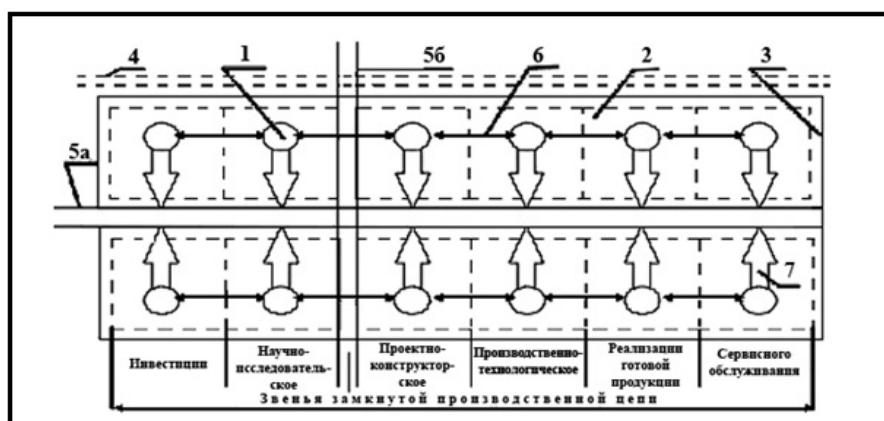

Рис. 2. Транснациональная территориально-производственная модель (единичные организационно-производственные модули и их взаимосвязи при компоновке субъектов транснационального общения):

- 1 — отдельная национальная территориально-производственная единица (предприятие);
- 2 — единичный модуль — организационно-производственная структура (экономико-географическая структура функционирования отдельной производственной ячейки);
- 3 — интернациональная организационно-производственная структура; 4 — межконтинентальный стык (сотрудничество между интернациональными производственными структурами);
- 5 — международный стык (сотрудничество между полными национальными звеньями территориально — производственной цепи (5a) и национальными частями расчлененной территориально-производственной цепи (56)); 6 — прямые связи между отдельными национальными территориально-производственными единицами в рамках отдельных производственных звеньев; 7 — территориально-производственные связи между однородными предприятиями

Принципиально важным положением для понимания природы развития стратегической ситуации в интернационализации производства является то, что в формировании межконтинентального (межфирменного) «стыка» и «ярусности» («этажности») товарного обращения участвует единичный организационно-производственный модуль. Важно понимать и то, что компоненты единичного модуля, встраиваясь в определенную структуру, не остаются неизменными — влияние «рынка среды» придает им новое качество. Данные метаморфозы имеют свои закономерности и их надо учитывать при формировании узлов новых производственных структур [14].

Таким образом, надо понимать, что новая промышленная политика России должна ориентироваться на достижение оптимального равновесия между национальной и мировой индустрией, внутренними и транснациональными промышленными структурами, процессами интеграции и дезинтеграции [7; 16]. Причем последние создают базу для участия производственного модуля в структурах мирового хозяйства и выступают действенным инструментом государства, создающего фон для вызревания ТНВП [1]. Между тем у отечественных промышленных структур для интеграции с иностранными компаниями и вхождения их в ТНВП уже есть некоторые предпосылки: во-первых, в рыночных условиях уникальные постсоветские промышленные структуры посте-

ленно трансформируются в ТНК, наиболее крупные российские корпорации ТЭК и ОПК обретают законченный транснациональный статус; во-вторых, по аналогии с ассоциациями по освоению регионов идет процесс формирования международных консорциумов с участием производственных и финансовых структур СНГ; в-третьих, значительное число отечественных корпораций, с которыми выгодно сотрудничать зарубежным партнерам, формируется на базе уже принадлежащих России в СНГ производственных и снабженческих звеньев отраслевых структур [1; 25].

Теория поляризованного развития и концепция производственного кластера как основа национальной промышленной политики

В 1990-е гг. в России происходила стремительная и «сумбурная» приватизация промышленных предприятий, осуществляемая с лихорадочным перебором западных моделей реформирования, что привело к разрушению районных и локальных ТПК на постсоветском пространстве. Большая часть разрушенных межотраслевых комплексов восстановлению в прежнем виде не подлежала ввиду их технологической отсталости. Разорванные звенья энергопроизводственных циклов, особенно верхних и средних стадий, были неконкурентоспособными с предприятиями развитых стран. Между тем отдельные, относительно конкурентоспособные части ТПК, постепенно трансформировались, модернизировались и встраивались в рыночные в том числе и транснациональные производственные структуры. Но этого недостаточно для полной модернизации отечественной промышленности.

Поэтому выход из данной проблемной ситуации видится в научном обосновании долгосрочной стратегии развития экономики России, формировании эффективной промышленной политики, программно-целевом и инвестиционном обеспечении всех регионов страны с выделением «полюсов роста», активизации инновационной деятельности. Но для этого необходим новый концептуальный подход и синтезирование современных методологий, связанных с изучением пространственных и структурных изменений в национальных промышленных системах в условиях транзитивной экономики.

При разработке концепции новой промышленной политики России одной из методологических основ регионального, в том числе и промышленного, развития может стать теория поляризованного развития и экономического ядра, ассоциирующаяся с именами Ф. Перру и Ж. Будвилля. Полезной для разработки промышленной политики может стать и методология, в основу которой положены научные положения *концепции производственного кластера* М. Портера, тем более что концепцию кластеров и теорию поляризованного развития объединяет идея регионального развития [28—31].

Заметим, что государственная кластерная промышленная политика — это новый способ организации микроэкономической политики по отношению к новым экономическим объектам — пространственным и

внепространственным производственным кластерам. В настоящее время в мире известно два типа кластерной политики, проводимой органами власти («сверху-вниз») и хозяйствующими субъектами («снизу-вверх»).

При возможном осуществлении кластерной политики в России потребуется и соответствующий инструментарий эффективности оценки ее реализации на разных пространственных уровнях. В этой связи кластерный анализ функционирования промышленной структуры может осуществляться на разных уровнях. Например, на макроуровне — взаимодействие групп отраслей в масштабах национальной экономики; на мезоуровне — внутри- и межотраслевые связи в производственной цепочке, на микроуровне изучаются связи между фирмами.

Инструментарий кластерного анализа в зависимости от информационной базы и целей исследования может включать экспертные оценки, сетевой анализ, анализ таблиц «затраты—выпуск», статистических закономерностей и пр. С помощью этих методик можно оценить степень взаимодействия фирм, которая в основана на обмене информацией и инновационных связях, торговых связях, инвестициях, общности технологий и факторов производства и т. п. [4].

В условиях транзитивного типа экономики кластерный подход является более предпочтительным инструментом для исследования аспектов международной производственной кооперации, чем отраслевой подход, так как нацелен на анализ всей цепочки создания стоимости конечного продукта в условиях возрастающего МРТ [18]. Поэтому одним из трендов изменения в структуре промышленности России становится появление и развитие *эффективных региональных и отраслевых кластеров как формы территориальной организации и модернизации национальной индустрии, объединенных транспортом в сетевые, ареальные и линейно-узловые производственные структуры* [4; 13; 26].

Однако вследствие невозможности на первом этапе реформирования национальной экономики оказать максимальную государственную поддержку всем промышленным кластерам, которые могут быть организованы, необходимо четко выделить приоритетные региональные или промышленные кластеры, причем это могут быть как экспортоориентированные, так и импортоориентированные кластеры. Формирование таких инновационных кластеров происходит на основе анализа региональной оценки структуры внешнеторгового оборота страны.

Между тем кластерная дифференциация регионов страны подчеркивает взаимосвязь индекса инновационности и величины регионального центра, что актуализирует тренд на формирование крупных городов для развития инновационного потенциала регионов. С целью доказательства данного положения экспертами российского ЦСР «Северо-Запад» было проведено сопоставление результатов распределения субъектов России по индексу инновационности и распределению технологических отраслей по регионам. На основе материала, полученного в результате индексирования, эксперты выделили шесть групп (кластеров) регионов России, характеризующихся разным уровнем инноваци-

онности. Такой опыт рациональной организации национального производственно-экономического пространства можно использовать при проведении в России новой промышленной политики [22].

Проблемы и перспективы новой стратегии территориального промышленного развития России

Сложность ситуации с точки зрения формирующейся национальной промышленной политики в частности видится в невозможности принятия новых комплексных программ по преодолению как социально-экономического, так и территориально-индустриального неравенства регионов России.

Остановимся прежде всего на тех новых элементах промышленно-инвестиционной политики, которые, вытекая из общего направления экономических реформ, становятся необходимыми для всего транзитивного периода. Как нам представляется, они связаны с более четкой дифференциацией задач, приоритетов по типам промышленных регионов на условной оси «центр — периферия».

Важный сдвиг в российской промышленной политике, который уже начался, но который еще предстоит в полной мере осознать и сформулировать, — это переориентация с традиционного для России освоения новых промышленных районов, на использование и модернизацию старых центральных промышленных районов. Известно, что размеры освоенной территории страны колоссальны. Индустриально наиболее оснащенные и экономически активные территории приурочены в основном к «главной полосе расселения и хозяйства», причем на ее европейскую часть приходится почти 80% промышленного производства. Все это имеет прямое отношение и к задачам промышленного развития России, поскольку они отражают относительную избыточность территориальной базы хозяйствования даже в пределах европейского макроядра страны. Обширная общая и даже освоенная территория при столь низком уровне ее промышленной освоенности на многих участках превращается из базы интенсивного развития в его обузу, неся опасность географического распыления ограниченных средств.

Долгие годы дорожавшее освоение новых, все более отдаленных территорий, оправдывалось необходимостью природно-ресурсного самообеспечения страны. Однако изобилие ресурсов, в том числе топливно-энергетических, как известно, еще не дает решающего экономического преимущества их обладателю. Последнее скорее зависит от инновационного в широком смысле потенциала страны и скорости внедрения НТП в разные сферы, а значит, и от уровня развития старых промышленных регионов. Между тем на нем сказывается отвлечение крупных средств в регионы нового освоения.

Ряд ученых утверждает, что новое легче создавать на новом месте, и у них есть свои аргументы [14; 27]. В их пользу — анализ диффузионных процессов на внутрирайонном уровне, где волны инновации нередко выбирают свободные места. Но это, во-первых, несопоставимо с

теми географическими контрастами, которые типичны для России. Во-вторых, сам процесс освоения носит в стране не столько новационный, сколько традиционный характер, будучи следствием многолетней ставки на экстенсивный промышленный рост, наращивание приходной части топливно-сырьевого баланса, инерционное использование созданной строительной базы, транспортной инфраструктуры, излишков рабочей силы (так как «пионерные» районы России относительно перенаселены по сравнению с таковыми в зарубежных странах). В-третьих, несмотря на всевозможные исключения, для дилеммы между освоением новых и модернизацией старых районов в общем виде справедливо утверждение, которое делают при сравнении вариантов нового индустриального строительства или реконструкции производства «в старых стенах»: последнее, как правило, дешевле. В-четвертых, переориентация промышленной политики на староосвоенные районы связана с индустриальной структурно-отраслевой и внешнеэкономической перестройкой национальной экономики.

Отказ от освоения природных богатств в труднодоступных районах привлекателен и как способ их сбережения для потомков, а также сохранения среды обитания коренных жителей этих районов. Отказ же от поддержки староосвоенных индустриальных ареалов часто воспринимается как культурно-исторический нигилизм и пренебрежение к их многочисленным жителям. Кроме того, внедрение новых промышленных производств в «старые» районы способствует структурному «омоложению» всей экономики России.

Макроотраслевые и макрорегиональные пропорции в воспроизводственном процессе тесно взаимосвязаны, и та гипертрофия «тяжелых» нижних индустриальных этажей в немалой степени сопряжена с форсированным капиталоемким освоением ресурсных районов. Таким образом, усиление приоритета промышленного макроцентра диктуется как социальными, так и экономическими интересами.

Нужно сознавать, что указание стратегии регионального промышленного развития в современных условиях требует обоснованного выбора. В целом на первых порах можно ожидать стабилизации и даже консервации сложившейся территориальной структуры базовых производств. Такой ход событий вполне закономерен, ведь в периоды крупных экономических изменений именно в традиционных районах индустриального макроцентра страны происходят глубинные, не сразу заметные сдвиги качественного характера, от которых зависит экономика России.

Районы индустриального макроцентра России весьма различны, но их сближает основной и типичный для данной стадии пространственный процесс — центростремительная концентрация населения, с которой связана социально-экономическая поляризация территории. Но поскольку этот процесс носит долговременный характер и сохранит свое направление, по крайней мере в течение предстоящих двух-трех десятилетий, отношение к нему национальной промышленной политики должно быть определенным.

Национальная промышленная политика может иметь разную степень активности и в зависимости от имеющихся средств включать услуги по территориально-отраслевой, межотраслевой, межтерриториальной координации (посредничество между районами, стремящимися избавиться от части своих производств, и теми, кто заинтересован в их диверсификации), формирование централизованных фондов для разгрузки ведущих индустриальных центров и развития периферии, прямое бюджетное финансирование информационной и инфраструктурной подготовки территории вплоть до сооружения групповых площадок (узлов или технопарков). Не лишено смысла и стимулирование миниатюризации форм деятельности, ведь высокотехнологичное малое предприятие вписывается в среду регионов разных рангов. Подобная политика, связанная с устранением нерентабельных предприятий и строительством на их месте высокотехнологичных производств, проводится, например, в Москве.

Известно, что «деиндустриализация» староосвоенных промышленных районов России за счет пространственной диффузии ряда отраслей шла еще в советские времена, обозначая филиальные зоны, дополняющие крупную промышленность центров. Однако этот процесс вряд ли можно считать вполне органичным и устойчивым в транзитивный период. Выявить же его «искусственную» составляющую, в том числе роль административных запретов на создание и расширение промышленных объектов в крупных центрах, нелегко. Диффузная индустриализация и развитие филиальной промышленности в России сдерживаются универсализмом крупных предприятий, контрастами в инфраструктурном оснащении территории. Наличие строительной базы, коммуникаций, сферы услуг резко дифференцирует условия проникновения промышленности в зоны мелкогородского расселения. Зато регионы крупных промышленных строек набирают сильнейшую инерцию роста.

Подобные тренды не менее очевидны, когда речь идет об инерции роста крупных ПГА. Отчасти из-за нее промышленная политика по-прежнему базируется на привычных административно-ограничительных мерах. Сохраняется и обратная связь, своеобразная психологическая установка людей, целых коллективов и корпораций на закрепление в престижном центре, боязнь ухода из него. Вряд ли оправданны и надежды на свободу размещения небольших предприятий с гибкими производственными программами, появление которых связывают с экономической реформой по модернизации производства, совместным с западными фирмами предпринимательством. Как и все нововведения, они вначале тяготеют к основным креативным центрам. Свобода от энергосырьевых баз и от внутриотраслевого агломерационного эффекта не означает безразличия к информационной, инфраструктурной, социальной подготовленности территории.

Перелом в трендах регионального промышленного развития нельзя навязать сверху, так как это — итог встречи спроса со стороны предпринимательской деятельности на территорию и предложения со сто-

роны территории. А раз большинство квалифицированных видов деятельности и население предъявляют в пределах обширного староосвоенного ядра России географически явно избирательный спрос, то приходится думать о его удовлетворении, о повышении емкости соответствующих промышленных ареалов.

Заключение

Для обеспечения действительно пропорционального и динамичного (устойчивого) развития конкурентоспособной индустрии необходимо внедрение в национальное производство новых технологий. Поэтому обратим внимание на исследование, проведенное институтом территориального планирования «Урбаника» (Санкт-Петербург), которое было направлено на выявление результатов территориальной и отраслевой трансформации российской промышленности по итогам 20 лет развития рыночной экономики, показавшее, что происходит активное развитие городов «промышленной инновации», где сосредоточен собственный промышленно-технологический потенциал России, наиболее актуальные и востребованные производственные инновации [5]. Между тем почти все эти производственные структуры размещаются в 250 наиболее крупных промышленных центрах России.

Становление и развитие рыночных механизмов на российском производственном пространстве активизировали региональные процессы, часть из них связана с развитием старых трендов: развитие естественных монополий, модернизация отдельных градообразующих предприятий, строительство экспорториентированных и импортозамещающих предприятий, строительство новых промышленных объектов в регионах Сибири, Дальнего Востока, Крайнего Севера и др. Среди новых трендов отметим следующие: *рост столичной ренты, поляризация национального промышленного пространства, разнонаправленная региональная динамика развития основных секторов промышленности, усиление внутренней связанности промышленности регионов страны, сжатие производственного пространства страны, усиление ориентации в региональных производственных связях и пропорциях на соседствующие национальные или международные рынки, растущая дифференциация национального производственного пространства по направлениям внешнеэкономических связей и др.*

Отметим так же, что в России возрастает роль современных форм организации промышленного производства, таких как кластеры, ФПГ, ТНК, ОЭЗ и технополисы, где происходит концентрация технологического, промышленного, научного и финансового потенциала [3; 10; 11; 24]. Рыночные формы организации национальной промышленности постепенно могут стать основой формирования нового промышленного каркаса России, на базе которого в перспективе будут разворачиваться более сложные стратегии роста, например, включающие развитие новых секторов инновационной экономики.

Список литературы

1. *Алексеев А. И., Мироненко Н. С.* Территориальная организация и интеграция в мировое хозяйство России на рубеже веков // Известия РАН. Сер.: «География». 2000. № 6. С. 18—27.
2. *Бакланов П. Я.* Современные теоретические проблемы экономической географии // Вестник МГУ. Сер.: «География». 2004. № 4. С. 7—11.
3. *Гаврилова Н. М.* Технопарки в мире и в России // ЭКО. 2012. № 10. С. 78—84.
4. *Гареев Т. Р.* Кластеры в институциональной проекции: к теории и методологии локального социально-экономического развития // Балтийский регион. 2012. № 3. С. 7—33.
5. *Институт «Урбаника».* URL: <http://urbanica.spb.ru> (дата обращения 11.04.2013).
6. *Информационно-аналитический портал ТАСС-Телеком.* URL: <http://tasstelecom.ru> (дата обращения 18.05.2014).
7. *Княгинин В., Щедровицкий П.* Промышленная политика России. М., 2005.
8. *Костюнина Г. М., Баронов В. И.* Технопарки в зарубежной и российской практике. URL: <http://www.vestnik.mgimo.ru> (дата обращения 18.05.2014).
9. *Кочетов Э. Г.* Геоэкономика. Освоение мирового экономического пространства : учебник для вузов. М., 2006.
10. *Министерство экономического развития Российской Федерации.* URL: <http://www.economy.gov.ru> (дата обращения 16.03.2013).
11. *Особые экономические зоны.* URL: <http://www.russez.ru> (дата обращения 18.05.2014).
12. *Мироненко Н. С.* Введение в географию мирового хозяйства: Международное разделение труда : учеб. пособ. для студентов вузов. М., 2006. С. 194—196.
13. *Михайлов А. С.* Формирование международных кластеров в Балтийском регионе // Балтийский регион. 2013. № 1. С. 53—63.
14. *Мошков А. В.* Промышленные узлы Дальнего Востока. Владивосток, 2005.
15. *Павлов Э.* Технопарки — важный элемент современной инновационной экономики. URL: <http://www.umpro.ru> (дата обращения 15.04.2014).
16. *Перельгин Ю., Княгинин В.* Пространственное развитие России в долгосрочной перспективе // Российское Экспертное Обозрение. 2007. № 1—2 «Россия: карты будущего».
17. *Пилипенко И. В.* Анализ основных зарубежных теорий конкурентоспособности стран и регионов в мировом хозяйстве // Известия Академии Наук. Сер.: «Географическая». 2003. № 6. С. 15—25.
18. *Пространственная организация хозяйства: ТПК или Кластеры?* // Материалы XXIII ежегодной сессии экономико-географической секции Международной Академии регионального развития и сотрудничества. М., 2006. С. 30.
19. *Пространственные трансформации в российской экономике.* М., 2002.
20. *Трансформационная экономика России : учеб. пособие / под ред. А. В. Бузгалина.* М., Финансы и статистика, 2006. С. 63—89.
21. *Трейвиш А. И.* Ограничения в развитии России: новый геодетерминизм // Россия в современном мире: поиск неинтеллектуальных подходов : сб. стат. III сократических чтений по географии. М., 2002. С. 126—144.
22. *Центр стратегических разработок «Северо-Запад».* URL: <http://csr-nw.ru> (дата обращения 19.05.2012).

23. *Цветков В. А.* Современное состояние и перспективы развития российских финансово-промышленных групп. URL: <http://www.cemi.rssi.ru> (дата обращения 18.03.2013)

24. *Часовский В. И.* География рыночных форм организации промышленности России // Известия Смоленского государственного университета. 2014. №3. С. 221—230.

25. *Чебанов С.* Российские ТНК: экспансия продолжается // Мировая экономика и международные отношения. 2010. №3. С. 118—121.

26. *Шаститко А. Е.* Кластеры как форма пространственной организации экономической деятельности: теория вопроса и эмпирические наблюдения // Балтийский регион. 2009. №2. С. 9—31.

27. *Gorkin A. P., Smirnyagin L. V.* A structural approach to industrial systems in different social and economic environments // Spatial Analysis, Industry and the Industrial Environment. Progress in Research and Applications. Vol. 1: Industrial systems / ed. by F. E. I. Hamilton and Linge G. J. R. Chichester. N. Y. ; Brisbane ; Toronto, 1979. P. 25—36.

28. *Perroux F.* Note on the Concept of Growth Poles in Economic Policy for Development: Selected Reading / ed. by T. Livingstone. L., 1971.

29. *Porter M. E.* Clusters and the New Economics of Competition // Harvard Business Review. 1998. November-December. P. 77—90.

30. *Porter M. E.* The economic performance of regions // Regional Studies. 2003. Vol. 37. August-October P. 549—578.

31. *Porter M. E.* Clusters and the New Economics of Competition // Harvard Business Review. 1998. November-December. P. 77—90.

32. *Wallerstein I.* The politics of the world economy. P., 1984.

Об авторе

Часовский Владимир Иванович, доктор географических наук, доцент, профессор кафедры градостроительства, землеустройства и дизайна, Институт природопользования, территориального развития и градостроительства, Балтийский федеральный университет имени И. Канта, Россия.

E-mail: chassovsky@rambler.ru

KEY DIRECTIONS OF SECTORAL AND SPATIAL CHANGES IN THE RUSSIAN INDUSTRY

V. Chasovsky*

**Immanuel Kant Baltic Federal University 14
A. Nevski St., Kaliningrad, 236041, Russia*

Submitted on November 15, 2014

This article considers major trends in the spatial and sectoral structure of national production and analyses the patterns of transformation of industrial systems into integrated industrial complexes, which show higher efficiency in transit condi-

tions. The author presents a new approach to studying the structural transformation of industrial systems during the transition of the national economy, which will make it possible to identify major trends in national production. The article seeks to draw attention to the methodology of developing and implementing industrial policy and devising an algorithm of effective transition of Russian industries in the modern conditions of international division of labor.

The modernization and transnationalization of national production rests on a number of methods that make it possible for the corporate management to react rapidly to changes in the global market situation. These methods include strategic segmentation, analyzing the ability to adapt to the expected conditions, devising a company's entrepreneurial strategy, and changes in the spatial and industrial structure of production.

The transformation of national industry is associated with the introduction of mechanisms of industrial integration structures using single organizational production modules capable of rational combination and transformation of the elements of national production structure to create competitive transnational production associations, such as clusters and other production forms serving as 'growth poles' and becoming elements of the emerging framework for national production.

This methodology makes it possible to develop new approaches, methods, and principles for analyzing the transformation of the national spatial and industrial system during economic transition. Current factors, features, patterns and trends in the transformation of national industrial systems are identified; a mechanism for devising and implementing a more structured industrial policy in Russia is developed.

Key words: industry, spatial and industrial changes, transition period, transformation economy, transnational production poles, international integration, economic 'growth poles', industrial policy.

References

1. Alekseev, A. I., Mironenko, N. S. 2000, Territorial'naja organizacija i integracija v mirovoe hozjajstvo Rossii na rubezhe vekov [Territorial organization and the integration of Russia into the world economy at the turn of the century], *Izvestija RAN. Ser. Geografija* [Izvestiya RAS. Ser. Geography], no. 6, p. 18—27.
2. Baklanov, P. Ya. 2004, Sovremennye teoreticheskie problemy jekonomichej geografii [Modern theoretical problems of economic geography], *Vestnik MGU. Ser. Geografija* [Vestnik MSU. Ser. Geography], no. 4, p. 7—11.
3. Gavrilova, N. M. 2012, Tehnoparki v mire i v Rossii [Technology parks in the world and in Russia], *ECO*, no. 10, p. 78—84.
4. Gareev T. 2012, Clusters in the institutional perspective: on the theory and methodology of local socioeconomic development, *Balt. Reg.*, no. 3, p. 4—24. DOI: 10.5922/2079-8555-2012-3-1.
5. Institut «Urbanika» [Institute "Urbanik"], available at: <http://urbanica.spb.ru> (accessed 11.04.2013).
6. V Rossii real'no dejstvuet 100 tehnoparkov [In Russia, the real effect of 100 industrial parks], 2011, *TASS-Telecom*, available at: <http://news.rambler.ru/science/12301194> (accessed 18.05.2014).
7. Knyagin, V., Schedrovitsky, P. 2005, *Promyshlennaja politika Rossii* [Russia's industrial policy], Moscow, 159 p.
8. Kostyunina, G. M., Baronov, V. I. 2012, Tehnoparki v zarubezhnoj i rossijskoj praktike [Technopark in foreign and Russian practice], *Vestnik MGIMO-Universiteta* [Vestnik MGIMO-University], no. 3, p. 91—99, available at: <http://www.vestnik.mgimo.ru> (accessed 18.05.2014).

9. Kochetov, E. G. 2006, *Geojekonomika. Osvoenie mirovogo jekonomicheskogo prostranstva* [Geo-economics. The development of the world economic space], Moscow.

10. Osobyje jekonomicheskie zony [Special economic zones], *Ministerstvo jekonomicheskogo razvitija Rossijskoj Federacii* [Ministry of Economic Development of the Russian Federation], available at: <http://www.economy.gov.ru> (accessed 16.03.2013).

11. Special Economic Zones of Russia, *Russez*, available at: <http://eng.russez.ru> (accessed 18.05.2014).

12. Mironenko, N. S. 2006, *Vvedenie v geografiju mirovogo hozjajstva* [An introduction to the geography of the world economy]. In: *Mezhdunarodnoe razdelenie truda* [The international division of labor], Moscow, p. 194—196.

13. Mikhailov, A. 2013, Development of International Clusters in the Baltic Sea Region, *Balt. Reg.*, no. 1, p. 37—46. DOI: 10.5922/2079-8555-2013-1-4.

14. Moshkov, A. V. 2005, *Promyshlennye uzly Dal'nego Vostoka* [Industrial units of the Far East], Владивосток, 192 p.

15. Pavlov, E. 2013, Tehnoparki — vazhnyj jelement sovremennoj innovacionnoj jekonomiki [Technology parks — an important element of modern innovative economy], *Umnoe proizvodstvo* [Smart production], no. 21, available at: <http://www.umpro.ru> (accessed 15.04.2014).

16. Perelygin, Yu., Knyaginina, V. 2007, Prostranstvennoe razvitie Rossii v dolgosrochnoj perspektive [The spatial development of Russia in the long term], *Rossijskoe Jekspertnoe Obozrenie* [Russian Expert Review], no. 1—2 «Rossija: karty budushhego» ["Russia: map of the future"].

17. Pylypenko, I. V. 2003, Analiz osnovnyh zarubezhnyh teorij konkurentosposobnosti stran i regionov v mirovom hozjajstve [Analysis of the main theories of international competitiveness of countries and regions in the world economy], *Izvestija Akademii Nauk. Ser. Geograficheskaja* [Proceedings of the Academy of Sciences. Ser. geographical], no. 6, p. 15—25.

18. Prostranstvennaja organizacija hozjajstva: TPK ili Klasteri? [The spatial organization of the economy: TPK or clusters?], 2006, *XXIII ezhegodnaja sessija jekonomiko-geograficheskoi sekcii Mezhdunarodnoj Akademii regional'nogo razvitija i sotrudnichestv* [XXIII Annual Session of the economic and geographic section of the International Academy of Regional Development and Cooperation], Lipetsk, 2—5 June 2006, Moscow, p. 30.

19. Minakir, P. A. (ed.), 2002, *Prostranstvennyje transformacii v rossijskoj jekonomike* [The spatial transformation of the Russian economy] Moscow, 424 p.

20. Buzgalin, A. V. (ed.), 2006, *Transformacionnaja jekonomika Rossii* [Transformational Economy of Russia], Moscow, p. 63—89.

21. Treyvish, A. I. 2002, Ogranichenija v razvitii Rossii: novyj geodeterminizm [Restrictions in the development of Russia: new geodeterminizm]. In: Shuper, V. A. (ed.), *Rossija v sovremennom mire: poisk neintellektual'nyh podhodov: sbornik statej Tret'ih sokraticeskikh chtenij po geografii* [Russia in the modern world: the search for non-intelligent approach: a collection of articles Socratic Third Readings in geography], Moscow, p. 126—144.

22. CSR «Severo-Zapad» sostavil innovacionnuju kartu Rossii [Center for Strategic Research "North-West" was an innovative map of Russia], 2007, *Centr strategicheskikh razrabotok «Severo-Zapad»* [Center for Strategic Research "North-West"], 13 September, available at: <http://csr-nw.ru> (accessed 19.05.2012).

23. Tsvetkov, V. A. *Sovremennoe sostojanie i perspektivy razvitija rossijskikh finansovo-promyshlennyh grupp* [Current state and prospects of development of Russian financial-industrial groups]

sian financial-industrial groups], available at: <http://www.ipr-ras.ru/articles/analysis.htm> (accessed 18.03.2013).

24. Chasovsky, V. I. 2014, Geografija rynochnyh form organizacii promyshlennosti Rossii [Geographic market forms of organization of industry Russia], *Izvestija Smolenskogo gosudarstvennogo universiteta* [Proceedings of the Smolensk State University], no. 3, p. 221—230.

25. Chebanov, S. 2010, Rossijskie TNK: jekspansija prodolzhaetsja [Russian multinationals: the expansion continues], *Mirovaja jekonomika i mezhdunarodnye otnoshenija* [World Economy and International Relations], no. 3, p. 118—121.

26. Shastitko, A. 2009, Clusters as a Form of Spatial Organisation of Economic Activity: Theory and Practical Observations, *Balt. Reg.*, no. 2, p. 7—25. DOI: 10.5922/2079-8555-2009-2-2

27. Gorkin, A. P., Smirnyagin, L. V. 1979, A structural approach to industrial systems in different social and economic environment. In: Hamilton, F. E. I. and Linge, G. J. R. Chichester, *Spatial Analysis, Industry and the Industrial Environment. Progress in Research and Applications*, Vol. 1: Industrial systems, p. 25—36.

28. Perroux, F. 1971, Note on the Concept of Growth Poles in Economic Policy for Development: Selected Reading, London.

29. Porter, M. E. 1998, Clusters and the New Economics of Competition, *Harvard Business Review*, November-December, p. 77—90.

30. Porter, M. E. 2003, The economic performance of regions, *Regional Studies*, Vol. 37, August-October, p. 549—578.

31. Porter, M. E. 1998, Clusters and the New Economics of Competition, *Harvard Business Review*, November-December, p. 77—90.

32. Wallerstein, I. 1984, *The politics of the world economy*, Paris, 295 p.

About the author

Prof Vladimir Chasovsky, Department of Urban Development, Land Management, and Design, Institute of Nature Management, Spatial Development and Urban Planning, Immanuel Kant Baltic federal University, Russia.

E-mail: chassovsky@rambler.ru

ТРЕБОВАНИЯ И УСЛОВИЯ ПУБЛИКАЦИИ СТАТЕЙ В ЖУРНАЛЕ «БАЛТИЙСКИЙ РЕГИОН»

Правила публикации статей в журнале

1. Представляемая для публикации статья должна быть актуальной, обладать новизной, содержать постановку задач (проблем), описание основных результатов исследования, полученных автором, выводы, а также соответствовать правилам оформления.

2. Материал, предлагаемый для публикации, должен быть оригинальным, не публиковавшимся ранее в других печатных изданиях. При отправке рукописи в редакцию журнала автор автоматически принимает на себя обязательство не публиковать ее ни полностью, ни частично в каком-либо издании без согласия редакции.

3. Рекомендованный объем статьи — 0,5 уч.-изд. л. (20 тыс. знаков с пробелами), для научного сообщения — 0,15 уч.-изд. л. (6 тыс. знаков с пробелами).

4. Все присланные в редакцию работы проходят **внутреннее** и **внешнее рецензирование**, а также проверку системой «Антиплагиат», по результатам которых принимается решение о возможности включения статьи в журнал.

5. Плата за публикацию рукописей не взимается.

6. При подаче статьи на рассмотрение автор вместе с материалами рукописи должен представить внешнюю рецензию на работу (с обязательным указанием контактных данных рецензента: Ф. И. О., место работы, должность, e-mail, контактный телефон). При подаче статьи в электронном виде рецензию можно представить в формате PDF.

7. Статья направляется в редакцию журнала выпускающему редактору Татьяне Юрьевне Кузнецовой по e-mail: tikuznetsova@kantiana.ru или tikuznetsova@gmail.com

8. С января 2013 г. статьи на рассмотрение принимаются в режиме онлайн. Для этого авторам нужно зарегистрироваться на портале «Единой редакции научных журналов БФУ им. И. Канта» http://journals.kantiana.ru/submit_an_article/ и следовать подсказкам в разделе «Подать статью онлайн».

9. Решение о публикации (или отклонении) статьи принимается редакционной коллегией журнала после ее рецензирования и обсуждения.

Комплектность и форма представления авторских материалов

1. Статья должна содержать следующие элементы:

1) индекс УДК — должен достаточно подробно отражать тематику статьи (основные правила индексирования по УДК см.: <http://www.naukapro.ru/metod.htm>);

2) название статьи на русском и английском языках (*до 12 слов*);

3) аннотацию на русском и английском языках (*приблизительно 1500 знаков*), оформленную в соответствии с международными стандартами и включающую:

- вступительное слово о теме исследования;
- цель научного исследования;
- описание научной и практической значимости работы;
- описание методологии исследования;
- основные результаты, выводы исследовательской работы;
- ценность проведенного исследования (какой вклад данная работа внесла в соответствующую область знаний);
- практическое значение итогов работы.

В аннотации не должен повторяться текст самой статьи (нельзя брать предложения из статьи и переносить их в аннотацию), а также ее название. В ней не должно быть цифр, таблиц, внутритекстовых сносок и т. д.;

4) ключевые слова на русском и английском языках (*4—8 слов*);

5) список литературы (*не более 25 источников*);

6) пристатейные библиографические списки оформляются на русском языке (в соответствии с ГОСТ Р 7.0.5. — 2008) и **на латинице** (Harvard System of Referencing Guide);

7) сведения об авторах на русском и английском языках (Ф. И. О. полностью, ученые степени, звания, должность, место работы (организация, город, страна), почтовый адрес, e-mail);

8) сведения о языке текста, с которого переведен публикуемый материал.

Общие правила оформления текста

Авторские материалы должны быть подготовлены **в электронной форме** в формате листа А4 (210 × 297 мм).

Все текстовые авторские материалы принимаются исключительно в формате *doc* и *docx* (Microsoft Office).

Подробная информация о правилах оформления текста, в том числе таблиц, рисунков, ссылок и списка литературы, размещена на сайте «Единая редакция научных журналов БФУ им. И. Канта» <http://journals.kantiana.ru/authors/imk/> (информационно-методический комплекс «Как написать научную статью»).

Научное издание

**БАЛТИЙСКИЙ РЕГИОН
2015
3 (25)**

Редактор *В. Г. Арутюнян*
Корректор *И. А. Смирнов*
Верстка *О. М. Хрустальной*

Подписано в печать 28.08.2015 г.
Формат 70×108 ¹/₁₆. Усл. печ. л. 15,3
Тираж 1000 экз. (1-й завод — 46 экз.). Заказ .

Издательство Балтийского федерального университета им. Иммануила Канта
236022, г. Калининград, ул. Гайдара, 6